

Александр Филиппов

Аномальная зона

Александр Филиппов

Аномальная зона

«Издательские решения»

2015

Филиппов А.

Аномальная зона / А. Филиппов — «Издательские решения»,
2015

Четверо наших современников — журналист-уфолог, писатель, полицейский и правозащитник попадают в самый настоящий сталинский лагерь, до сего дня сохранившийся в дебрях глухой тайги. Роман не только развлечёт читателей невероятными приключениями, выпавшими на долю главных героев, но и заставит задуматься о прошлом, настоящем и будущем России.

© Филиппов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
1	8
2	10
3	13
4	14
5	17
6	21
Глава вторая	24
1	24
2	26
3	29
4	32
5	35
6	38
7	41
Глава третья	44
1	44
2	48
3	51
4	53
5	56
6	60
Глава четвёртая	63
1	63
2	66
3	68
4	70
5	72
6	74
7	76
8	79
9	81
10	85
11	89
Глава пятая	93
1	93
2	97
3	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Аномальная зона
Роман
Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Тихо утром в тайге. Верхушки сосен застыли недвижно, нежась под ласковым прощально сентябрьским солнышком, а у комлей стволов, покрытых клочьями мха, еще сумрачно, зябко от остывшей за ночь земли.

Старшина Паламарчук поежился, поднял воротник порыжевшей от времени шинелёшки, нахлобучил по самые уши синюю фуражку с темно-красным околышем, увенчанную тонким пучком веточек с желто-багряными листьями клена за ремешком – для маскировки, и осторожно придерживая винтовку, повернулся на левый бок.

До смены поста оставалось еще два особенно тягучих от однообразия и усталости часа. Но это немного, если учесть, что почти неподвижно на охапке примятого лапника он пролежал всю ночь. А сколько таких ночей, жарких летом, звенящих от густого облака гнуса, и трескуче-морозных, сковывающих лютым холодом проледеневшее заснеженное пространство зимой, провел он за двадцать лет службы в «секретах»! И все-таки каждый раз, когда заместитель начальника лагеря по режимно-оперативной работе подполковник Иванюта зачитывал приказ о назначении в наряд, сердце старшины Паламарчука начинало стучать чаще, а чисто выскобленные трофейной, оставшейся от дедушки золингеновской бритвой щеки пламенили от гордости.

И то! Вот уже два десятка лет по заведенному исстари порядку – через двое суток на трети – ему доверяли охрану самого ответственного рубежа – дальних подступов к лагерю.

А это совсем не то, что заступать в караул на вышку, сторожа периметр зоны. Там – основные заграждения, крепкий деревянный забор, густо увитый «егозой» и колючей проволокой, с «запреткой», освещенной лампами и прожекторами, где в случае учебной тревоги или, не приведи бог, реальной попытки побега с режимного объекта срабатывает сигнализация, взывает истошно сирена и из караульного помещения на поддержку часовому, грохоча коваными сапогами, выскакивает с автоматами наизготовку тревожная группа.

Нет! Здесь, на внешних рубежах лагеря, все иначе. И в случае чего рассчитывать придется только на себя. Опергруппа если и прибудет на помощь, то лишь только после начала стрельбы. И то, поспешая, окажется здесь не ранее чем через тридцать минут. А до того времени, как велит новая редакция устава караульной службы, постовому надлежит держаться самому, решительно отражая нападение противника огнем, штыком и прикладом. Даже связь не работает – был раньше полевой телефон, замаскированный в дупле дерева, но, видно, у аппарата потроха с годами от сырости проржавели и сдохли, а новый где взять во вражеском окружении? Ракету сигнальную в небо пулять тоже бесполезно. Нет его практически здесь, неба, в тайге, все кронами елей затянуто, хоть обсветись – из лагеря не увидят.

Ветераны-чекисты рассказывают, что раньше в дальних «секретах» по трое дежурили, с собаками, но тогда и вохры в поселке было – каждый второй. Но теперь большинство населения – из «быков»-расконвойников да вольняшек, а потомственных чекистов раз-два и обчёлся. И он, старшина Паламарчук, один из них. Кому ж, как не ему, доверить такой важнейший участок!

Подполковник Иванюта, в ту пору еще капитан, двадцать лет назад впервые назначая молодого бойца Толю Паламарчука в секрет, сказал: «Ты, парень, у нас конвойник, самых чистых кровей, чья родословная еще от соловецкой вохры идет, на таких, как ты, надежда у нас особая, но и спрос с тебя, конечно, особый!»

Вот ведь сколько времени минуло, а наставление то запомнилось. И он, Паламарчук, не подвел! Два десятка нарушителей, из прогневшего зарубежья на режимную территорию пробиравшихся, задержал да трех побегушников из лагеря. Двоих лично повязал, стреножил, а одного завалил.

Когда последний побег предотвратил – часовой на вышке проспал, зек и сиганул через основное заграждение, рванул в тайгу да на дальнем «секрете» на Паламарчука и нарвался, схлопотал пулю, – начкар лейтенант Конорушкин перед строем старшему сержанту благодарность объявил и приказ Хозяина о присвоении очередного спецзвания старшины зачитал. Потом обнял – а сам седенький весь, старенький, трясущимися руками слёзы с глаз утирает и говорит при всех: «Быть тебе, Паламарчук, заместо меня начальником караула!»

Так прямо и заявил! А что? Очень даже может случиться, что наденет старшина Паламарчук через годик-другой погоны с желанной звёздочкой младшего лейтенанта. И то! Кому, как не ему, потомственному, в офицерах-то ходить! А там, глядишь, ещё лет через двадцать, годам к шестидесяти, и замом по режимно-оперативной работе стать может. Не вечен же Иваница!

Мечтая так, старшина по многолетней привычке вглядывался пристально в сумрачное пространство перед собой, поводил плечами от потянувшей с близлежащего болота туманной сырости зябко, но мигом насторожился, услышав, как в таёжной чаще неподалёку вначале хрустнула ветка. И сразу затем, с треском ломая подлесок и глухо стуча копытами в густо усыпанную опавшей хвоей землю, на полянку перед «секретом» вымахнул, высоко задрал увенчанную рогами голову, огромный лось. Он застыл было, раздувая замшевые ноздри, в пяти шагах от старшины, а потом, почуяв человека, всхрапнул, скакнул в сторону и скрылся в непролазной чащобе.

Паламарчук сжал крепче винтовку, негромко клацнул хорошо смазанным затвором, вгоня патрон из магазина в канал ствола, вскинул приклад к плечу. Кто бы ни вспугнул сохатого, зверь или человек, старшина должен быть начеку. Медведь, конечно, опасен, но, скорее всего, пройдёт стороной. А вот если человек... Чужака во что бы то ни стало следует задержать. В режимную зону нарушителям хода нет. Выхода, впрочем, тоже...

И когда промеж прямых и голых у основания, словно телеграфные столбы, вековых сосен показались три жалкие, измождённые, шатающиеся от слабости фигуры в изорванной об острые сучья одежде, старшина не удивился, не вздрогнул от неожиданности, а лишь стиснул зубы, заиграл желваками, твёрдо направив на цель винтовку.

Нарушители брели, держась друг за друга, оступаясь, постанывая, и не сразу заметили часового, выросшего у них на пути.

– Стоять! Руки за голову! – решительно скомандовал Паламарчук.

Словно споткнувшись разом, чужаки замерли. А один из них, поправив сбившиеся на кончик носа очки, посмотрел испуганно на старшину, сказал растерянно спутникам:

– Нет, друзья. Это совсем не бигфут. Не йети...

– Эти, ни эти, – качнув стволом винтовки, презрительно передразнил его Паламарчук, – какие надо, те мы и есть. Отставить разговорчики! Вы задержаны. При попытке к бегству стреляю на поражение!

Глава первая

1

Спать, не сняв форменной одежды, – сущее наказание. Если лечь набок, то погон на плече врежется в шею, аккуратно в область сонной артерии, так что и удушиться недолго. А на спине старший оперуполномоченный капитан милиции Фролов уснуть никогда не мог.

Чертыхнувшись, он сел на продавленном служебном диване, потянулся к столу, вытряхнул из пачки сигарету «Ява» – тридцатую, не иначе, за сутки, щёлкнул зажигалкой и пыхнул в потолок облачком крепкого дыма. Три часа ночи. Самое время сна, а не спится. А все новый начальник УВД! Издал приказ операм из УГРО во время дежурств по управлению в форме ходить. Его, видишь ли, цивильная одежда сыскарей своим небравым видом раздражает. Высокое начальство считает, что в кителях да шинелях, сверкая золотом кокарды на фуражках, оперативникам по чердакам да подвалам сподручнее за жульём гоняться!

Капитан, потыкав в кнопки телефона, набрал по внутренней связи номер дежурки:

– Приходько? Как обстановка?

– Спи, Никита, не дергайся, – добродушно попенял ему ответственный дежурный по управлению майор Приходько. – В Дзержинском районе драка на бытовой почве, в Советском – куртку сняли с прохожего. Мелочёвка, короче. Ребята из райотделов сами справятся. Так что отдыхай, пока есть возможность...

Фролов положил трубку на аппарат. Дежурство нынче выдалось на редкость спокойным. Управление уголовного розыска краевого УВД подключалось лишь при совершении тяжких преступлений – крупных краж, разбойных нападений, убийств. «Бытовухой» же занимались в основном райотделы. Впрочем, исключения бывали. Месяц назад, например, всю милицию города, включая УВД и УГРО, на уши поставили – у губернатора края любимая собачка пропала. Молодой кобелёк какой-то чрезвычайно редкой породы, название которой и выговорить-то невозможно, язык сломаешь, увязался за течной сукой – самой что ни на есть плебейской блохастой дворняжкой – и был обнаружен лишь три дня спустя в стае шелудивых псов, сопровождавших столь же облезлую даму. И все эти три дня сотрудники милиции работали по усиленному варианту несения службы. А потому патрульный экипаж, изловивший кобеля, всерьез намеревался придушить животину, но, к счастью своему и пса, не сделал этого, получив благодарность от самого генерала – начальника УВД. О том, чтобы компенсировать сотрудникам работу сверхурочно и в выходные дни, речи, конечно, не было.

– Погоны таскаете? – грозно вопрошал подчиненных, стоило им заикнуться о праве на отдых, начальник УГРО грузный полковник Титаренко, чередовавший сигареты с таблетками от головной боли, которые грыз, не запивая водой, словно леденцы, морщась то от дыма, то от лекарственной горечи. – Вот и несите с достоинством тяготы и лишения милицейской службы. Ишь, расчувствовались, как профсоюзники... Отгулы им подавай!

От невесёлых воспоминаний Фролова отвлёк пронзительный телефонный звонок. На том конце провода майор Приходько сообщил не без злорадства:

– Вот и накликал ты на свою задницу приключения! Не спалось, вишь ли, ему...

– Что у вас там? – догадываясь уже, что отдыхать больше не придётся, отозвался капитан.

– А там у нас, Никитушка, труп. Со следами насильственной смерти. В Промышленном районе. В Шанхае. Экипаж патрульно-постовой службы получил сообщение о драке на улице Короленко. Подъехал, но уже никого не застал. Только трупак свежий с колото-резаным ранением в сердце. Да ты не расстраивайся шибко, – посочувствовал оперативнику майор, – думаю, с раскрытием проблем особых не будет. Убитый по виду бомж. Наверняка его дружки замо-

чили. И патрули быстро их возьмут. Мы туда ещё три экипажа подтянули, они сейчас все окрестные кварталы шерстят. На худой конец поймаете какого-нибудь синюгу, настучите ему по почкам, он и признается... – хохотнул в трубку Приходько. – Так что дело плёвое. Но прокурор, экспертно-криминалистическая группа на место происшествия выехали. Впрягайся и ты. Дежурный «уазик» уже у подъезда.

– Понял, – буркнул Фролов, опуская трубку.

Он неторопливо набросил поверх рубашку наплечную кобуру с табельным «Макаровым», натянул китель – августовские ночи в их краю прохладные, прихватил электрический фонарик «жучок» и покинул уютный кабинет, заперев ключом дверной замок – простенький, от честных людей, которых в главном здании милицейского ведомства, конечно же, большинство.

2

Управление внутренних дел и среди ночи сияло окнами, заметно выделяясь среди административных строений центральной части большого сибирского города, носившего неофициальный титул столицы таёжного края. Некогда заштатный городок с открытием и разработкой нефтяных месторождений переживал теперь ренессанс, пух от дурных, обусловленных ростом мировых цен на чёрное золото, денег, разросся ввысь и вширь, расцвёл огнями рекламы офисов богатых фирм, банков, отелей и роскошных магазинов, палил в северное небо снопами праздничных фейерверков по поводу и без повода, колобродил и пучился весельем, словно игристое шампанское в ледяном хрустальном бокале, хлопая иногда будто вылетевшей из бутылки пробкой, пистолетными выстрелами киллеров по чьим-то несговорчивым конкурентам в бизнесе, но случалось такое в последние годы всё реже. Слава богу, кажется, всё уже поделили, захапали, и главные разборки, кому и из каких месторождений качать нефть, перенесли в Москву, а то, глядишь, и ещё выше – в Кремль.

Но к нефтеносной трубе, шедшей отсюда, из таёжной глуши и замороженной тундры, до самой Европы, присосались далеко не все местные жители. И если проехать несколько бурлящих сытой и праздничной жизнью элитарных кварталов и очутиться на окраине, где обитают аборигены, то город оборачивался здесь своей тёмной и грязной изнанкой. На ухабистых улочках лепились плотно друг к другу кособокие бревенчатые домишки дореволюционной постройки, переплетались тесно глухими заборами, ветхими сараюшками и высоченными поленницами дров на задних дворах, заросшими бурьяном огородами и помойками, а по узким проулкам, по которым не могли проехать милицейские «уазики», местные жители, избегая столкновений с правоохранительными органами, разбегались при случае дружно и споро, как тараканы, легко ускользя таким образом от карающей десницы закона.

Народ, обитавший здесь исконно – и при царском режиме, и при советской власти, занимался предпочтительно криминальным промыслом, а нынче и вовсе пустился во все тяжкие. Торговал палёной водкой, наркотиками, краденым шмотьём, держал на отстое и курочил на запчасти угнанные автомобили. Сюда же со всего города стекался бедовый люд, съезжались освободившиеся из колоний зеки, грабители и воры несли барыгам несправедную добычу – «слам», а пьяницы и наркоманы – деньги, последнее семейное золотишко, здесь испокон веков скрывались беглые заключённые и объявленные в розыск преступники.

Правда, уже в новейшие времена и в этом сумрачном, замусоренном районе, словно золотые фиксы в гнилозубом рту, стали появляться сияющие нахально коттеджи. То строились наиболее удачливые обитатели Шанхая – воры, рэкетеры, наркоторговцы, цыганские бароны, чувствующие себя привычно, комфортно и безопасно среди окружающей их нищеты, пьянства и дерзкого криминала.

Вот куда ехал сейчас Фролов, удивляясь про себя, что именно отсюда последовал звонок в милицию, сообщивший о драке. У местного населения привычек сигнализировать правоохранительным органам о таких происшествиях не водилось. Не иначе как невзначай завернувший на эти кривые улочки таксист стуканул по мобильному телефону...

Водитель «дежурки» вёл машину вполне уверенно, хорошо зная этот район, в котором ему наверняка многократно приходилось бывать по служебным делам. Тем более что и углубляться в трущобы Шанхая, застроенного изначально без всякого плана, самовольно, милицескому «уазику» не пришлось. Улица Короленко ответвлялась от оживлённой городской магистрали и ныряла в низину, в которой угнездился посёлок. В начале её даже горели фонари на столбах, и под одним из них, когда машина подкатила ближе, Фролов разглядел одинокую фигуру топтавшегося в пятачке света молодого милиционера, а у его ног – распостёртое на тротуаре тело.

Постовой бросился к затормозившему рядом «коробку», как к родному:

– Ну наконец приехали! – с явным облегчением выдохнул он. – А то бросили меня здесь в одиночку жмурика сторожить, а напарники по задержанию убийцы работают. Укатили, а я стою в этом шпанинском районе и думаю: вернуться наши, а тут вместо одного трупа – два. Представляете, каково здесь ночью в милицейской форме маячить? Я уже и пистолет приготовил. Вот, – вынул он из кармана чёрный «Макаров». – Думаю, ежели что, то дорого продам свою жизнь!

– Да кто ж на такого бравого мента нападёт! – усмехнулся Фролов, подсадив тем не менее на коллег постового. Действительно, оставили салагу в таком криминальном курмыше. А если бы и впрямь здешние оторвяги на него налетели? И успокоил, смягчившись: – Ладно, обошлось же... Ну, показывай мне место преступления, которое ты так мужественно, можно сказать в тылу врага, охранял.

– Да вот оно, – шмыгнув носом, указал на труп милиционер. – Тело мы не трогали, командир отделения только пульс пощупал. Да и так видно, что «жмурик». Следов обуви, – постовой склонился над покрытым коркой засохшей грязи асфальтом, – визуально не обнаружено. Посторонние к телу не подходили. Так что вполне оправдано в данной ситуации применение служебной собаки, – авторитетно заявил он, а потом, глянув на улыбающегося капитана, добавил, смутившись: – По горячим следам.

– Ишь ты, какой грамотный, – искренне удивился Фролов. – Учишься?

– На втором курсе юридического, – не без гордости пояснил милиционер.

– А раз так, то запоминай, – назидательно поднял указательный палец капитан. – Я за всю жизнь только раз видел, чтобы служебная собака преступника задержала. И то знаешь где? В кинофильме «Ко мне, Мухтар!». Поэтому твои старшие товарищи из экипажа правильно сделали, что, не дожидаясь кинолога, сами по горячим следам рванули. Так-то оно вернее... А ты, раз такой сообразительный, доложи, что успели предпринять по этому делу. Труп хорошо досмотрели?

– Никак нет! – вытянувшись, по-военному чётко отрапортовал милиционер. – Согласно уставу патрульно-постовой службы мы организовали охрану места происшествия и улики и приняли меры к задержанию преступников. Осмотр тела проведён поверхностно на предмет установления характера телесных повреждений и документов. Повреждение обнаружили, а документов, удостоверяющих личность, у погибшего нет.

– Молодец! – от души похвалил его капитан. – Быть тебе со временем генералом!

Затем склонился над трупом, подсвечивая фонариком, внимательно осмотрел. Мертвец действительно походил на бомжа. Затрапезная одежонка: вылинявшая до белизны, порванная по многих местах телогрейка-стёганка, какие и не шьют теперь, кажется, – с расплывшимся на левой стороне груди пятном крови с блюдце величиной, брюки вроде спецовочных – грязные, с дырой на правом колене и обтрепавшимися до бахромы штанинами. Возраст – под пятьдесят. Хотя, возможно, и моложе. Убитого могла старить густая, окладистая, с проседью борода. Волосы на голове длинные, давно не стриженные, торчащие слипшимися сальными прядями из-под вязаной шапочки. Однако устойчивого алкогольного запаха, неистребимо сопровождавшего подобных типов и после смерти, капитан не ощутил.

Не без чувства отвращения он пошарил в боковых карманах фуфайки поверженного, извлёк оттуда холщовый мешочек с чем-то сыпучим, смятый коробок спичек. Размотав тесёмку на горловине мешочка, запустил туда пальцы. Вытянул щепотку махорки и сложенный гармошкой обрывок газеты. Господи, кисет! А бумага-то для самокруток. Из какого века пожаловал этот парень?

– Махорка, – показал Фролов постовому жёлтые крупички. – Где он её, интересно, взял? Теперь такое дерьмо и в зонах не курят.

Молодой милиционер внимал, воспринимая происходящее, должно быть, как практическое занятие в институте, и даже осторожно взял с ладони капитана несколько крупинок махорки, поднеся к носу, понюхал задумчиво.

– И кисет, гляди-ка, – указал на мешочек Фролов. – Хоть и замызганный, а с вышивкой. Вон какими узорами украшен. Ручная работа!

Он продолжил обыск. В карманах штанов погибшего нашлось несколько десятирублёвых купюр, тоже изрядно замусоленных, и компас в пластмассовом футляре. Из-за голенища раздолбанных, коричневых от старости кирзовых сапог капитан извлёк длинную финку с наборной плексигласовой рукояткой и острым как бритва лезвием.

– А мужичок-то того... С жалом оказался, – заметил Фролов. – Странно, что он таким пёрышком для самообороны не воспользовался...

Углядев за спиной убитого тощий вещмешок, перекинутый через правое плечо, капитан приподнял тело, расправил застывшую уже руку трупа и вытянул из-под него ношу. Распустив лямки, захлестнутые петлёй у горловины, вытряхнул содержимое на живот покойника. Внутри оказалась пустая солдатская фляжка в брезентовом чехле, половина краюхи тёмного хлеба, шмат сала с ладонь величиной в промасленной обёрточной бумаге, узелок с крупного помола солью, несколько кусочков пилёного сахара в картонной коробочке, пригоршня чая в газетном свёртке, ржаные сухари в чистой с виду белой тряпице, пара шерстяных носков домашней вязки.

– Для бомжа мужик аккуратный. На алкаша не похож, – подвёл итог своим изысканиям Фролов.

Осторожно касаясь одежды убитого кончиками пальцев, капитан расстегнул на нём ватник. И сразу же увидел под ним серую нательную рубаху вроде тех, что носят солдаты в армии, а на животе поверх рубахи – широкий пояс, напоминающий охотничий патронташ из дерматина с вертикально пришитыми кармашками, застёгнутыми на пуговички, в каждом из которых могли спокойно уместиться пара пачек сигарет.

– Шахид! Пояс смертника! – отшатнулся испуганно молодой милиционер.

– Не то, – уже догадавшись, с чем имеет дело, процедил сквозь зубы Фролов.

Расстегнув клапан одного из кармашков, он не без труда извлёк оттуда тяжёлый брусок металла. Взвесив его на руке, рассмотрев при неверном свете фонаря, удовлетворённо щёлкнул по нему ногтем. Потом протянул постовому:

– Держи!

– Что это? – настороженно принял брусок тот.

– Золото. Полюбуйся, а то жизнь проживёшь и не увидишь больше такого. – Достав сигарету, закурил, покачав задумчиво головой: – Этот мужичок драгметалла на себе на несколько сотен тысяч баксов таскал. А ты говоришь – бомж...

3

Через несколько минут к месту преступления подъехало сразу три автомобиля – прокурор, эксперты-криминалисты, опера из Промышленного РОВД. У тела убитого началась нетопливая, выверенная годами работа, озаряемая время от времени сполохами фотовспышек.

– На бытовуху случившееся явно не тянет, – веско изрёк толстый, вальяжный прокурор, понянчив в руках килограммовый золотой слиток. – Надо товарищей из ФСБ подключать.

– Валяйте, – равнодушно согласился Фролов. – А наше дело служивое. Задержать убийц да расколоть. А если федералы на себя это дело возьмут... что ж, как говорится, баба с возу – кобыле легче.

– Ответственности за раскрытие данного преступления с вас пока никто не снимал, – заметил неприязненно прокурор, искоса глянув на капитана как на мелкую оперативную сошку, не демонстрирующую почтительности к надзорному органу. – Так что приступайте к исполнению своих прямых обязанностей. И представьте нам виновных в преступлении лиц. Ну а мы уж без вас разберёмся с юрисдикцией этого дела...

Фролов, скривившись, отошёл в сторону. Он терпеть не мог прокурорских работников – как на подбор холёных и спесивых. Это лишь в телесериалах они гоняются с пистолетами в руках за преступниками, а в реальной жизни просиживают штаны в кабинетах, щеголяют отутюженной формой, курят дорогие сигареты и презирают ментов как «чёрную кость».

– Привет работникам центрального аппарата, – окликнул капитана знакомый голос.

Он оглянулся. К нему тянул, здороваясь, лапищу подполковник Смирнов – начальник отдела УГРО Промышленного РОВД, огромный широкоплечий мужик.

– Даром что управленческий кадр, а на месте преступления, гляди-ка, раньше моих парней оказался!

– Шустрим. Подаём нижестоящему звену личный пример, – оттаивая от пикировки с прокурором, улыбнулся Фролов. Смирнов ему нравился – свой парень, всю жизнь пропахал на земле, прирождённый сыскарь.

– Ну и что ты думаешь по этому поводу? – указав на труп, спросил вполголоса подполковник.

– Убитый – курьер, обеспечивавший трафик незаконно добытого золота, – пожал плечами Фролов. – А может быть, и похищенного с прииска. Причём работают ребята в крупных масштабах. Этот мужик десять кило на себе пёр. Откуда и куда – пока неясно. А замочили его, судя по всему, случайные ухари, здешние отморозки. И смылись, не подозревая, какой клад хранится под драной фуфайкой потерпевшего. Вот их-то нам с тобой и надо срочно найти. Дело закручивается серьёзное. Хищение золота – сам понимаешь, преступление против государства. И нас с тобой и непосредственное начальство, и прокурорская братва с фээсбэшниками будут трясти, как грушу, пока мы им пацанов, запоровших курьера, не предъявим. Так что давай поднимай по тревоге весь вверенный тебе в подчинение личный состав!

В кармане куртки-штормовки Смирнова заверещал мобильник. Подполковник поднёс его к уху:

– Да... Молодцы. Сейчас подъедем. – И обернувшись к Фролову, сообщил довольно: – Кажись, хлопнули ребята из патрульно-постовой службы тех, кто нам нужен. Двоих местных. Они в райотделе уже, в обезьяннике сидят. Можешь дежурку отпустить. Я на колёсах, со мной поедешь. Давай быстро, пока эти чистоплюи прокурорские не пронюхали, мы с подозреваемыми первыми потолкуем.

4

В дежурной части РОВД, несмотря на пятый час утра, когда дремота валит с ног даже самых крепких, царило совсем не сонное оживление. У крыльца главного подъезда двухэтажного здания райотдела, многие окна которого были освещены, урчали милицейские автомобили, а возле металлической входной двери со смотровым глазком не по-уставному вольно смолил сигарку часовой в бронежилете, с короткоствольным автоматом АКСУ на груди. Он по-свойски кивнул Смирнову, безропотно пропустив подполковника и его спутника внутрь.

В вестибюле дежурки толпилась разношерстная публика. Возбуждённо прохаживалась туда-сюда, подметая пол длинной юбкой, цыганка. Оперативному дежурному втолковывал что-то, сунув голову в окошко в пластиковой перегородке, не слишком трезвый гражданин. На длинной деревянной скамье посапывал сладко неряшливый старик. Рядом с ним, отодвинувшись брезгливо, устроилась хорошо одетая семейная пара. Между ними уместился их отпрыск лет четырнадцати. Он сосредоточенно ковырял в носу, в то время как родители с двух сторон жужжали ему в оба уха свои наставления. В обезьяннике, за стальными прутьями решетки, забившись в угол, рыдала, размазывая по лицу макияж, пышненькая блондинка с фингалом под глазом. Свернувшись по-собачьи, калачиком, прямо на цементном полу спал пьяный бомж. А на длинной скамье раскинулись вольготно два парня. Один, постарше, – длинный и жилистый, какими бывают долго сидевшие на тюремной баланде урки, с синими от наколок руками. Второй помоложе, вполне вероятно несовершеннолетний – коротко стриженный, тощий и настороженный злобно, словно хорёк.

– Эти? – указав на парочку, поинтересовался у дежурного милиционера Смирнов.

– Так точно! – кивнул старший лейтенант и заорал на хмельного посетителя в окошке. – Кончай мне мозги парить! Напиши заявление и приноси утром! – А потом опять повернулся к подполковнику: – Задержаны на улице Розы Люксембург, у круглосуточного пивного ларька. У молодого изъят при личном досмотре выкидной нож с пятнами бурого цвета, на руках следы крови. Сделаны смывы, всё задокументировано.

– Дай ключ от крякушника, я с этими пацанами потолкую. А это товарищ из управления, он со мной, – распорядился Смирнов.

Открыв клетку, подполковник бросил татуированному верзиле:

– Ты! Иди ко мне.

Тот, независимо вздернув подбородок, подошёл, ухмыляясь.

– Руки давай...

Смирнов защёлкнул на его запястьях стальные браслеты.

– На хрена в наручники закоцал, командир?! – вскинулся урка. – Я, в натуре, ваше не при делах. Задержали незаконно... Адвоката давай!

– Ага. Он тебя как раз ждёт. Пошли, – хмуро сообщил подполковник и, взяв парня за костлявое плечо, толкнул, направляя в конец коридора.

– Да чё ты на меня грузишь, начальник! – громко возмутился задержанный. Но Смирнов ткнул его кулаком в спину:

– Иди, не базарь, там узнаешь.

Так, подталкивая, урку довели до двери кабинета. У порога он опять возмущенно обернулся:

– Это вам не тридцать седьмой год, чтоб людей ни за что ни про что на улицах хватать и в каталажку прятать! Я требую соблюдения прав моей личности!

Смирнов профессионально коротко, без размаха, врезал ему в челюсть. Задержанный головой вышиб дверь, перелетел через порог, кубарем прокатился по полу, влипившись в противоположную стену.

– Это тебе по правам твоей личности, – угрюмо сообщил, входя следом, подполковник. – А сейчас ещё по почкам пройдусь...

Фролов, шагнув в кабинет, прикрыл за собой дверь, посоветовал отечески-сочувственно:

– Колись, парень, по-хорошему. Вы с подельником не бомжа, а серьёзного мужика заваляли. Так что мы по-любому тебя раскрутим. А чистосердечным признанием ты существенно облегчишь свою незавидную участь.

Урка сел, опершись спиной о стену, тряхнул головой, сказал, будто проснувшись:

– Всё, граждане командиры. Понял. Я человек больной. У меня ещё с прошлой ходки в сизо почки отбиты. Запросто крякнуть могу, если бить будете. Потом не отпишетесь...

Смирнов подошёл к нему, прихватив за воротник кожаной куртки, поднял с пола, подбодрил:

– Я же вижу – ты конкретный пацан. С понятиями. – Подвёл и водрузил его на привинченный к полу табурет, сам сел за обшарпанный стол напротив, указав на место рядом с собой Фролову. – Но и ты меня тоже пойми. Всё, что ты мне сейчас скажешь, между нами останется. А я этих понтов ваших бластных насмотрелся, они у меня вот где, – провёл он ребром ладони по своему горлу. – Перед следователем кривляться, в несознанку играть будешь. А мне конкретный расклад нужен – кто из вас и за что мужика на улице замочил. Говори честно. Я, видишь же, никаких бумажек ни пишу. А оперативную информацию, сам знаешь, к уголовному делу не пришьёшь. Так что давай по-хорошему. Тем более что у тебя почки больные...

Верзила поёрзал на табурете, попросил покаянно:

– Сигареткой не угостите? Мои при шмоне изъяли.

Подполковник вытряхнул из пачки сигарету, прикурил, сунул в губы задержанному, спросил мирно:

– У тебя сколько ходок на зону было?

– Четыре, первая по малолетке ещё... Последний раз на тройке сидел, на крытом режиме. Месяца не прошло, как откинулся. И на тебе. Опять неприятность. Но я, гражданин начальник, в натуре не при делах... Не для протокола скажу. Ежели что, предупреждаю честно: в несознанку уйду на следствии. Мне же своих сдавать по понятиям не канает...

– Договорились же, – вроде даже обиделся оперативник. – За кого ты меня держишь? Любого авторитетного парня спроси, и тебе подтвердят: подполковник Смирнов от своих слов не отказывается, обещал – сделает. На хрена нам протоколы, бумажная дребедень? Ты же, я вижу, здоровый арестант, понимаешь, что весь базар между нами останется. А это товарищ из управления, – пояснил, заметив косой взгляд задержанного в сторону Фролова, – тоже человек с понятиями... Дай-ка я наручники с тебя сниму, а то курить неудобно...

Он расстегнул на татуированных запястьях задержанного стальные браслеты. Тот кивнул благодарно, потёр задумчиво ушибленную челюсть.

– Короче, командир, как на духу... Я, как от хозяина откинулся, сразу сюда, на хату к братану родному. Отлежусь, думаю, здоровье поправлю. У меня ж язва желудка, а её лучше всего чистым спиртом лечить. Ну, в крайнем, водочкой. Короче, отдыхаю, лечусь. Братан в автосервисе шабашит, целый день там. Ну, я от скуки с племяшом и скорефанился. Он хоть и малолетка, но вроде по понятиям просекает... Да только он не племяшом, а козлом оказался. Отмороженным на всю голову.

– Да ты чё?! – сочувственно возмутился Смирнов.

– А то! Подставил меня, козёл, по полной программе. У них, у нынешних молодых, ваще тормозов нет. Пошли мы с ним сёдня... то есть вчера уже... пивка попить. Отдохнули культурно – пивко, водочка, шмары... Короче, всё путём. Домой возвращались ночью уже. И тут навстречу мужик этот. Бомжара...

– Ну-ну, – подбодрил его опер.

– А Васька... ну, то есть племяш мой... грит: щас я к нему приколюсь. Чё, грит, таскается здесь, экологию портит. Я было его укорачивать: дескать, чё тебе этот мужик сделал, пусть канает своей дорогой. А племяш не послушал. Подлетел к мужику. И как водится: дай закурить. Тот руку в карман и кисет достаёт: угощайся, мол. А Васька глаза вытаращил. Они ж, нынешние, кисета никогда не видели! И спрашивает: эт чё, конопля? А тот: не-е, махорочка местная. Раз, грит, не хошь – тада отвали. Сопли, грит, у тебя ещё не высохли, штоб сурьёзный табак курить. И кисет опять в карман спрятал. Ваське, козлу, такой базар обидным показался. Он пику выхватил (я, грешным делом, и не знал, что у него нож с собой) и раз – мужику в грудь. На, дескать, знай, кому грубить можно... Они ж беспредельщики все, малолетки-то! Им человека завалить – раз плюнуть...

Задержанный замолчал, раздавил в пустой консервной банке, заменяющей пепельницу, сигаретный окурочок.

– Дальше-то что было? – не отставал Смирнов.

– Да чё... Свалили быстро оттуда, да и всё. А пока шли, я ему предъявил: чё, грю, сучонок, наделал? Сам, грю, мужика завалил, сам и отвечай. Я ж тюремной баланды и так нахлебался, штоб за какого-то козла, хоть и племянник, сидеть! Опять же здоровья у меня нет никакого... Так что, командир, берите его и крутите. Пусть, в натуре, если такой борзый, на шконках попарится, срок помотает. Глядишь, рамсы-то и встанут на место. Я таких крутых на зоне много видел. Приходят с этапа – все воры, а через неделю, смотришь, половина уже в петушатнике...

– Куда мужик шёл, откуда? – бесцеремонно прервал откровения урки подполковник.

– Да хрен его знает. Я ж говорю, этот козёл, племяш то есть, сразу за пику. И меня, падла, под срок подвёл.

Фролов достал из пачки сигарету, протянул задержанному, высек огонёк зажигалки, спросил сочувственно:

– А ты сам-то что о том мужичке думаешь? Кто он, по-твоему, по жизни? Привороженный, из блатных или просто алкаш?

Зек с благодарностью пыхнул дымком:

– Да ты понимаешь, капитан, что-то мне в нём странным показалось. Ну как тебе объяснить? Я бичей-то всяких видал. А этот... Вроде артиста, для роли бродяги переодетого. Трезвый, голос такой... Ну, как у тебя, к примеру... ментовский. И взгляд строгий, цепкий. Бомжи так не смотрят... Господи! – озарённо хлопнул он себя по лбу. – Уж не вашего племяш завалил?! Во блин, облом какой вышел... Теперь точно сухари на этап сушить придётся! Слышь, командир? – заискивающе обернулся он к Смирному. – Но я, ты ж знаешь, не при делах...

– Замётано, – кивнул подполковник и взял его за плечо. – Ладно, пошли. Да шепни племяшу: пусть, пока не поздно, явку с повинной напишет. Глядишь, на суде годик-другой срока скостят.

Отведя задержанного в обезьянник, он вернулся в кабинет и вздохнул облегчённо:

– Ну вот, Николай, мы своё дело, считай, закончили. Убийц задержали. А уж кто курьера запарол – малолетка ли, дядя ли уркаган – пусть теперь прокуратура да следствие разбирается. Но, чую, для тебя ещё работа останется. И с установлением личности убиенного, и кому, а главное – откуда, он пёр золотишко, попотеть вам в управлении изрядно придётся.

5

На следующий день капитан Фролов, сопровождаемый шефом, полковником Титаренко, предстал перед грозными очами начальника УВД – генерал-майора милиции Березина.

Главный милиционер края мало соответствовал растиражированному экраном образу своих руководящих коллег. Те лампасоносцы были как на подбор кряжистыми, седовласыми, непробиваемо-спокойными, всякого повидавшими мужиками предельного для госслужбы возраста. И, в общем-то, образу верному. Ибо только обладая крепким телом, уравновешенной психикой можно дослужиться в нынешних условиях до высоких чинов, не надорвавшись, не спившись и не загнувшись преждевременно от инфаркта.

Однако Березин был молоджав, худ и вспыльчив, водрузив на тонкий нос очки, и вовсе становился похож на склонного к истерии интеллигента. Такой выбивающийся из плотного строя отечественного генералитета типаж начальника УВД объяснялся по настойчиво циркулировавшим в управлении слухам, высоким покровительством обитателей неких бизнес-сфер, вознёсших стремительно ещё недавно мелкого инспектора отдела кадров Березина до генерального поднебесья.

Фролов вычитал где-то, что в старину подобных генералов называли «паркетными», но начальство, как известно, не выбирают.

К тому же благодаря своей малозаметной должности капитану контактировать с главным милиционером не приходилось, но на этот раз довелось встретиться лично.

Березин сквозь золотые очки строго посмотрел на вошедших в кабинет, и когда полковник и капитан застыли у порога, вытянув руки по швам, сухо кивнул им на приставной столик:

– Присаживайтесь... Наконец-то у нас и уголовный розыск стал форменную одежду носить, – не преминул удовлетворённо отметить он. – Солидно, официально, приятно для глаз. А то шатали по управлению, как обалдуи. В свитерах каких-то, кофтах, куртках замызганных. Не стриженные, не бритые. Не поймёшь – то ли задержанный, то ли милиционер...

Титаренко мог бы, конечно, объяснить генералу, вся прежняя да и нынешняя служба которого проходила по высланным коврами дорожками коридорам УВД, что милицейская форма на операх вовсе не приятна для глаз подведомственного им контингента, что сияющие звездами погоны и кокарды на фуражках видны за версту, в ней невозможно незаметно приблизиться к преступнику, скрутить его неожиданно и, вполне вероятно, получить пулю в сверкающий золотыми нагрудными знаками китель. И что даже в сталинские, затянутые в портупею, времена сотрудникам уголовного розыска разрешалось ходить по гражданке, но...

– Так точно, исправимся, – согласился полковник и, втянув живот, втиснулся на указанное место.

Фролов разместился напротив.

– Вот я ещё до райотделов доберусь... – оседлал любимого конька Березин. – Лично проведу там строевые смотры. Проверю ношение формы одежды личным составом. Чтоб все как положено. Удостоверение личности в кармане, жетон, платок носовой, расчёска...

– Презерватив, – не удержавшись, вставил Фролов.

– Что? – вскинул на него линзы генерал. – А-а, понимаю. Шутить изволите.

– Никак нет! – честно выкатив глаза, ответил капитан. – СПИД гуляет по городу. Для профилактики.

– Ну-ну... – нахмурился начальник УВД. – Над этим подумаем... – И спросил неожиданно: – С чего, товарищ полковник, начинается успех любого дела?

– Э-э... – замаялся тот.

– С дисциплины! – торжествуя, отрезал генерал. – А дисциплина, в свою очередь, особенно в нашем ведомстве, – с правильного ношения форменной одежды. Чтобы блюсти честь мундира, надо, как минимум, его иметь. И постоянно носить!

Титаренко покорно склонил крупную, с проплешиной лысины на затылке, голову.

– Так что там у вас? – перешёл наконец к делу Березин.

Полковник раскрыл тонкую, бордовой кожи папочку с золотым российским гербом, специально для визитов к высокому начальству приберегаемую, достал из неё несколько листов бумаги, водрузил на нос очки и стал докладывать, вглядываясь в строчки компьютерного набора.

– Позавчера примерно в половине третьего ночи в краевом центре произошло убийство из хулиганских побуждений неизвестного гражданина. Двое подозреваемых в совершении данного преступления в ходе оперативно-розыскных мероприятий задержаны по горячим следам. Один из них, несовершеннолетний Василий Степанович Пузырёв, взял на себя вину за содеянное. При осмотре погибшего на его теле обнаружены контейнеры в виде пояса, из которых изъято золото в слитках – в количестве десять штук, весом в один килограмм каждый, а всего, стало быть, десять килограмм. По заключению нашей экспертно-криминалистической лаборатории, золото чистойшей, девятьсот девяносто девятой, пробы. Клейма на слитках, удостоверяющие вес, пробу, место и время плавки, отсутствуют. При углубленном анализе, который по нашему запросу провели на кафедре аналитической химии горно-металлургического научно-исследовательского института, это природное золото, полученное путем переплавления самородков. И соответствует образцам драгметалла, добываемого в Острожском районе.

– Выходит, оттуда курьер шёл? – уточнил генерал.

– Вероятнее всего, – подтвердил Титаренко. – Однако, по данным федерального агентства Гостехнадзора по нашему краю, промышленная разработка месторождения золота там не ведется, хотя золотоносные породы встречаются. До середины девяностых годов добычей золота в этом районе на прииске «Надежда» занималась артель, в настоящее время закрытая из-за низкой рентабельности. В самые удачные годы больше двух с половиной килограммов золота они не получали. Сейчас промывкой золотого песка в пойме реки Вея, согласно выданным лицензиям, занимаются три старателя. В прошлом году ими добыто и сдано государству около полутора килограммов золота. Конечно, наверняка есть и нелегальные старатели. Но получать золото в таком количестве, какое нёс на себе курьер, на известных месторождениях невозможно

– А на неизвестных? – спросил Березин.

Титаренко пожал печами.

– Это вопрос к геологам, – поднял он глаза на генерала, – они в неофициальной беседе заявили, что перспективных для промышленной разработки залежей золота в Острожском районе нет. Хотя документально подтвердить своё заключение отказались.

– Почему? – насторожился начальник УВД.

– Потому что со стопроцентной уверенностью заявить, что богатого месторождения там нет, не могут. Здесь, товарищ генерал, история мутная. Есть сведения, что до 1953 года промышленная разработка золота в Острожском районе велась. В спецучреждениях НКВД – МВД. Но документы по этому поводу тогда ещё были засекречены, а сейчас вообще исчезли. В управлении геологии один престарелый профессор показал мне вырезку из газеты «Таежная коммуна» за ноябрь 1950-го. В ней опубликован доклад первого секретаря крайкома партии, посвящённый тридцать третьей годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Профессор подчеркнул в нём одну фразу... Сейчас, я себе её переписал... – пошеле-стел он бумажками в папке, – вот... «Казна советского государства пополнилась в этом году почти тонной золота, добытого нашими славными чекистами в богатом недрами Острожском районе». Понятно, что наковыряли золотишко зеки, содержащиеся в лагерях. Но где

именно, никому сейчас неизвестно. И если менее чем за год удалось получить тонну золота, то это месторождение, как охарактеризовал старый профессор, богатейшее. И даже указал мне на карте приблизительную территорию, где оно может находиться. Километрах в двухстах севернее райцентровского посёлка Острожск располагается обширный, практически полностью заболоченный и малоизученный участок тайги площадью около пяти тысяч километров. Туда, как говорят, даже местные охотники не ходят. А те, что пытаются промышлять там зверя, пропадают частенько. Одним словом, место действительно гиблое.

– Всё? – пометив что-то в блокноте, спросил генерал.

– Почти. Возраст потерпевшего – около сорока пяти лет. Личность до сих пор не установлена, хотя мы принимаем к этому все меры. По предметам, изъятым при досмотре погибшего, тоже ничего определённого сказать нельзя. Одежда фабричной маркировки не имеет. В кисете обнаружены обрывки газеты, все та же «Таёжная коммуна» за 1952 год. Кстати, в 1954 году издание изменило название – теперь это «Таежные новости», газета администрации края. Там же найдена смятая пачка из-под махорки, выпущенной на табачной фабрике имени Клары Цеткин. Дата изготовления не сохранилась – эта часть пачки оторвана. Но известно, что линия по выпуску махорки закрылась на этом предприятии в 1966 году...

– Запасливый парень, – хмыкнул генерал, – на сорок с лишним лет махорки заначил.

– И еще. Самое любопытное, – извлёк из папки последний листок Титаренко. – В шве телогрейки погибшего обнаружена записка следующего содержания: «Предоплата за продукцию согласно ранее оговорённого перечня. Маршрут и время доставки определите с курьером. Благодарим за сотрудничество». И всё. Ни даты, ни подписи. Остаётся предположить, что курьер нёс золото как плату за неизвестный нам товар. Мы передали записку нашим экошникам. Согласно их экспертному заключению, текст выполнен на пишущей машинке «Москва» образца 1938 года. Писчая бумага, на которой отпечатана записка, изготовлена в тридцатых годах прошлого столетия.

Закончив доклад, Титаренко застыл, сосредоточенно глядя перед собой.

– Значит, что мы имеем? – нахмурился генерал. – Неизвестного сорока пяти лет, читающего газету за 1952 год, курящего махорку, произведенную не позднее 1966 года, несущего неведомо кому записку, напечатанную на машинке и на бумаге тридцатых годов, и волочащего на себе десять килограммов золота, которое добыто в Острожском районе, возможно, в 1950 году и месторождения которого, как уверяют учёные, там сейчас нет. Он что, музей ограбил? А может, клад середины прошлого века раскопал? С махоркой и золотом...

– И запиской, в которой благодарят за сотрудничество, судя по датам, с загробным миром, – не выдержав, опять вставил Фролов.

– Да уж... Задача со многими неизвестными, – скорбно потупился Титаренко.

Березин, зардевшись от гнева, посмотрел на оперативника. Потом перевёл взор на начальника УГРО. И отчеканил:

– Приказываю вам, товарищ полковник, эту задачу решить, все неизвестные моменты установить и доложить мне лично в десятидневный срок. Вы свободны. Время пошло. А вам, товарищ капитан, – добавил он вслед, – не мешало бы посетить парикмахера. Укоротить волосы, а заодно и язык.

– Слушаюсь! – преданно глянул на него, вытянувшись по стойке смирно, Фролов. – Разрешите идти?

– Валяйте, – раздражённо махнул рукой генерал...

– Всё понял? – обернулся к капитану полковник минуту спустя, когда они, миновав приёмную, шагали длинным коридором управления. – Я тебя специально с собой на доклад прихватил, чтобы ты лично убедился, в каких условиях твоё непосредственное начальство работает. И как с нами разговаривают. А когда надумаешь в очередной раз права качать насчёт ненормированного рабочего дня да неиспользованных отгулов, вспомни, что и со мной в высо-

ких кабинетах не церемонятся. Десять дней на всё про всё, и ни на сутки больше! С генералом ведь не поспоришь! Сказано «люминий» – значит, «люминий»!

– Поговорил – как дерьма наелся, – скривился Фролов. – Добью три года до пенсии – дня не задержусь в органах. Уйду к чёртовой матери!

– Куда? В частную охранную структуру? Там такой же наверняка сидит. Хозяин. Будешь ему дверцу в машине открывать и в глазки заглядывать. Здесь хоть государева служба... А генералов таких я знаешь уже сколько пережил? И этот, помяни моё слово, через годик-другой куда-нибудь сгинет... – А потом, покосившись на капитана, – спросил вдруг: – Ты, Никита, извини, конечно, за бестактный вопрос, у нас кто по национальности?

Тот развеселился искренне:

– Монголоид! Мне в школе за внешность пацаны кликуху Монгол дали. А вообще-то мать хохлушка, отец – якут. А я по паспорту русский. Был. В нынешних-то паспортах национальности не указывают!

– Вот и добро, – думая о чём-то своём, рассеянно кивнул полковник. – За аборигена-таёжника сойдешь. – А потом, помолчав, добавил неожиданно: – Собирайся-ка ты, брат, в служебную командировку. Поедешь в Острожский район. Экипируйся соответственно – ружьишко, патронташ... Шкур каких-нибудь зверушек на складе из конфиската прихвати – вроде продаёшь или меняешь...

– Так зверя-то зимой бьют, а сейчас лето, – подначил его Фролов.

– Ну, не знаю. Сообрази что-нибудь для вхождения в образ. Вам, якутам, видней...

6

Несмотря на неплохую оперативную осведомлённость благодаря агентуре, внедрённой в наиболее крупные организованные преступные группировки, действующие на территории края, ни полковник Титаренко, ни тем более капитан Фролов предположить даже не могли, какие могущественные силы окажутся заинтересованными в исходе намеченной ими операции.

Между тем сразу после состоявшегося разговора с подчинёнными Березин распорядился подать машину и, небрежно бросив секретарше: «Я поехал в подразделения», убыл в неизвестном направлении.

Впрочем, если бы кто-то задался такой целью, конечный пункт маршрута поездки легко было бы проследить. Поколесив по городу, генеральский джип вырвался на окраинный простор и помчался по автотрассе в пригородный элитный посёлок. Здесь он свернул на одну из пустынных и тихих улиц, застроенных двух— и трёхэтажными коттеджами за высокими, чугунной вязи заборами, с изумрудными лужайками и благоухающими цветочными клумбами, кое-где даже с будочками и строгими охранниками у ворот, и остановился, пожалуй, у самого крутого из них. Здесь и травка на лужайке была поизумруднее, чем у соседей, тщательнее выстрижена, и цветы в клумбах пороскошнее и поблагоуханнее, а у кованых ворот с перегораживающим въезд нежеланным персонам шлагбаумом застыли сразу два охранника в черной униформе. На джип мгновенно пристально уставились, с жужжанием повернувшись в его сторону, как пулеметы на турелях, две видеокамеры.

Судя по всему, генерала узнали сразу. Створки ворот плавно распахнулись, шлагбаум взмыл вверх, и автомобиль начальника УВД на малой скорости проследовал по хорошо укатанной асфальтовой дорожке к белоснежному, облицованному мрамором трехэтажному особняку.

Здесь, у широкой и тоже сияющей чистотой и белизной лестницы, Березина встретил вышколенный лакей. Он проводил генерала вначале вверх по ступеням, а потом, открыв перед ним резную дубовую дверь, провёл в прохладные покои коттеджа, где Березина встретил уже молчаливый телохранитель. Буркнув: «Извините», он прошёлся ловкими пальцами по генеральскому мундиру, не забыв пощупать даже штанины брюк на предмет спрятанного оружия.

– Да будет тебе, – добродушно попенял ему начальник УВД, на что тот безразлично пожал плечами:

– Служба... Пройдёмте в кабинет, хозяин ждёт.

Прошествовав по длинному коридору, устланному зелёным, словно газон, с длинным ворсом ковром, мимо громадных зеркал и таких же помпезных картин в золочёных багетах, с которых на генерала осуждающе смотрели какие-то чиновные люди не нынешних, а прежних времён, в строгих вицмундирах, с орденами и аксельбантами, Березин вслед за телохранителем вошёл в огромный, как спортивный зал, кабинет, заставленный по стенам книжными стеллажами со старинными фолиантами, большущим столом, за которым возвышался в кресле с высокой резной спинкой хозяин.

– Ну, здравствуй, Щуплый, – не вставая, протянул он генералу холёную, обработанную любовно маникюрным мастером руку.

– Привет, Сохатый, – бережно пожав её, опустил в кресло напротив генерал.

Щуплым Березина звали в школе – за худосочное телосложение, небольшой рост и очки. А горбоносый, длинный и нескладный одноклассник Артур Переяславский, действительно походивший в профиль на лося, получил кличку Сохатый.

Впрочем, нынче так вице-губернатора по экономическим вопросам и богатейшего человека края отваживались называть немногие. И, проявляя оправданную давней дружбой фамильярность, начальник УВД всегда подчёркивал своим поведением, что осознаёт отчётливо ту

огромную пропасть, которая легла нынче между ним и удачливым в финансовых делах школьным приятелем.

Тем более что и генеральством своим он обязан был исключительно старому другу. Ещё в середине девяностых годов процветающий бизнесмен Переяславский встретил случайно на улице продрогшего в куцей шинелёшке нищего капитана милиции, служившего кадровиком в райотделе внутренних дел. И, узнав в нём одноклассника, помог походя, с барского плеча, шепнув кому надо, что есть такой молодой и перспективный сотрудник – Березин.

Через несколько дней никому неизвестный капитан стал заместителем начальника отдела кадров всего УВД, ещё через месяц – майором, ещё через год – подполковником и уже главным кадровиком милиции.

Видя, что его протеже удачно вписался в правоохранительную систему, вице-губернатор решил, что неплохо иметь своего человека во главе всего управления внутренних дел края. И провентилировав этот вопрос в столице, перегнав, кому надо, изрядную сумму денег, сделал Березина генералом. Так что начальник УВД знал, кому и чем обязан, а потому секретов от высокого покровителя ни личного, ни служебного свойства никогда не имел.

– Что там стряслось в твоём ведомстве, что ты сломя голову прилетел? – сразу перешёл к делу Сохатый.

– Я, Артур Семёныч, пока не знаю наверняка... Может, и зря тебя в неурочный час беспокою. Но, видишь ли, мои мусорки убийство вчера раскрыли. Местная шпана мужичка прохожего кокнула. А у мужичка, бомжа неизвестного, при себе десять килограммов золота в слитках оказалось. И записка. Дескать, золотишко это – расчёт за товар, но не сказано, за какой. И кем закупаемый. Ну, я и подумал: а вдруг твои интересы в этом деле как-то замешаны?

– Правильно думаешь. Молодец! – сдержанно похвалил генерала Сохатый. А потом поинтересовался: – Какие действия в связи с этим инцидентом предпринимает наша доблестная милиция?

– Уголовное дело заведено. К сожалению, прокуратура и, вероятно, ФСБ к нему подключатся. Золотишко-то, согласно экспертизе, в нашем крае добыто. В Острожском районе. А только сейчас артелей, способных в таком объёме золото добывать, там нет. И что самое интересное, месторождений тоже. Так, промышленяют по мелочёвке старатели, по горсти золотого песка за сезон намывают. А это – в слитках. Чистейшее.

– Ну-ну... – задумчиво пожевал губами Сохатый. – Откровенно скажу. Меня Острожский район тоже интересует. И не хотелось бы, между нами говоря, чтобы в это дело прокуратура и ФСБ встревали.

– Отсечь-то я их, увы, не могу... – посетовал Березин.

– А ты и не отсекай. Организуй так, будто бы бомж этот, к примеру, клад нашёл. Вполне ведь реальная ситуация! Лазал где-то по старым постройкам, ну и наткнулся на схороненное кем-то добро.

– Точно! – хлопнул себя по лбу генерал. – Я даже кино в молодости про что-то подобное видел.

– Тем более, – кивнул бизнесмен.

– Только вот незадача, – сконфузился вдруг Березин. – Я уже опера в Острожский район командировал. Ну, пошарить там, посмотреть, что к чему...

– Да ради бога, – махнул великодушно рукой Сохатый. – Пусть пошурует. Может, и узнает чего. Только о результатах своих изысканий обяжи его лично тебе докладывать. Дескать, дело это особой государственной важности, и чтоб никаких утечек информации. И если он чего дельного накопает – сразу ко мне. Усёк?

– Так точно! – вскинулся генерал.

– Сиди, сиди, – благосклонно похлопал его по вышитому погону бизнесмен. А потом предложил вдруг: – А давай-ка мы с тобой, Щуплый, коньячку дёрнем! Как у вас, ментов, говорят – за успешное расследование!

Отказывать в этом доме хозяину в чём бы то ни было никому не дозволялось, а потому Березин воодушевлённо кивнул:

– Конечно, дёрнем! Как же за хорошее дело не выпить?

Переяславский надавил на неприметную кнопку в крышке стола и почти тотчас в дверь вошла, катя перед собой столик на колёсиках, сервированный выпивкой и закуской, обольстительная блондинка в коротком белом фартучке и накрахмаленном чепчике. Оставив столик у мягкого дивана в углу кабинета, она, ослепительно улыбнувшись, вышла, качая бёдрами.

– Эту я у тебя раньше не видел, – позавидовал генерал.

– Приезжай в субботу на баньку, как обычно. Я тебя ближе с ней познакомлю, – усмехнулся Сохатый. – Мне для друзей, знаешь ведь, ничего не жалко.

После третьей рюмки, расстегнув пуговицу на форменной рубашке и ослабив галстук, Березин, чокаясь, склонился к Сохатому и шепнул на ухо:

– А золотишко-то тебе, небось, курьер нёс, Артур?

Бизнесмен расплылся в улыбке, коснувшись своей рюмочкой рюмки генерала, выпил. Закусил долькой лимона и сказал весело:

– А ты, Щуплый, и впрямь мусором стал. Отвечаю конкретно: много будешь знать – скоро состаришься. А может, и не успеешь. Не доживешь до старости-то... – и похлопал добродушно по спине поперхнувшегося коньяком генерала. – Шучу, шучу. И как вице-губернатор, ответственно заявляю: народное это золото. Государственное. А значит, и наше с тобой!

Глава вторая

1

– У меня уборочная в разгаре, пять тысяч гектаров ржи ещё не скошено, подготовка к отопительному сезону, а ты мне снежным человеком пудришь мозги! – кипятился глава Острожского поссовета. – У меня половина жителей посёлка – пенсионеры. Если не заготовим дров, угля им не завезём – вся деревня зимой снежными человеками населена будет! Вы бы лучше о людях труда писали, о наших механизаторах, доярках, лесозаготовителях, ветеранах... А то ездите тут, эти, как их... Жареные факты про нечисть всякую ищите...

Глава был сед, животаст, говорил веско, с лёгкой одышкой, нисколько не тушуясь перед заезжим журналистом. И то, вспомнить невозможно теперь, сколько перевидел он на своём долгом руководящем веку всяких – и начальства краевого, и уполномоченных в прежние времена, и писак-газетчиков, и телевизионщиков с камерами. Все они наезжали так-то вот, внезапно, хмурия озабоченно брови и будучи переполненными важностью порученной им миссии, вытрясали из него сводки, списки и показатели, а заканчивали все, даже в период горбачёвской всенародной трезвости, одинаково. Ужином в отдельном кабинете поселковой столовой, откушав местной, на кедровых орешках настоящей самогонки, закусив её, смотря по сезону, то пельменями с лосятинкой, то медвежьим окороком, то глухарём запечённым, а уж грибами солёными, морошкой да клюквой – непременно. И уезжали они похоже – прощаясь долго с поцелуями и объятиями, клятвами в вечной дружбе, косясь удовлетворённо, как в багажник их персональных машин шофера складывают нехитрые таёжные гостинцы, дефицитные в городе.

А этот журналистик и вовсе из мелких – ни вальяжности, ни наружности, худенький, плюгавенький, курносенький, в очёчках. И о газетке, которую он представлял, глава и не слышал раньше. Небось из тех, где на первой странице девицы голозадые да сенсации дутые... Хотя многолетний опыт, с другой стороны, подсказывал не пренебрегать никакими людьми. Турнёшь такого, не уделишь внимания – а вдруг у него наверху, в краевой администрации, рука есть? Пожалуй, трёхлитровую баночку липового мёда в презент газетчику дать придётся. Мало ли что? Бережёного, как говорится, и бог бережёт...

– Степан Тихонович! – подал голос журналистик. – Вы меня не так поняли!

Глава цепко глянул на него. Вроде бы ничего особенного. Одет соответственно моде городских борзописцев: джинсовый костюмчик, жилетка той же материи с огромным количеством карманов на молнии во всех мыслимых местах, сумка через плечо, на шее – фотоаппарат цифровой, блокнотик с авторучкой в руках... «Хрен тебе, а не мёд, – подумал, успокаиваясь. – Хватит и ужина с бутылкой кедровки!»

– Я не ловец дешёвых, а тем более выдуманных сенсаций, – продолжил между тем очкарик. – Я, можно сказать, учёный. Палеоантрополог. Хотя и работаю в редакции и здесь нахожусь в командировке с официальным заданием. Наука, тем более альтернативная, сейчас, знаете ли, в загоне... А газета оплачивает мои изыскания. Итоги своей поездки по вашему району я, безусловно, освещу в краевой прессе. К тому же у меня налажена связь с рядом центральных изданий, охотно размещающих мои материалы на страницах газет и интернет-сайтах. А начну с описания общих впечатлений от района, с фона, так сказать, на котором разворачиваются подчас удивительные, не исследованные ещё в полной мере наукой, события...

Глава мигом подобрался, изобразил на толстом, плохо выбритом лице приветливую улыбку:

– И очень хорошо... Э-э... как вас по батюшке? Простите, запомнил...

– Александр Яковлевич Студейкин. Вот моё журналистское удостоверение.

– Да что вы, я привык доверять людям! – горячо заверил его глава, но в удостоверение, скосив глаза, всё же взглянул. – Так вот, э-э... Александр Яковлевич, забот у нас, аграриев, сами понимаете, хватает. В сельской местности живём, да ещё отдалённой от благ цивилизации. Опять же шишку кедровую скоро бить начнём, так что каждый человек на учёте. Но чем смогу – помогу... – А про себя подумал: «Если этот шкет на центральные средства массовой информации пашет, банки мёда ему маловато будет. Придётся стол накрывать...»

– Мне бы с жильём вопрос решить. Так сказать, на постой определиться, – попросил журналист. – Недельки на две. Да провожатого найти, кто со мной согласится в тайгу пойти. Я ему заплачу, естественно.

– Порешаем, – великодушно пообещал глава и, встав из-за стола своего неказистого кабинета, открыв дверь, крикнул толстой пожилой секретарше в приёмной: – Людочка! Распорядись от моего имени, чтобы в гостинице товарищу журналисту койко-место приготовили. И сообрази нам пообедать, чем бог послал. Накрой там же, в гостинице. – А потом, подняв пухлый указательный палец, изрёк назидательно, обернувшись к Студейкину: – Для командированного человека что самое главное? Чтобы его покормили вовремя!

2

Гостиница располагалась по-соседству с поселковой администрацией, в такой же рублевой избе, с чёрными от времени брёвнами, с окнами без ставен.

– Мы здесь, в тайге, по-простому живём, – четверть часа спустя разглагольствовал, дуя на подцепленный вилкой горячий пельмень, глава. Добрая стопка настоящего на кедровых орешках самогона настроила его на лирический лад. – Это у вас там, в городе, шум, суэта. То приватизация, то монетизация, то кризис финансовый... Тьфу! А у нас благодать. Покой, тишина. Охота, рыбалка. Опять же воздух целебный от хвои. Его вместо лекарств от всех болезней принимать можно. Слушай, – после третьей стопки осенило его, – на хрена тебе снежный человек? С него, если он и водится даже где-то в тайге, ни мяса, ни шкуры. Давай лучше завтра на кордон поедем и кабана, а то и изюбря завалим! На худой конец лося добудем. А ты про то в московских газетах напишешь. Экзотика! Только особо упомяни, что не просто так отстреляли зверя, а по лицензии. Мы же не браконьеры какие-нибудь. А этот снежный человек твой – одно воображение, баловство.

Оглушённый самогоном и обильной едой, журналист осоловело возразил:

– Кабан – это никакая теперь не экзотика. Это банально. Арсеньев, Дерсу Узала... Всё писано-переписано. Такими путешествиями читателя уже в девятнадцатом веке нельзя было удивить. Другое дело мы, гоминологи...

– Кто-то? – подавился очередным пельменем глава. – Гоми... Гомики, что ли?

– Да нет! – встряхнул головой, прогоняя хмель, Студейкин. – Экий вы... неначитанный! Снежный человек, он же реликтовый гоминоид, он же бигфут, йети, гомин. А люди, изучающие это существо, стало быть, гоминологи.

– Вот я и говорю: что изучающие-то? Пустое место. Дырку от бублика! – возмутился Степан Тихонович. – Читал я где-то, что нет никакого снежного человека и не было!

– Да что вы говорите такое! – всплеснул руками журналист. – Существуют сотни, тысячи свидетельств очевидцев по всему миру!

– Ну, может, и водится он где, этот ваш, как его, гомосек, что ли? Да только не у нас. В тайге зверь, хе-хе, правильной ориентации, промысловый... Давай-ка, Александр Яковлевич, я пельмешков тебе ещё подложу. Их быстрее есть надо, а то остынут. И под это дело ещё рюмочку. Не-е-т... Отказы не принимаются!

Журналист попытался было прикрыть стопку ладонью, но глава перехвати его руку, отстранил, налил до краёв и подсунул Студейкину.

– Александр Яковлевич... Дорогой! Ну давайте! За снежного человека, в конце концов! Штоб ему, значит, в тайге нашей комфортно жилось!

– Уф-ф, – выпив, передёрнулся журналист, – напрасно вы, любезный Степан Тихонович, иронизируете. Впервые упоминания о снежном человеке появились в середине прошлого века. Группа англичан, побывавшая на Тибете, услышала от местных жителей легенду о некоем существе – метох канргами, что в переводе с тибетского означает «отвратительный снежный человек». Это лохматое существо обитало высоко в горах, выше линии снегов. Оно очень осторожно, и увидеть его удавалось крайне редко...

– Ага... Абориген какой-нибудь в шубе и малахае шёл по снегу, его издали за зверя и приняли! – не верил глава. – У нас в тайге таких тоже полно. Другой зек сбежит из зоны, одичает, бородой обрастёт...

– Зимой, босиком?! – снисходительно усмехнулся Студейкин. – А ведь следы именно босой ноги на снегу были впервые зафиксированы документально. На склоне горы Эверест, на высоте шести тысяч метров альпинист полковник Говард-Бари обнаружил отпечатки оголённых человеческих ступней на снежном покрове. Причём следы были гигантские!

В 1970 году в Непале группа альпинистов наткнулась на цепочку следов человекообразных там, где людей никогда не бывало. Фотографируя эти отпечатки, скалолазы увидели в бинокль покрытое шерстью двуногое существо, убегающее по склону горы...

– Ну точно! Ихний гималайский зек беглый. Увидал народ – и дёру!

– Экий вы, – укоризненно поморщился журналист. – С тех пор собраны уже тысячи доказательств существования неизвестного науке примата. Слепки следов, образцы шерсти, экскрементов. Есть кадры фото— и видеосъёмки...

– Стоп! Не горячись! – по-свойски уже прервал его поселковый глава. – Давай кушай пельмешки. А то не по-нашенски, не по-сибирски получается. Сперва закуси, выпей как следует, а потом разговоры разговаривай!

Он опять заботливо добавил в тарелку перед журналистом горку пельменей, налил в гра-нёную стопку желтоватой, обжигающей, как соляная кислота, самогонки, предложил по-хозяйски:

– За твоё здоровье. За тружеников, так сказать, пера, которые нас, селян, поддерживают, и даже в столицах о том, как мы тут живём, статьи печатают!

Александр Яковлевич выпил послушно, закусил брызнувшим соком пельменем. Глава тоже опорожнил свою стопку, зажмурился сладко. Потом, отвалившись на спинку стула, закурил, пуская дым в обитый досками потолок гостиницы, сказал веско:

– Может, ты и друзья твои, гомики, прав...

– Гоминологи! – с отчаянием в глазах поправил собеседника Студейкин.

– Ну да, – легко согласился Степан Тихонович. – Может, и живёт где-нибудь на Тибете чудо-юдо босоногое. Но мы-то, острожцы, при чём? Где те Гималай, а где наш район? За скока тыщ километров?

Александр Яковлевич погрозил главе пальцем, пьяно икнув:

– Н-напрасно в-вы так считаете! Ареал его обитания ч-чрезвычайно широк! Следы и продукты жизнедеятельности снежного человека обнаружены в Канаде, США, на Кавказе, в пустыне Гоби, что в Монголии. Отсюда и зовут его везде по-разному: бигфут – в Америке, ракшаса – в Индии, алмасты и дэв – в Средней Азии, биабангули – в Азербайджане, киик-адам – в Казахстане. По моим предположениям, и наш, российский леший в лесах, – тоже он! А вот, между прочим, что я прочёл недавно в вашей районной газете. Эта заметка и стала причиной моего приезда. Так сказать, письмо позвало в дорогу...

Журналист расстегнул молнию на одном из многочисленных карманов жилетки, достал аккуратно сложенную, упакованную в полиэтиленовый файл вырезку, поправив очки, развернул и поднёс к глазам:

– Вот послушайте. Это не какой-нибудь сочинитель-фантаст пишет, а обыкновенный шофёр из лесхоза. Публикация от 5 июля, свежайшая...

«Вздрючу редактора, – пообещал себе глава. – Чтоб не печатал всякую дрянь, на которую журналисты со всего края сюда слетаются. А мне перед ними отдуваться приходится...»

Студейкин между тем стал читать, слегка заплетаясь языком после выпитого:

– «Я рыбачил в минувшее воскресенье на реке Вие. Смеркалось. Неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд, от которого волосы на затылке зашевелились. Оглянулся и увидел в кустах за собой, в десятке метров, неизвестное существо. Ростом гораздо выше меня, значит, за метр девяносто, покрытое густой коричневой шерстью. Почти без шеи, низкий лоб, яростные красные глаза...»

– То медведь, – со знанием дела отмахнулся Степан Тихонович. – Их в тайге сейчас полно. Хорошо ещё, что он писаку этого не слопал. Летом-то зверь сытый, спокойный...

– Вы дослушайте сперва, потом резюме свои вставляйте! – с обидой откликнулся журналист и принялся увлечённо читать дальше: – «Длинные руки существа свисали ниже колен. Наши взгляды встретились. Меня охватил ужас. Чудовище издало хриплый рык: е-а-а. Я потя-

нулся к ружью, которое всегда прихватываю с собой, когда езу в тайгу. Существо среагировало мгновенно, исчезнув в кустах. Лишь успокоившись, час спустя, я вдруг понял, что поразило меня больше всего. Глядя на меня, чудовище отчетливо прорычало: „Еда“. Видимо, намереваясь меня съесть, как добычу». Вот! – удовлетворённо принялся сворачивать файл журналист.

– Херня какая-то, – скептически поджал губы глава. – Мужик этот небось поллитру на рыбалку с собой прихватил, вот ему всякая муть и мерекалась.

Александр Яковлевич протестующе замахал руками:

– Да нет же! Уверяю вас: в Острожском районе существует аномальная зона! Как Бермудский треугольник, где исчезают корабли, самолёты. Или у нас, в России, – в Пермском крае! Да и где обитать реликтовому гоминоиду, как не в ваших местах? Величественная, пережившая ледниковый период тайга. Дремучие дебри, непроходимые болота, скалы и сопки, полноводные, мало исследованные реки. Здесь, между прочим, и другие чудеса водятся.

– Да ну? – усмехнулся глава.

– Призраки! – победно глянул на него собеседник. – Я, например, у одного краеведа вычитал. В здешней тайге когда-то несколько лагерей находилось. Тех ещё, сталинских, энкавдовских. И с тех пор охотники иногда видят, как по самой топи болот, без звука, без рельсов, катит поезд! Хотя железной дороги там нет...

– Была когда-то узкоколейка, – кивнул Степан Тихонович. – Её ещё в моём детстве разобрали. А мужики чего спяну не увидят! Ты вот на охоту со мной сходи, таких рассказов от егерьей слушаешься! Особенно после третьего стакана...

– Нет! – решительно мотнул головой журналист. – Аномальная зона здесь есть. И открыл её я, Студейкин!

«Выгоню к чертям собачьим редактора! – решил про себя глава. – А то он мне такими заметками из района проходной двор устроит. Слетятся сюда ловцы сенсаций со всех концов. И на фиг мне такая головная боль...» – а вслух сказал:

– Теперь за снежного человека! Давай! До дна!

И набуробил гостю опять полную стопку. Студейкин глянул на неё мутно, кивнул решительно:

– За реликтового гоминоида, чтоб ему здесь хорошо жилось, – согласен!

И выпил.

3

Очнувшись, Александр Яковлевич долго не мог сообразить, где находится. Сверху над ним нависал низкий, как крышка гроба, потолок из тёсаных досок, кое-как замазанных голубенькой краской. Из двух кривоватых окон, прорубленных в тёмной бревенчатой стене и задёрнутых синими занавесочками в мелкий красный цветочек, пробивались точечными лазерными прицелами игольчатые солнечные лучи в ореоле танцующих вокруг них невесомо микроскопических пылинок.

Журналист, охнув от сдавившей железным обручем лоб головной боли, повернулся набок под скрип и металлический скрежет панцирной сетки кровати, на которой лежал, прикрытый поверх одежды тёмно-синим суконным одеялом, и огляделся вокруг.

Его мутному взору предстал массивный, застланный клетчатой клеёнкой стол с грязными тарелками, тазиком с застывшими на дне пельменями, мутными стаканами и огромной, литровой, не иначе, стеклянной бутылкой, опорожнённой почти, – остатки вчерашнего пиршества. На узкой солдатской тумбочке казарменного тёмно-коричневого цвета – огромный ламповый телевизор «Рубин», какие и не выпускают, наверное, нынче. Трёхстворчатый, крытый тёмным лаком шифоньер. Несколько стульев с прямыми спинками и дерматиновыми сиденьями. На полу – блёклая, домотканая будто, дорожка. Вот и всё убранство... «Гостиница! – осенило Студейкина. – Где мы вчера с главой выпивали!»

Из открытой настежь в соседнюю комнату двери доносилось шкворчание сковородки, запах чего-то подгорелого. Неожиданно в дверном проёме нарисовался бородатый, разбойничьего вида мужик. Он глянул на журналиста и улыбнулся по-свойски, приветливо:

– Проснулись? Ох, уж этот Степан Тихонович с гостеприимством своим! Знаю, знаю. На себе давеча испытал. Сейчас яишенку со свиными шкварками спворю, дёрнем с вами по стопочке – и как рукой похмелье-то снимет!

Бородач исчез, а Студейкин уронил звенящую колоколами под черепной коробкой голову на подушку, стал вспоминать подробности вчерашнего дня.

После посиделок за столом они с главой утомонились не сразу. Из затянутой хмелем, как нефтяной плёнкой на чистой воде, памяти вынырнуло, что Степан Тихонович водил его по деревне, по заросшим травой колдобистым улочкам, по которым брели устало, звякая колокольчиком-боталом на шеях, коровы, показывая своё хозяйство – дома, рубленные из лиственницы два века назад и всё ещё крепко стоящие на земле, объекты соцкультбыта – магазинчик с разбитной продавщицей и антикварными товарами на полках – угольными утюгами, самоварами, лампами «летучая мышь», конской упряжью, коромыслами, поясняя попутно, что электричества на дальних кордонах и охотничьих заимках нет и что товар этот вполне востребован местными жителями.

– Зато нам никакие войны или природные катаклизмы не страшны! – хвастался глава. – Полный суверенитет. Отключите-ка электроэнергию или хотя бы канализацию на пару дней в большом городе. Что будет? Ужас, катастрофа, светопреставление! А нам хоть бы хны. Керосиновую лампу зажжём, на крайний случай – лучину, печку растопим. Вода – в колодце, еда – в лабазах да огороде, дрова – в лесу. Всё даром, иди да бери. Вы в городе через три дня вымрете с голоду да от эпидемий, а мы, таёжники, будем жить как ни в чём не бывало!

Студейкин смотрел, соглашался и остро завидовал этим самодостаточным, живущим в унисон с природой и вовсе независимым от сомнительных благ цивилизации людям.

– У нас народ такой, что ни черта не боится! – гордился Степан Тихонович. – Ему что тюрьмы, что ссылка – всё нипочём! Мы и так в каторжных исконно краях живём. Даже название нашего посёлка – Острожск – само за себя говорит!

В двух или трёх музейной старины избах, встречая главу и любопытствующего на таёжный быт журналиста, хлебосольные хозяева накрыли столы, так что окончания экскурсии по заповедному селу Александр Яковлевич уже не помнил.

И вот сейчас, лёжа на продавленной койке в захолустной гостинице, будучи не в силах оторвать голову от подушки, борясь с тошнотой, накотившей вместе с донёсшимся из-за двери запахом пригоревшего сала «яишенки», он с раскаянием думал, что жизнь его явно не задалась. Ох, как права была жена, Светлана, оставив его пять лет назад, обозвав на прощание «никчёмным и бесполезным в общественном и семейном плане субъектом».

Светлана была, напротив, очень целеустремлённой и прагматичной личностью. Они поженились на последнем курсе, учась вместе в сельскохозяйственном институте на ветеринарном факультете. Получили престижное распределение в краевой НИИ мясо-молочного скотоводства, вместе корпели над выведением особой – таёжной породы крупного рогатого скота, адаптированного к местным суровым климатическим условиям и кормам.

В середине девяностых годов их тему прикрыли, финансировали НИИ через пень-колоду, и учёные стали разбегаться кто куда. Светлана подалась в малый бизнес, разработала дезинфицирующую жидкость, запустив в производство пропитанные ею гигиенические салфетки, которые охотно закупали железнодорожники и «Аэрофлот». Дела её пошли в гору, и супруга превратилась в бизнес-леди, широко известную в крае и даже за его пределами. А вот Александр Яковлевич, как говорится, не вписался в реформы. Ходить в подручных у жены для него было унижительным, в торгово-посреднических фирмах, куда несколько раз устраивался на работу, он так и не прижился, увлёкся эзотерикой, НЛЮ, экстрасенсорикой и лозоходством, ездил с такими же, как и он сам, повернутыми на этом эфемерном, не приносящем прибыли деле, единомышленниками, в экспедиции, исследовал аномальные зоны, искал неизвестных науке животных. Вернувшись из одной такой поездки, застал Светлану с другим мужчиной. Разошлись, как и подобает интеллигентным людям, без скандала, мирно: разбогатевшая к тому времени бывшая супруга купила ему однокомнатную квартиру, так что свой угол у Студейкина после распавшегося брака остался. На жизнь он зарабатывал тем, что пописывал статейки о своих изысканиях и гипотезах, которые охотно печатали на последних страницах многие краевые газетки.

Александр Яковлевич сел в кровати, осторожно покачал пульсирующей от боли головой. Надо успокоиться, собраться, преодолеть навалившуюся немощь и похмельную депрессию. Что это он, в конце концов, так расклеился? В самоуничужение впал? Ведь и в его занятии есть высокий, общечеловеческий смысл! Ибо именно он в пору всеобщего увлечения наживой, когда всякая наука, и альтернативная в том числе, пребывает в загоне, прокладывает путь в область неведомого, непознанного и неизученного! И в этом смысле Острожская территория – весьма перспективный район. Здесь, он знал это точно, никогда не бывали прежде ни уфологии, ни криптозоологи. А он, Студейкин, первооткрыватель. Возможно, именно здесь ему улыбнётся удача, и благодарное человечество со временем отдаст должное бесстрашному изыскателю, исследовавшему неизвестную доселе никому, аномальную зону!

Некрашенные, выскобленные до янтарной желтизны половицы избы пронзительно закрипели. Бородатый сосед вошёл, держа на отлёте перед собой огромную, шершавую от многовкового налета гари, чугунную сковороду, брызжущую раскалённым жиром и, звякнув тарелками, водрузил в центр стола.

«Он здешний лесник, а зовут его Сосипатыч», – отчего-то подумал Студейкин.

– Давайте знакомиться, – управившись со сковородкой, шагнул к нему бородатый. – Иван Михайлович Богомолов. Писатель. Я уже неделю здесь прожил. Собираю фольклор. Вчера с местными бабушками засиделся, опоздал, а то бы составил компанию, – кивнул он на неприбранный стол.

Пожав протянутую руку, Александр Яковлевич отрекомендовался.

– Журналист? Ну-ну, – будто попенял ему Богомолов. – А я, признаюсь, не слишком вашего брата жалую.

От писателя отчётливо пахнуло спиртным, что и объясняло, вероятнее всего, его разговорчивость, и Студейкин скривился невольно:

– Чем же мы, журналисты, так собратьям по перу не угодили? Хотя я себя к газетчикам полностью не отношу, больше к исследователям, учёным, популяризаторам науки, так сказать, но всё равно, знаете ли, обидно...

– Корпоративная солидарность, – хохотнул в бороду писатель, бесцеремонно усаживаясь на кровать Студейкина. – А неприязнь у меня не к вам персонально, конечно, а ко всему журналистскому цеху. Можно сказать, классовая.

– Да ну? – приглаживая расчёской вздыбленную со сна шевелюру, вяло поддерживал разговор Александр Яковлевич.

– Мы, писатели-почвенники, в поте лица своего пашем, вековые пласты народной мудрости, в языке нашем батюшке заключённые, выворачиваем. До корней, стал быть, добираемся... А журналисты – не то. Скачут по верхам, там темку склонут, там какнут... Тьфу! Одним словом, либералы-сексомольцы! – в сердцах сплюнул на янтарно-чистый пол Богомолов.

– И много вы книг... того... напахали? – не без раздражения спросил всё ещё страдающий мигренью Студейкин. – Одну вашу я, кажется, читал... Или кино видел. «В августе 44-го» вы написали?

– Боевик! Масскультура, – пренебрежительно хмыкнул писатель. – Хотя и не без таланта. Нет, я другой Богомолов. Автор романа «Пуд соли». – Он, – писатель замялся, дёрнул себя за окладистую бороду, – не опубликован пока. Два тома. Шестьдесят авторских листов. Труд, можно сказать, всей жизни. Но... такая проза современным издателям не нужна. Они только чернуху да порнуху штампуют. Или гламур. А-а, что о том говорить... Пожалте за стол, а то яишенка стынет.

– Умоюсь пойду, – буркнул Александр Яковлевич. – Где здесь... удобства?

– Удобства во дворе, а рукомойник в сенцах. Ополаскивайтесь быстрее да завтракать будем.

Когда журналист вернулся через несколько минут, писатель уже хозяйничал за столом.

– Присаживайтесь, – радушно пригласил он. – Глава здешний – мужик с понятием. А потому с утра нам с вами «полторашку» прислал!

И, продемонстрировав Студейкину полуторалитровую пластиковую бутылку, нетерпеливо принялся разливать содержимое по стопкам.

– На кедровых орешках? – взявшись дрогнувшей рукой за стаканчик, обречённо поинтересовался Александр Яковлевич.

– На них, окаянных, – восторженно подтвердил писатель. – Я тут приложился, пока вы спали, чуток. Злая до лютости, стерва!

4

Иван Михайлович почти не погрешил против истины, представляясь новому знакомому писателем. Всю свою сознательную жизнь, а стукнуло ему как-то совсем незаметно сорок, он писал. В шестнадцатилетнем возрасте, сев за подаренную мамой к совершеннолетию пишущую машинку «Москва», решительно вставил в каретку желтоватый лист дешёвой писчей бумаги и, ловко тыча в клавиатуру правым указательным пальцем, бойко напечатал первую строку – «Иван Богомоллов». Отступив на два интервала ниже, тщательно примерившись, чтобы вышло точно посередине, отщёлкал название произведения – «Пуд соли». Опустившись ещё на два интервала, самонадеянно обозначил жанр – «Роман».

Вид текста с собственной фамилией, напечатанной настоящими «книжными» буквами, ошеломил его. А в сочетании с названием произведения, которое пришло ему в голову в тот момент, когда он колотил по клавишам, смотрелся и вовсе потрясающим. В ту же секунду, раз и навсегда, он решил, что станет писателем.

Ещё тогда Иван Богомоллов увидел вдруг словно воочию свой роман – огромный, в двух толстенных томах, на корешках которых вытиснено золотом название, имя и фамилия автора – такие солидные, по-писательски обстоятельные, не то что Гоголь-Моголь какой-нибудь, Пушкин-Макушкин или, не приведи господи, Пастернак! Даже Толстому до его фамилии далеко, а уж Достоевскому и подавно!

Два часа кряду он просидел так, любуясь листком бумаги с отпечатанными на нём буквами. Юный Иван представлял, какая увлекательная писательская жизнь ожидает его. Поездки по стране и за рубеж, встречи с восторженными читателями, ряды... да что там ряды – целые стеллажи в библиотеках, отведённые под увесистые тома произведений писателя Богомоллова!

Оставалось, в сущности, совсем немного – набраться терпения перед неизбежным триумфом и заполнить пачку бумаги печатными знаками, которые бросится затем читать взахлёб всё человечество.

Решив не томить его ожиданием, Иван Богомоллов передвинул каретку и отстучал уверенно – «Глава первая». Скрежетнув рычажком, перешёл на следующую строчку и, отступив абзац, отпечатал первую, чеканную, прямо-таки классическую фразу: «Человек шёл напрямки, по стерне, не разбирая дороги...»

Зачин тоже родился как-то сразу, сам собой. Слова вылились на бумагу, впечатались намертво и застыли навечно. Писатель отчётливо представил человека, почему-то в брезентовом плаще, шагавшего широко по торчащей, как поросычья щетинка, стерне скошенного пшеничного поля, различал даже рыжую пыль на голенищах его тяжёлых, нечищенных давно кирзовых сапог, но... откуда и куда он, к чертям собачьим, шёл, Богомоллов увидеть не мог.

С годами он стал своим в местном отделении Союза писателей, подружился с прозаиками и поэтами, «почвенниками-деревенщиками» и «горожанами-либералами», вошел плотно в обиход, постоянно – сперва как начинающий, а затем и маститый автор, участвовал в многочисленных семинарах и совещаниях, много дискутировал о судьбах литературы, обсуждал, порой беспощадно, чужие произведения, но в своём не продвинулся ни на шаг.

Из года в год его герой шагал из ниоткуда в никуда по колкой, крошащейся бурой пылью стерне, не продвигаясь ни на строчку вперёд, хотя машинка порой трещала часами – её хозяин вёл активную литературную жизнь, печатая на ней рецензии, письма и даже коллективные обращения местных авторов к властям и любезным читателям.

В первое время братья по писательскому цеху с нетерпением ждали его романа, интересовались, как протекает работа, однако по прошествии лет спрашивать о судьбе произведения перестали. Ибо из-под их собственных перьев тоже ничего особого не рождалось. И если бы

Богомоллов выпендрился вдруг новой книгой, взбаламутив тем самым провинциальную литературную тишь да гладь, ему бы этого не простили.

Зато при таком утрящемся с годами раскладе, в местном Доме писателей царили покой и всеобщая доброжелательность. По вечерам, вернувшись сюда после очередного общения с читателями, которое проходило, как правило, в библиотеках краевого центра, литераторы рассаживались за низеньким столом у камина. Ближе к огню – старейший романист Долбаков, издавший в начале пятидесятых годов произведение объёмом в сорок авторских листов «Под сталинским солнцем», за ним – писатели рангом пониже и возрастом помоложе.

– Пора, пора, – нарочито окая и шевеля кочергой угли в топке, произносил задумчиво родоначальник местной литературы, и кто-то из молодых срывался, а через четверть часа возвращался из ближайшего магазина с выпивкой и закуской.

Употребляли водочку чинно, уважительно, а вот когда дело доходило до бутербродов с нарезкой из аргентинской буйволятины, кто-нибудь обязательно вздыхал ностальгически:

– Эх, картохи бы сейчас. Или яишенки...

– А ещё лучше – каши в чугулке, из русской печи... Пшеничной... Пшеничная – она скуснее...

Так и беседовали – не торопясь, любя друг друга, и родные, незаморские слова «надьсь», «мабуть» да «кубыть» грели душу писателей.

О романе Богомоллова говорили уже как о само собой разумеющемся, реально существующем факте, а четверть века спустя и сам Иван Михайлович поверил в существование этого произведения, которое он, конечно же, допишет, лишь только руки дойдут.

И привычно представляясь писателем, Богомоллов почти не кривил душой: ведь писательство – это и есть состояние души, рассуждал он, этого-то у него никто не отнимет. А рукопись, книга – дело второстепенное. Тем более что нынче наиболее талантливых прозаиков, не вписывающихся в рыночные требования, диктуемые масскультурой, всё равно не печатают! Но всё-таки глодал изнутри Ивана Михайловича неуголённый червячок авторского тщеславия. Не подтверждённая документально, изданной книгой, словно по поддельному паспорту жизнь угнетала его. Хороня от друзей и чуть ли не от себя самого, он лелеял в душе мысль втихаря, под псевдонимом, написать и тиснуть в столичном издательстве какой-нибудь боевичок или триллер, чтобы хотя бы так войти в полноправные члены писательского сообщества. Вон Акунин, говорят, в миру другую фамилию носил, серьёзную прозу пописывал, да на фиг она нынче сдалась кому, эта серьёзная проза!

И уж совсем было решил Богомоллов пойти по стезе детективщика, да... всё тема как-то не подворачивалась, сюжетец не прорисовывался. А собственная монотонная жизнь, ограниченная ежевечерними посиделками в Доме писателя, наиболее яркие впечатления от которой оставили тягомотные разводы вначале с первой, а потом и второй женой, пищи для буйной творческой фантазии не давала.

В отчаянье он решил стать собирателем фольклора, что тоже сулило перспективы последующего издания собрания народной мудрости по грантам, выделенным на краеведческую литературу, а попутно, возможно, и напасть на подходящий сюжет и накропать что-нибудь вроде «Царь-рыбы» Астафьева. С этой целью он и приехал в Острожский район – самый отдалённый и дикий в их и без того неизбалованном благами цивилизации таёжном краю.

Однако и на этот раз ему не везло. Рекомендованная односельчанами как известная сказительница и знаток народного творчества баба Шура пересказала ему на свой лад вначале роман Дюма «Граф Монте-Кристо», затем общую канву телесериала «Моя прекрасная няня», а в завершение спела с подвизгиваньем частушку:

Расцветает белая акация,
Радуетя вся моя семья:

У меня сегодня менструация,
Значит, не беременная я.

Уже упаковывая вещички, он услышал от главы района о чуде-журналисте, приехавшем в этот заповедный край в поисках снежного человека. И решил: вот он, тот единственный и неповторимый шанс оставить своё имя в литературе, который выпадает раз в жизни писателю.

5

Как ни отнекивался Александр Яковлевич, но стопку самогона под увещевания нового знакомого и вприкуску с пережаренной до угольной черноты и резиновой консистенции яичницей проглотить ему пришлось. Неожиданно полегчало. Бородатый писатель, разглядев в нём не слишком рьяного собутыльника, жажнул три стопки подряд и, увлечённо скребя вилкой по дну сковородки, ел, пачкая свинными шкварками бороду, а заодно слушая рассказ журналиста о цели задуманной им экспедиции.

– Большинство криптозоологов склоняются к мысли, что йети – неизвестный науке примат, – порозовев от выпитого, излагал Александр Яковлевич. – В принципе, это вполне вероятно. Однако ареал обитания нынешних человекообразных обезьян довольно ограничен и не распространяется на северные широты. В то время как снежный человек встречается почти повсеместно и, что самое интересное, там, где обезьяны давно не водятся, – в Канаде, Северной Америке, Сибири, в вечных ледниках Памира и Тибета. К тому же крайняя осторожность этого существа наводит на догадки, что мы имеем дело не просто с животным, а неким человекообразным существом, обладающим зачатками интеллекта и, вполне возможно, примитивной, но всё-таки речью...

– Так чего ж ему, сердешному, от нас, людей, таиться? – утёр бороду, прицеливаясь к четвёртой стопке, писатель. – Вышел бы из своих лесов да вступил с нами в контакт. Зажил бы себе припеваючи, как нацменьшинство, на пособиях да льготах как сыр бы в масле катался!

– Оч-чень интересно и совершенно правильно рассуждаете! – с энтузиазмом подхватил Студейкин. – Спасибо вам, как говорится, за вопрос! Именно: почему? Отвечаю: да потому что страх перед человеком заложен в нём на генетическом уровне. Вы опять спросите: почему?

– У-гум! – заедая самогон свиным салом, согласился Богомолов.

– Да потому, что именно люди почти поголовно уничтожили снежных людей, а жалкие остатки некогда могущественного вида загнали в труднодоступные места планеты – таёжные дебри, горные массивы. Историкам, кстати, известен этот пример геноцида, случившегося в пору неолита и приведшего к уничтожению части человечества. Я говорю о кроманьонцах, истребивших неандертальцев. И снежный человек, он же йети, он же бигфут, – не кто иной, как сохранившийся до наших дней неандерталец!

– Ух ты! – ахнув очередную порцию самогона, удивился писатель.

– Эта трагедия разыгралась буквально на наших глазах, – прижимая руки к груди, будто воочию став свидетелем кровавого ужаса, рассказывал журналист. – Всего каких-нибудь двадцать-тридцать тысячелетий назад. И уцелевшие неандертальцы впитали память о ней. И что, после того, как гомо сапиенс беспощадно уничтожил их вид, они, по-вашему, сочтут для себя возможным вступить с нами в контакт?

Писатель протестующе помогал головой.

– Н-ни в коем с-случае!

– А раз так, то именно мы, энтузиасты-гоминологи, должны... просто обязаны искупить вину человека разумного по отношению к нашим братьям по разуму – реликтовым гоминоидам, отыскать уцелевших неандертальцев, и по возможности не только сохранить этот вид, но и приумножить его!

Завершив сию пафосную речь, Александр Яковлевич расчувствовался до такой степени, что, не противясь, одним махом дербалызнул заботливо налитую ему писателем стопку самогонки и даже отважился, хрустя угольками, закусить подгорелой «яишенкой».

У Богомолова глаза и вовсе запылали творческим огоньком. Ему, в общем-то, хватало ума понимать, что никакого йети они наверняка не найдут, хотя, конечно, чем чёрт не шутит, но о путешествии в поисках загадочного существа в дебрях тайги книжку наваять тоже

можно. Причём заработать на этом не только всероссийскую, но и мировую известность. Ведь гуманистические начала на Западе нынче особо сильны, там писатели, о разных сексуальных меньшинствах, больных да убогих повествующие, премии Нобелевские получают, а здесь – спасение целого человеческого вида, от геноцида пострадавшего! Не хухры-мухры! Даже попытка найти и поддержать бедных неандертальцев сама по себе благородна. И книга об этом, конечно же, не пройдёт незамеченной! А потому он с удвоенной энергией принялся расспрашивать журналиста, жалея, что нельзя достать блокнот и записывать то, что коллега по перу рассказывает так радушно. Ещё почует конкурента да испугается! Придётся запоминать...

– Вообще Острожская аномальная зона, практически неизученная пока, крайне интересна не только с точки зрения криптозоолога, но и уфолога, – щедро делился между тем бесценными сведениями с собеседником Александр Яковлевич. – Есть здесь феномены, описанные в краевой периодике, которые никто всерьёз не исследовал. Да и газеты писали о них в разряде баек и легенд, оставшихся от проклятого тоталитарного прошлого. Вот, например, что вычитал я из воспоминаний известного у нас геолога, одного из первооткрывателей нефтеносных месторождений. А писал этот уважаемый человек, Герой Соцтруда между прочим, о том, что во время экспедиции в эти места, предпринятой ещё в середине шестидесятых годов, геологическая партия наткнулась в ста километрах к северу от посёлка Острожский на узкоколейную железнодорожную ветку. Пути уходили в топи, в глухую тайгу. Изыскатели попытались проследить эту ветку, не обозначенную ни на одной из карт, но местность там оказалась вовсе непроходима. Позднее, в семидесятые годы, он пробовал отыскать начало и конец железнодорожных путей с помощью вертолёт...

– Эка невидаль, – подзадорил Богомолов, – в тридцатых-пятидесятых годах прошлого столетия здесь столько сталинских лагерей находилось! Видать, зеки лес валили, по железной дороге его на Большую землю везли... Да мало ли что в то время с помощью дармовой рабсилы строили и тянули!

– Н-не скажите! – возразил журналист. – Геолог тот, между прочим, мужиком въедливым оказался. И специально отметил в своих мемуарах, что сталинские лагеря располагались южнее. Там и качество леса лучше, и болот почти не было, и сплавать кругляк по реке Вее легче, быстрее, дешевле. Зачем узкоколейку тянуть? А на севере, там, где он рельсы нашёл, сплошные топи, сосна кривая, несортовая. Опять же геолог не поленился, сделал уже в нынешние времена запрос в краевое УВД: дескать, нет ли на балансе вашего ведомства железнодорожных путей в этом районе? А те ответили, что хрен разберёшься, дескать, лагеря были переданы в своё время в ведение УЛИТУ – управления лесных исправительно-трудовых учреждений, где и пребывали до распада СССР, а потом на их месте государственные унитарные предприятия образовали, которые в настоящее время также ликвидированы. Но самое интересное, что по документам железной дороги в этих местах нет и никогда не было! А рельсы, стало быть, лежат...

– Да что этот геолог до рельсов этих докопался? – искренне удивился Богомолов.

– А потому! Он упомянул об этом в своих мемуарах, – со значением поднял указательный палец Студейкин, – что эвенки рассказали ему...

– Ну?! – напрягся писатель.

– ...Что по этой дороге время от времени, пару раз в год, проходит поезд! И тогда из непроходимой тайги, из непролазных топей доносится приглушённым расстоянием перестук вагонных колёс и тоскливый, жуткий вой паровозной сирены!

– Бр-р! – вздрогнул впечатлительный литератор. – Поезд-призрак! Летучий голландец в дебрях сибирской тайги! Это... гм... захватывает.

– Но и это ещё не всё, – склонившись к собеседнику, жарко задышал ему в лицо кедровкой Студейкин. – Как рассказывают охотники-эвенки, именно здесь, в Острожском рай-

оне, промышляя зверя, в самых глухих, заболоченных участках леса, куда опытному таёжнику не добраться, видели они блуждающие по верхушкам сосен призрачные огни, а временами оттуда же, пронзая тучи, вздымались в небо столбы света, будто прожектора мощные кто-то включал. Но какие могут быть прожектора, если там даже линии электропередачи нет! Туземцы – народ примитивный, фантазия у них скудная. Что видят, о том и говорят. Прожектор они знают, а вот старт космической ракеты сроду не видели. А я видел. Под Плисецком...

– Ты думаешь... – округлил глаза писатель.

– Уверен, – со значением кивнул Александр Яковлевич. – Если уж и существуют базы НЛО, то именно в таких недоступных для человека местах.

Богомоллов азартно тряхнул головой:

– А-а... где наша не пропадала! Если ты туда намерен отправиться – я с тобой!

Студейкин откинулся на спинку стула, поправил очки. Наконец-то нашёл он в лице писателя благодарного собеседника! Который не отмахивается от его смелых предположений, не смеётся над ними!

– Хорошо, я не возражаю иметь такого попутчика, как вы, – важно изрёк журналист. – Я довольно опытный путешественник. Но места на севере района действительно почти непроходимые. И название подходящее – Гиблая падь. Говорят, что многие отважившиеся туда сунуться исчезли бесследно.

Богомоллов поёжился, затеребил бороду, соображая судорожно, стоит ли ради литературной славы рисковать жизнью.

– Но! – поспешил успокоить его Александр Яковлевич. – Не будем драматизировать ситуацию. Редакция газеты выделила мне некоторую сумму на экспедицию. На экипировку, провиант, оплату проводника. Наймём опытного таёжника, запасёмся всем необходимым – и с Богом. Уверяю вас, при умелой организации риск нашего путешествия будет сведён к минимуму. Вроде туристического маршрута четвёртой категории сложности. Зато какие открытия могут нас ожидать в этих заповедных местах!

Богомоллов согласился и предложил выпить ещё по стопке кедровки за успех предприятия.

6

Однако буквально на следующий день выяснилось, что оно оказалось под угрозой срыва.

Рекомендованный им главой района здешний егерь, который хорошо знал тайгу и чувствовал себя в ней, как дома, угрюмый лесовик, заросший густой смоляной бородой по самые брови, скептически оглядев городских просителей, нагрянувших к нему на ближнюю заимку, отказал грубо:

– Таким, как вы, фендрикам, только по городскому парку культуры и отдыха имени Карла Либкнехта путешествовать. От пивного ларька до комнаты смеха. А я баловство разное поощрять не намерен. Вас даже за околицу села одних выпускать нельзя – мигом заблудитесь.

– Так мы потому и провожатого ищем, – солидно, подлаживаясь к интонации собеседника, пробасил Богомолов. – И никакие мы не фендрики. Я, например, писатель. А товарищ мой – журналист.

– И в походах дальних не новички, – поддержал приятеля Студейкин. – Снаряжение покупаем сейчас. Одежду, сухпай, сапоги-бродни. Насчёт ружьишка честно скажу: такого у нас не имеется. Здесь мы на проводника рассчитываем. Какой же таёжник без ружья!

Егерь сунул в расстёгнутый ворот рубахи ручищу, поскрёб могучую волосатую грудь, спросил строго:

– И куда вы, господа писатели, намылились? С какой целью? Я, между прочим, за тайгу отвечаю и кому попало шастать в ней не позволю. Опять же лето сухое, пожароопасное...

– Мы местную флору и фауну изучать намерены, – не сморгнув глазом выдал загодя придуманное объяснение Студейкин. – В научных и краеведческих целях!

– А заодно книгу напишем, – поддакнул ему Богомолов. – Путевые заметки.

– Если сами нас проводить не можете, так хоть порекомендуйте кого! – Александр Яковлевич развернул крупномасштабную карту района, ткнул пальцем в северную часть, сплошь усеянную вертикальными чёрточками, обозначающими заболоченные места. – Нам вот сюда попасть надо.

Егерь покосился на карту, перевёл медленно тяжёлый взгляд на Студейкина, процедил задумчиво:

– Вот, значица, куда вас черти несут... В Гиблую падь... – а потом вдруг рывкнул так, что крутившаяся у его ног собака лайка оцетинилась и показала гостям белоснежные волчьи клыки. – Да вы знаете, фендрики, что там двести вёрст непроходимых болот?! И ни жилья, ни заимки?! Туда даже потомственные охотники-эвенки не ходят! А те, что пошли, не вернулись и сгинули навсегда!

– Мы ж с проводником... И заплатим, – попытался несмело возразить журналист, но мужик-лесовик сказал, как отрезал:

– Не пуцу! Хотите помереть до срока – пожалуйста. Вольному воля. Можете, чтоб не морочить голову ни себе, ни людям, сразу вон на той ели повеситься. Хоть тела искать не придётся. А то попрётесь в тайгу – мне же ваши поиски организовывать предстоит. Да только никого из вас там ни в жисть не найдём. Какие в Гиблой пади, к чёрту, тела? Ухнул в трясину с головой – и как не бывало!

В гостиницу несостоявшиеся путешественники вернулись в подавленном настроении. Зуд предстоящих открытий охватил их уже целиком. Общительный писатель, выведав у местных жителей адресок, сбегал для поднятия боевого духа за полторашкой. Только было уселись за стол, чтобы не торопясь обсудить сложившуюся ситуацию, как во входную дверь гостиницы громко торкнулись, в сенцах затопали тяжелыми сапогами, и за порог горницы шагнул незнакомец, облачённый, несмотря на жару, в линялую, выбеленную солнцем и прожжённую во многих местах солдатскую телогрейку, перепоясанную широким патронташем, застиран-

ные штаны неопределённого цвета, резиновые охотничьи сапоги. На голове гостя красовалась выдавшая виды соломенная шляпа с обгрызанными будто полями и закатанной над тульей противомоскитной сеткой, на плече висела старенькая двустволка.

– Однако, здрастье вам, – шуря и без того узкие глаза, поприветствовал сидящих за столом незнакомец. – Моя слышал, проводника нада? Я проводник, однако. Денга плати – отведу. Тайга – мой дом. Моя там всё знает!

Писатель и журналист дружно поднялись из-за стола, ещё не веря в удачу, указали гостю на свободный стул, приглашая душевно:

– Проходите, садитесь. Так вы, значит, проводник будете? – суетился Студейкин.

– Я проводник, – гордо вскинув голову, отрекомендовался вошедший и, решительно хлопая отворотами бродней, протопал к столу. Сбросив с плеча ружьё, прислонил его стволами вверх к стене. Бережно снял шляпу и передал её склонившемуся над ним угодливо Богомолу. Расстегнул на груди телогрейку, утёр драным рукавом потный лоб. – Жарко, однако. Чай кушать нада!

– Чаю, к сожалению, нет, – пристраивая шляпу гостя, за неимением вешалки, на телевизоре, посетовал журналист, зато писатель нашёлся мгновенно: – А самогоночка есть! На кедровых орешках. Не желаете откусать за компанию с нами?

– Желаю, – степенно согласился проводник.

– Вот, пальцем закусите, – подавая ему щедро наполненную до краёв стопку, потчевал Богомол. – Вам как, вера свининку употреблять дозволяет?

– Православные мы, – пояснил чинно гость и, обтерев ладони о чёрные волосы на макушке, слегка тронутые сединой и слипшиеся от пота, принял осторожно стаканчик. Держа его обеими руками перед собой, кивнул поочерёдно хозяевам стола: – Знакомы будем. Узун Булак моя зовут.

Журналист и писатель, улыбаясь заискивающе, потянулись к нему стопками, представились в свою очередь.

Проводник, стараясь не пролить ни капли, вылил самогонку в рот, шевеля острым кадыком на невыбритой шее: глок-глок-глок...

Богомол подмигнул Студейкину заговорщически: вот, мол, на ловца и зверь бежит, а потом обратился уважительно к гостю:

– А вы, э-э... товарищ Булак, из местных охотников будете?

Гость пошарил на поясе, извлёк из кожаного чехла нож с длинным и острым лезвием, насадил на него кусочек сала, отправил в рот, пожевал. Икнув громко, изрёк:

– Охотник я. И отец охотник, и дедушка. Тунгусы – все охотники, однако.

– И... в Гиблую падь готовы с нами идти? – замирая, поинтересовался Студейкин.

– Готов. Гиблая падь знаю. Ходил туда, – коротко согласился проводник.

– А как же болота? Топи непроходимые? – опасливо спросил писатель.

– Есть, однако, болота, – подтвердил Узун Булак. – Совсем тиха пойдём. Деньга платишь? – ткнул он вдруг указательным пальцем в грудь журналисту.

– Платишь, – невольно подражая манере разговора проводника, с готовностью кивнул Александр Яковлевич. – Пятьсот рублей даю.

– Тыща! – категорически возразил гость.

– По рукам! – легко согласился Студейкин.

Проводник удовлетворённо кивнул, почмокал губами. Потом указал на пластиковую полторашку:

– Налей.

Богомолов споро наполнил стопки. Узун Булак выпил, не чокаясь, утёр губы тыльной стороной ладони.

– Огненная вода – хорошо. – Поднявшись из-за стола, предупредил: – Завтра тайга пойдём. Когда солнце проснётся. Собирайтесь. Сам за вами зайду.

И, прихватив шляпу и ружьё вышел, не попрощавшись.

Студейкин посмотрел ему вслед, покачал головой:

– Странный какой-то.

– Да ладно тебе, – успокоил коллегу писатель. – Тунгус – он и есть тунгус. Твоя моя не понимай. Абориген, одним словом. Но тайгу знает. И в Гиблую падь нас отведёт. Так что давайте, Александр Яковлевич, в дальнюю дорогу готовиться. А я в сельмаг сгоняю. Топорик там присмотрел. Опять же котелок походный надо купить, чтоб на костре пищу готовить.

– Я с вами! – возбуждённо выскочил из-за стола журналист. – Посмотрю, что ещё из провианта с собой захватить. Всё-таки в тайгу идём, на поиск непознанного!

7

Едва рассвело, троица покинула ещё тихое по-ночному село. Сразу за околицей, после короткой череды выгороженных кривыми плетнями огородов, стожков сена, россыпью белеющих зыбко стволами берёзок начиналась тайга. Сперва прореженная местными жителями, с торчащими тут и там пнями, расчищенная от валежника, прибранного на растопку, она с каждым шагом путников густела всё больше, вздымалась ввысь, а влажная от утренней росы тропинка виляла меж высоких прямых, как корабельные мачты, сосен, уводила в самую чашу.

Впереди, хлопая подвернутыми голенищами бродней, шагал решительно проводник Узун Булак. На плече его болталось ружье, спина горбилась под объёмистым рюкзаком, набитым провизией – банками с говяжьей и свиной тушёнкой, гречневой кашей, шпротным паштетом, прочей консервированной снедью, оказавшейся в ассортименте сельского магазинчика. Такую же тяжёлую поклажу волокли бредущие следом писатель и журналист. Кроме того, Богомоллов тащил одноствольную, тронутую ржавчиной берданку тридцать второго калибра, выменянную вместе с горстью патронов на полторашку самогона у местного пьяницы, а Студейкин – телескопическую удочку, напоминавшую в сложенном виде милицейскую резиновую дубинку. Запас продовольствия в пути путешественники намеревались пополнять за счёт охоты и рыболовства.

Ещё на старте тунгус отмахнулся презрительно от предложенной ему Студейкиным карты, упакованной для лучшей сохранности в полиэтиленовый файл, и шёл, руководствуясь, как уважительно считали спутники, исключительно врождённым инстинктом потомственного охотника да только ему ведомыми ориентирами, безошибочно сворачивая то вправо, то влево на развилках тропы.

Через три часа бодрой ходьбы протоптанная кем-то в тайге тропка нырнула сперва под поваленный ствол вековой, поросшей мхом ели, потом упёрлась в непролазную чашу и растворилась бесследно в ней, будто в песок ушла.

Кряхтя и чертыхаясь, путники преодолели завал, продрались сквозь переплетение густого и крепкого, вроде колючей проволоки, кустарника, погрузились с головой в заросли трёхметровой, особо злобной в конце лета крапивы, и неожиданно оказались на берегу неширокой таёжной речушки. Её чёрную, с маслянистым блеском поверхность покрывали жёлтые поплавки кувшинок, а с травянистого берега, словно пловцы, повинувшись выстрелу стартового пистолета, разом плюхнулись в воду, широко расставив в полёте задние лапки, несколько крупных лягушек.

Студейкин стянул с головы вязаную шапочку, утёр ею мокрое от пота лицо, недоуменно осмотрелся вокруг.

– Послушайте, любезный! – обратился он к проводнику. – По карте здесь никакой реки быть не должно. Вы уверены, что ведёте нас в Гиблую падь? А река обозначена на карте западнее. И компас указывает, что мы всё время придерживались в пути западного направления, а нам надо держаться севернее!

Узун Булак сбросил с плеч тяжёлую поклажу, развёл возмущённо руками:

– Однако, не кричи, турист! Что твоя карта? Бумажка! А тайга – она живой. И речка где хочет, там и течёт. И твой бумажка, ха-ха, не слушает!

– Нет, я не понимаю, – кипел возмущением журналист, а проводник вдруг шлёпнулся на землю, сбросил бродни, откинулся спиной на траву и, водрузив ноги в шерстяных, грубой вязки носках на рюкзак, объявил:

– Однако, привал!

Богомоллов, со стоном освободившись от груза, с готовностью опустился рядом. И, потирая натруженные плечи, вздохнул мечтательно:

– Выпить бы...

– Нет, давайте всё-таки разберёмся! – неугомонный Студейкин расстегнул клапан рюкзака, достал карту. Вынув её из полиэтилена, разложил на траве. В центр поставил компас, совместил качнувшуюся стрелку с севером и, глядя то на неё, то на карту, принялся тыкать пальцем по сторонам света. – Там – север, позади нас восток. А это, – кивнул он на речку, – запад. Вот здесь, – провёл он ладонью по карте, – река Чага, приток Вии. В неё мы и упёрлись. И теперь, чтобы попасть в Гиблую падь, нам надо идти направо, вдоль реки...

– Слава богу, что в воду лезть не придётся, – заметил удовлетворённо писатель, – а то я плавать... не очень-то...

– Выходит, вы нас не в ту сторону вели, товарищ Узун Булак? – встал в позу обличителя, подбоченясь, перед проводником Студейкин.

– Сам ты Узун, – неожиданно раздражённо ответил тот и рывком сел. – Раз хорошо в карте разбираешься, так сам нас и веди. А то я что-то в этом лесу долбаном совсем заплутался...

– Так вы... Вы не охотник? Не тунгус? – изумился Богомоллов.

– Сам ты тунгус! – обиделся проводник. Потом сунул руку за пазуху, пошарил там и, достав пистолет, повёл стволом поочерёдно на журналиста и писателя. – Колитесь, ребята, похорошему, где золотишко затарено? И кто вас, городских дураков, за ним в эту таёжную глухомань отрядил?

У Студейкина от удивления подкосились ноги, и он рухнул на землю, а Богомоллов, наоборот, попытался вскочить.

– Сидеть! – рявкнул на него проводник. – Отвечайте быстро. А то прострелю щас ваши дурные башки, сброшу тела в речку – и концы в воду! Хрен кто дознается!

Журналист громко лязгнул зубами.

– К-какое з-золото? – выдавил он, запинаясь. – О ч-чём вы г-говорите?!

– М-мы ничего н-не знаем! – дрожа, вторил ему, не сводя глаз с пистолета, писатель.

– Ладно, верю, – вдруг легко согласился лжепроводник и, спрятав пистолет под телогрейку, опять вольготно упал на травку. – По вам видно, что вы и впрямь лохи. И ни черта, конечно, не знаете.

Богомоллов со Студейкиным переглянулись затравленно.

– Кто вы? – справившись с волнением, спросил наконец испуганный журналист.

– Капитан милиции Фролов. Сотрудник уголовного розыска, – покосившись на него, хмыкнул тот.

– А... не тунгус? – всё не мог взять в толк Богомоллов. – Кто ж нас теперь по тайге поведёт?

– Да он и поведёт, – пренебрежительно кивнул в сторону журналиста милиционер. – У него и карта, и компас имеются.

Услышав, что обладатель пистолета – работник милиции и убивать их, судя по всему, не намерен, Студейкин опять обрёл расположение духа и, поправив очки, возмутился:

– Но зачем этот маскарад?! Введя нас в заблуждение, вы поставили под угрозу срыва серьёзную научную экспедицию.

– Подумаешь, – скривился Фролов. – Надумали тоже – снежного человека искать! Там, – указал он рукой на север, – кто-то незаконно золото добывает, государство обворовывает в особо крупных размерах! Вот кого нам прищучить необходимо! Ну а тут вы, лохи, со своей экспедицией подвернулись. Я сперва за курьеров, золотишко переправляющих, вас принял. А потом, приглядевшись, понял, что вы впрямь честные граждане. Только дураки.

– Ну спасибо на добром слове, – с сарказмом поклонился ему Студейкин. – И что же нам теперь прикажете делать?

– Дальше пойдём, – равнодушно пожал плечами капитан. – В Гиблую падь. Найдём нелегальный прииск. И снежный ли человек там золото государево моет или обыкновенный, нашён-

ский, – мне наплевать. Закоцаю в наручники – и в каталажку! А вы, как сознательные граждане своей страны, поможете правоохрнительным органам в раскрытии этого преступления и задержании виновных.

– О господи... Вот влип... – пробормотал обескураженно Богомолов и затравленно оглянулся по сторонам.

Вокруг мрачной, непреодолимой стеной безмолвно нависала тайга.

Глава третья

1

В тесном кабинетике регионального отделения неправительственной общественной организации «Обелиск», занимающейся правозащитной деятельностью, было сонно и тихо. Конечно, от всякого рода жалобщиков, принимай в «Обелиск» всех подряд, отбою бы не было, но здесь привечали не всяких. Дежурного консультанта, Эдуарда Аркадьевича Марципанова, ведущего обычно приём, интересовали лишь жертвы столкновения с тяжёлой машиной государственного аппарата, неуклонно скатывающегося, как известно, к тоталитаризму и перемалывающего безжалостно своими жерновами безвинных граждан. Опять же не абы каких, а лишь тех, чьи страдания способны были вызвать широкий общественный резонанс. Причём не нашенской, равнодушной по большей части к судьбам соотечественников, общественности, а западной – забугорной, испытывающей симпатию к российским правозащитникам и поддерживающей через различные фонды отдельные особо стойкие к державным заморозкам ростки демократии.

Ах, демократия! Свобода! В организации, которой служил волонтер Марципанов, эти слова произносили с непременным придыханием, надрывом, а в последние годы – ещё и с ноткой ностальгии, тоскуя, будто по утраченной молодости...

Марципанов оторвал взгляд от дисплея, закурил душистую сигарету «Golts». Крутанувшись на податливом кресле, повернулся к раскрытому окну, обозревая привычную картину, которая уже много лет открывалась ему при взгляде из офиса.

Широкий проспект, застроенный приземистыми, словно из куска монолитного гранита вырубленными домами, разделённый трамвайными линиями посередине, с толпами хмурых озабоченных людей на тротуарах, с потоком машин, чадящих экологически грязными двигателями, а над всем этим – тяжёлое северное небо, напоминающее постоянно о том, что погожие дни на этих широтах скоротечны и всякая оттепель непременно сменится вскоре затяжной, замораживающей душу зимой. И может ли быть по-настоящему свободным человек, осознающий отчётливо, что с навалившейся привычно стужей ему придётся опять прибиваться к стае, искать убежища за надёжными толстыми стенами, где толпой, словно первобытным людям в пещере, зимовать несравнимо легче и безопаснее?

А демократия, по Марципанову, как бы подразумевала вечное лето, буйство красок, остужающий бриз, доносящийся с шумящего морским прибоем песчаного пляжа, где люди веселы, раскованны, не обременены заботами о тепле и хлебе насущном, и жизнь их легка, предсказуема, как бесконечный праздник...

А он, Марципанов, вынужден прозябать в этой неласковой, мрачной стране, где ему ежеминутно угрожают арестом, в призрачной надежде, что когда-нибудь мировое сообщество оценит его самоотверженное служение общечеловеческим ценностям, вспомнит о нём и, как героя-челюскинца, вырвет из ледового плена, осыплет цветами и почестями... Ведь, говоря по правде, и есть за что!

Кто, как не Марципанов, дрожа от страха и холода августовской ночью девяносто первого, добровольно встал в ряды защитников демократии? В те незабываемые дни он, к сожалению, был не в Москве, где разворачивались главные события, а здесь, в сибирском городе, в котором и защищать-то с помощью баррикад оказалось нечего. Не крайком же партии, исправно функционировавший до последнего момента, а потом спланировавший почти поголовно на тугих струях свежего ветерка в состав краевой администрации, вполне лояльной новой, пришедшей после августа 1991 года, столичной власти?

Однако заслуга Марципанова с немногочисленными единомышленниками и состоит в том, что в дни путча они такой объект всё же нашли! Частную газету «Либеральный вестник Сибири». И не важно, что к тому времени вышел лишь первый и, как впоследствии оказалось, последний номер издания. Именно на этот оплот провинциальной демократии, по разумению Эдуарда Аркадьевича со товарищи, могли в первую очередь покуситься местные ретрограды-гэкачеписты.

В тот судьбоносный для всей страны вечер они возвели у деревянного крыльца ветхого, давно запланированного под снос домика, где располагалась редакция, баррикаду, выстроив её из подручных средств, – нескольких стульев с обшитыми дерматином сиденьями, проволочных корзин для бумаг, канцелярских счётов, и жгли костёр в ожидании танковой атаки.

От бронированных машин решили отбиваться бутылками с зажигательной смесью. Однако из-за отсутствия порожней стеклянной тары пришлось закупить в близлежащем магазине пять поллитровок портвейна, опустошить которые удалось лишь к утру. А с рассветом пришла победа.

Способных на решительные контрреволюционные действия гэкачепистов в их городе так и не нашлось, баррикаду с руганью, кляня натащивших мусора бездельников, разобрали утром злые с похмелья дворники, однако защитники местного оплота демократии были замечены общественностью, и Эдуарда Аркадьевича зачислили в краевые святцы истинных либералов.

Присягнувшие чохом новой власти и разом поменявшие идеологическую ориентацию чиновники из муниципалитета сперва вгорячах пожаловали Марципанову должность во вновь созданной структуре – начальника службы связи с общественностью, выделили отдельный кабинет со столом и телефоном, положили неплохую зарплату. Однако неделю спустя Эдуард Аркадьевич был неприятно поражён, узнав, что на рабочем месте ему надлежало присутствовать ежедневно, причём с девяти утра до шести вечера. При этом читать какие-то бумаги, готовить проекты решений, составлять пространные отчёты и справки, а ещё и окорачивать по возможности журналистов, которые в ту пору совсем с цепи сорвались и драли городскую власть, несмотря на её приверженность к рыночным реформам, в ключья.

Эдуард Аркадьевич искренне считал, что, как герой антисоциалистической революции с большим диссидентским стажем, он вправе рассчитывать на совсем другое, более бережное, отношение к себе.

С негодованием он оставил чиновничью службу, но вскоре обнаружил, что жить ему решительно не на что. К счастью, тут-то и выяснилось, что «демократ» в России – это не только убеждения, но и профессия. О нём не забыли, привлекли к набиравшему силы на западные гранты правозащитному движению, назначили стипендию от одного из международных фондов, которой вполне хватало на безбедную провинциальную жизнь. Однако кое-какие служебные обязанности на волонтёра Марципанова всё-таки возложили...

Эдуард Аркадьевич со вздохом раздавил в пепельнице душистую сигаретку. Не зря, ох, не зря вспомнилась ему сегодня революционная молодость! Вновь повеяло холодком в российской политике, вновь стала набирать мощь государственная машина, и давние коллеги по муниципальной службе в последние годы начали посматривать на правозащитника уже без прежнего почтения, с лёгким налётом презрительной вежливости. Прокатались первые аресты инакомыслящих. Молодых бузотёров пока, нацболов-лимоновцев, но со временем, того и гляди, доберутся и до убелённых сединами либералов... Но надо было жить, невзирая на грозящие опасности, бороться...

Отгнав неприятные мысли, Марципанов продолжил составление письма, щёлкая ловко пальцами по клавиатуре полученного по соровской программе компьютера.

«... Таким образом считаю жалобу гражданина Злобина М. К., приговорённого к пожизненному заключению, вполне обоснованной. Тот факт, что приговор ему вынесен за убийство восьми человек, не может служить оправданием для администрации тюрьмы, нарушающей

права осуждённого. Так, узник справедливо ставит вопрос о том, что постельные принадлежности выдаются в камеру плохо проглаженными, от простыней пахнет сыростью. Перьевая подушка уже стандартных размеров, утверждённых правилами внутреннего распорядка мест лишения свободы. К тому же изготовлена она с применением грубого пера, остистое основание которого прокалывает наперник и наволочку, что может привести к серьёзной травме осуждённого. Пища подаётся недостаточно горячей, в мясе порой присутствуют кости, проглатывание которых способно перекрыть дыхательное горло с последующим удушением. Порционное сливочное масло такого низкого качества, что крошится при намазывании на хлеб. Всё вышеперечисленное неопровержимо доказывает, что заключённые в российских тюрьмах содержатся в бесчеловечных условиях, подвергаются систематическим пыткам, на что неоднократно указывали правозащитники в своих обращениях к лидерам мирового сообщества...»

Плавный ход мысли Марципанова прервал завершающий пронзительно телефон. Эдуард Аркадьевич терпеть не мог таких вот внезапных звонков. Они бесцеремонно врываются в тишину его кабинета, безжалостно гася творческую фантазию, приносили в размеренную жизнь беспокойство и, что хуже всего, заставляли порой напрягаться, работать.

С ненавистью глядя на аппарат, правозащитник снял трубку, осторожно, словно раскалённую добела, поднёс к уху, держа на некотором отдалении и с робкой надеждой, что звонящий ошибся номером, выдохнул приглушённо:

– Алё?

– Гражданин Марципанов? – деловито осведомились на другом конце провода.

– Э-э... да-а, – промямлил Эдуард Аркадьевич, обескураженный тем, что звонили всё-таки ему, а ещё более того обращением – гражданин. Это слово отчётливо пахло воловьей кожей скрипучей португалии с тяжёлой кобурой, надраенными гуталином до яростного блеска хромовыми сапогами, и непременно должно было сочетаться с казённо-вежливой фразой: «Пройдёте». Со всеми вытекающими в конце пути последствиями...

– Слушаю вас, товарищ, – подобострастно подтвердил Марципанов, собравшись духом.

– Вас беспокоят из управления ФСБ, – будничным тоном, будто звонил из прачечной, отрекомендовался голос в телефонной трубке. – Вы сможете подойти к нам часиков... эдак к двенадцати?

– 3-зачем? – обмирая от страха, пролепетал Эдуард Аркадьевич.

– По интересующему вас делу, – строго и скупое, как и следовало выразиться чекистам, пояснил звонивший.

– С-с... вещами? – свистящим шёпотом уточнил правозащитник.

– Что вы! – явственно ухмыльнулись на том конце провода. – Мы долго вас не задержим.

В приёмной обратись к дежурному офицеру – на вас уже выписан пропуск.

«А выпуск?!» – чуть не ляпнул было Марципанов, но уже послышались отрывисто-короткие, словно лай конвойной собаки, гудки.

Минуту-другую Эдуард Аркадьевич окаменело сидел в кресле, сжимая потной рукой телефонную трубку и тупо взирая на экран монитора с набранной четырнадцатым кеглем квартальной справкой о ситуации с правами человека в крае. Потом отключил компьютер.

– Допрыгался, гад? – с ненавистью сказал он своему отражению в почерневшем экране. – Довыпендривался? Правозащитник хренов. Давно надо было на Запад свалить. В чеченскую кампанию, например. Получил бы тогда, в горячах, статус политического беженца как защитник повстанцев и в хрен бы теперь не дул! А сейчас загребут в каталажку, пришьют политический экстремизм, а то и шпионаж, – и на нары!

Впрочем, ещё не всё потеряно. Если принять превентивные меры...

– Это вам не тридцать седьмой год, товарищи чекисты! – громко проговорил он, включая компьютер. И если в кабинете федералы установили прослушивающее устройство... Что ж, пусть слушают! Его мужественный голос способен прорваться и сквозь застенки гэбистов!

Пальцы Марципанова стремительно запорхали по клавиатуре: «Всем, всем, всем! Арестован известный российский правозащитник Эдуард Марципанов! Карательная машина полицейского государства набирает обороты! Российские спецслужбы, не считаясь с законом, хотят задушить молодую постсоветскую демократию ежовыми рукавицами! Все те, кому дороги основополагающие принципы свободы, должны единым сплочённым строем выступить против антидемократического режима! Свободу Эдуарду Марципанову!»

Присовокупив к данному тексту ещё абзац, в котором обратил внимание западного сообщества на ещё один вопиющий пример нарушения прав человека в России, Эдуард Аркадьевич открыл электронную почту и принялся рассылать экстренное сообщение о зверствах ФСБ по всем известным ему адресам. До назначенного времени визита в Федеральную службу безопасности оставалось чуть меньше часа.

2

В приёмной хорошо известного диссидентам ещё с советских времен здания краевого управления госбезопасности Марципанова встретили на удивление приветливо. Сидевший за стеклянной конторкой улыбочивый лейтенант, заглянув в паспорт правозащитника, вложил меж его страничек пропуск и куда-то позвонил, ткнув кнопочку на обширном пульте перед собой. Через пару минут в вестибюль, украшенный бронзовой скульптурой Феликса Дзержинского, вошёл совсем не похожий на карающий меч закона седовласый человек средних лет в гражданском костюме и с заметно выпирающим брюшком.

– Эдуард Аркадьевич? – вежливо осведомился он и произнёс-таки сакраментальное «пройдёмте».

Стараясь держаться гордо и независимо, правозащитник прошествовал следом по устланному ковровой дорожкой коридору мимо ряда дверей без табличек. Несмотря на страх, он чувствовал и закипающую исподволь радость в груди. Ведь если ему удастся вырваться рано или поздно из рук чекистов, политическое убежище в любой западноевропейской стране у него, считай, в кармане! Да и кому должно предоставлять демократическое сообщество пожизненный бесплатный пансион, как не узнику совести, жертве тоталитаризма?

Провожатый распахнул одну из безликих дверей и радушно пригласил Марципанова во вполне светски обставленный кабинет с непременно монитором на столе, несколькими телефонами и вольнодумными портретами в рамках по стенам – Владимира Высоцкого, Василия Шукшина и Владимира Путина в борцовском кимоно.

– Присаживайтесь! – кивнул гостю на кресло напротив стола чекист и пошутил весьма кровожадно: – Садиться мы, как правило, не предлагаем. Это не нам, а суду решать. Впрочем, вы, как правозащитник, об этом лучше нас, государевых слуг, знаете...

«Почему он так сказал? – лихорадочно соображал Эдуард Аркадьевич. – Запугивает? Надо держаться изо всех сил, не поддаваться на провокации...»

Марципанов сел в мягкое кресло, плотно сдвинув колени, чтобы унять охватившую их дрожь. Пока гэбист устраивался напротив, одновременно разбирая лежащие на столе бумаги, Эдуард Аркадьевич размышлял напряжённо, чем вызвано его приглашение в этот оплот режима. Предъявят обвинение и арестуют? Начнут вербовать? Допросят с пристрастием, а то и с применением пытки? Если примутся пытать, надо будет согласиться для вида на сотрудничество и всё рассказать. Но рассказать – о чём? Адреса, явки, пароли? Но никаких паролей он не знал, как и о нелегальных явках тоже. А легальные адреса всех правозащитных организаций, центров и фондов, с которыми он сотрудничал, легко можно найти в Интернете...

– Вас Эдуардом в честь дедушки назвали? – поинтересовался вдруг, разобравшись в бумагах, чекист.

– Н-наверное... Нет. То есть, да, – запутался с ходу соображавший совсем на другую тему правозащитник.

А в голове его стремительно пронеслось: «...Отвлекает внимание. Задаёт ничего не значащие вопросы, в том числе о родственниках. Разыгрывает передо мной роль доброго следователя. А потом наступит очередь злого...»

– А я вас, Эдуард Аркадьевич, обрадовать хочу, – вдруг обезоруживающе расплылся в улыбке гэбист. – Несколько лет назад вы обратились в комиссию по реабилитации жертв политических репрессий с тем, чтобы восстановить доброе имя вашего репрессированного дедушки. Писали, что был он командиром Красной армии, воевал, по окончании Великой Отечественной служил где-то в Сибирском военном округе. Там и сгинул в начале пятидесятых годов, уничтоженный, как вы выразились в своём обращении... – гэбист скопил глаза на лежащую перед ним бумагу, – сталинскими опричниками. Верно?

– Д-да... – замороченно кивнул Марципанов.

– А вот и нет! – не без торжества шлёпнул по документу ладонью гэбист. – Мы, конечно, затащили с ответом... Случай оказался непростой. Пришлось долго копаться в архивах, сделать десятки запросов... В итоге этой большой и кропотливой работы выяснилось, что вашего деда, Эдуарда Сергеевича Марципанова, 1913 года рождения, никто не репрессировал. Более того, к командному составу Красной Армии вашего дедушку можно отнести с достаточной степенью условности...

– В смысле? – изумился правозащитник. – Мне бабушка рассказывала...

– Скорее, он был в некотором роде нашим коллегой.

– Нашим? – оторопел Марципанов.

– Моим, – уточнил гэбист. – Мы с вашим дедушкой, так сказать, выходцы из одного гнезда. Чекистского.

– А-а-п! – захлопнул громко раскрывшийся было от удивления рот поражённый правозащитник.

Седой фээсбэшник не без усмешки взглянул на посетителя и опять взялся за лежащие перед ним бумаги.

– Вот, пожалуйста. Зачитываю вам послужной список Эдуарда Сергеевича Марципанова. Родился, как вам известно, ваш дедушка в 1913 году. В 1931 году — служба в войсках ОГПУ. В частях особого назначения. Имел боевой опыт ликвидации кулацких мятежей. Окончил школу подготовки оперативного состава НКВД в 1935 году. Место дальнейшей службы – Соловецкие лагеря особого назначения. С 1938 года – начальник Степлага в Караганде. В 1940 году переведён на равнозначную должность начальника Особлага, где содержались особо опасные политические преступники, – на Колыме. В 1941 году его перебросили на новое место службы – уже в наши края. Здесь он возглавил каторжное отделение Норильлага. Это было солидное учреждение, рассчитанное на содержание десяти тысяч заключённых, используемых для работы на рудниках, шахтах, добыче золота и олова, на лесозаготовках. Кстати, да будет вам известно, что осуждённые к каторжным работам содержались в особых бараках с решётками на окнах, находящихся на запоре и охраняемых стрелками. Они лишались права переписки, носили одежду специального образца. Рабочий день им устанавливался на час выше обычной лагерной нормы. Они привлекались в первую очередь на особо тяжёлые работы, охранялись усиленным конвоем. Нынешним заключённым, жалующимся на строгости, такой режим содержания даже в страшном сне не привидеться!

Гэбист победно глянул на правозащитника. Тот, ошарашенный внезапным известием, выдал из себя:

– А-а... дальше что?

– А дальше следы вашего дедушки затерялись. Начиная с 1954 года ни в каких списках – ни действующих в то время сотрудников, ни уволенных на пенсию по выслуге лет, ни умерших, ни привлечённых к дисциплинарной или уголовной ответственности и по этой причине изгнанных из органов – он не значится. Каких-либо документов, проясняющих дальнейшую судьбу полковника Марципанова Эдуарда Сергеевича, нами не обнаружено. Таким образом, вашего дедушку можно отнести не к репрессированному, а скорее к пропавшим без вести.

– Но... как такое возможно? – не мог взять в толк Эдуард Аркадьевич.

– В принципе, с учётом ситуации в правоохранительной системе тех лет, путаница с бумагами вполне вероятна. Дело в том, что вскоре после смерти Сталина органы внутренних дел претерпели значительные изменения. Так, – фээсбэшник опять обратился к бумагам на столе, – 28 марта 1953 года ГУЛАГ (и соответственно все места лишения свободы) был передан в ведение Министерства юстиции СССР. А менее года спустя, 21 января 1954 года, вновь возвращается в структуру МВД СССР. А тут ещё огромная амнистия заключённым, прозванная в народе бериевской, буквально опустошившая многие лагеря. Личные дела сотрудников и осуждённых,

а это миллионы человек, перекочёвывали из ведомства в ведомство, шли чистки начсостава, кого-то отправляли на пенсию, кого-то отдавали под суд... Не мудрено, что личное дело вашего дедушки растворилось в этой круговерти. До весны 1954 года по различным ведомствам, в том числе на получение обмундирования и денежного довольствия, полковник Марципанов есть, а после – как в воду канул. Но никаких судебных решений в отношении его в этот период не было. Так что о репрессиях и речи быть не может. А значит, и о реабилитации тоже, – отложив бумаги, победно глянул на Марципанова-внука гэбист.

– Так вы меня только по этому поводу вызывали? – опустошенно утёр со лба пот Эдуард Аркадьевич.

– Естественно, – пожал плечами сотрудник ФСБ. – А что, у вас к нам есть и другие вопросы?

– Нет! – торопливо выпалил Марципанов и, поняв, что камера в конце этой беседы ему не грозит, поинтересовался, переведя дух: – Куда же мог деться мой дедушка?

– Ну, мало ли куда, – развёл руками гэбист. – Установлены случаи, когда некоторые сотрудники МГБ и НКВД, стремясь уйти от ответственности за... гм-м... допущенные перегибы, пытались скрыться, сменить фамилии, паспорта. Впрочем, это мало кому удалось. Возможно, среди редких счастливых оказался и полковник Марципанов. Допустимы и другие, бытовые, мотивы. В ту пору ему было всего сорок лет. Сошёлся Эдуард Сергеевич с какой-нибудь мадам и драпанул, извините за резкость, от вашей бабушки. Она, кстати, сама как его внезапное исчезновение объясняла?

– Да так и объясняла... Был, дескать, командиром Красной Армии. Она с сыном, моим папой, здесь, в тыловом городе, жила. А он – то на войне, то ещё где-то в войсках. Но деньги исправно посылал. Вот она и не тужила особо. После того, как его репрессировали... то есть, она так считала... письма и денежные переводы поступать прекратили. Она обратилась куда-то... я не уточнял, маленький был тогда... и ей ответили: дескать, сведений не имеем. Она и решила: всё, арестовали и спрятали! А что можно было предположить в те времена? Когда люди без следа исчезали? Но... странно всё это, – вздохнул Марципанов-внук. – Будто инопланетяне его похитили...

– Да бросьте, – широко улыбнулся гэбист. – Всё гораздо проще и, увы, реалистичнее. Драпанул ваш дедушка из органов, когда разборки послесталинские начались. Выправил себе документы – при его чинах и связях с... хм-м... спецконтингентом это нетрудно было. А личное дело бывшего полковника Марципанова завалилось куда-нибудь за шкаф кабинета кадровой службы и пылится там до сих пор. Но... – посуровел фээсбэшник, – это моё сугубо личное мнение. И, разумеется, неофициальное. А официально я вам заявляю, что поиски вашего дедушки, полковника Марципанова, нами будут продолжены. Об их результатах мы вам сообщим дополнительно.

Поняв, что разговор окончен, Эдуард Аркадьевич встал, попрощался и, сопровождаемый к выходу всё тем же сотрудником, с облегчением покинул страшные застенки сурового ведомства.

3

Сказать, что правозащитник Марципанов был в шоке от услышанного в управлении ФСБ, – значит не сказать ничего. Он был раздавлен, уничтожен, стёрт с лица земли. Вся его жизнь, вся карьера, выстроенная с перестроечных ещё митингов, на которых он клеймил сталинский режим коммунофашистов, гулаговцев и их наследников, пошла под откос при улыбочивом содействии седого чекиста.

Одно дело – быть потомком безвинно репрессированного командира Красной Армии. Да-да, пусть Красной, это не возбраняется, это даже лучше, чем белой, потому что комиссары в пыльных шлемах, по большому счёту, несмотря на все перегибы, свергли-таки проклятую тысячелетнюю империю – тюрьму народов. Родством с комиссарами кичатся до сих пор многие признанные либерал-демократы России. И совсем другое – оказаться внуком сталинского опричника, тюремщика. И фээсбэшник не зря улыбался ему по-свойски. Дескать, мы с вами почти родные через дедушку-то – из одного гнезда птицы, одного, стал быть, полёта...

Чекист-то ладно – о чём узнает, наверняка по чекистской привычке своей промолчит. А если свои, единомышленники, дознаются? Прощай тогда правозащитная деятельность, гранты, стипендии, зарплата в конвертах в твёрдой валюте... Ужас!

От расстройства Эдуард Аркадьевич даже не заглянул, несмотря на полуденное время, в излюбленный рестораник, где обедал обыкновенно, а поспешил в офис.

– Ч-чёрт! – вскрикнул он, едва переступив порог, вспомнив внезапно о разосланных имэйлах. То, что его не арестовали, а отпустили с миром, только усугубит подозрение соратников. В их глазах он может выглядеть предателем, купившим свободу ценою сдачи товарищей!

Опять оглушающее зазвонил телефон.

«Господи! – взмолился про себя правозащитник. – Ну дайте же хотя бы собраться с мыслями!»

И трубку снимать не стал. Однако после короткого перерыва аппарат опять заверещал – злобно и требовательно. В унисон ему тотчас же зазудел мобильник в кармане.

«Со всех сторон обложили!» – возмущённо подумал Марципанов. И в сердцах, брякнув трубкой стационарного телефона, схватился за сотовый:

– Да?!

– Эдуард Аркадьевич! – обиженно-запалённо выдохнул ему в ухо звонивший. – Ну наконец-то! Куда вы подевались?

– Я... тут, – растерянно подтвердил Марципанов, узнав по голосу коллегу-правозащитника профессора-социолога Павла Терентьевича Соколовского.

– Какое горе! Какая утрата! – воскликнул тот. – Дед был выдающейся личностью! Какого человека потеряли!

– Э-э... да как вам сказать... Не то, чтобы совсем уж потеряли, продолжают искать... И насчёт того, что он был выдающимся... – принялся отрешиваться от сомнительных заслуг дедушки-душегуба Эдуард Аркадьевич. – Совсем даже наоборот... – А сам соображал судорожно, какая сволочь стуканула о нежелательном родственнике коллеге-правозащитнику и с чего это Соколовский сталинского опричника выдающейся личностью называет. И поспешил отмежеваться: – Я ж, Павел Терентьевич, его и не знал совсем. Так, слышал краем уха...

– Как?! – возмутился профессор. – Вы же, можно сказать, его любимый ученик и преемник! Вы ему как внук были!

– Я-а?! – захлебнулся от негодования Марципанов. – Да боже меня упаси! Да он для меня – тьфу, этот дедушка! Пустое место! Да я, если хотите, первым приду на его могилу и плюну!

В трубке обморочно ахнули, а потом собеседник просипел сдавленно:

– Да... Да как вы смеете... Иннокентий Наумович... Академик... Мировая величина... Совесть нации... А вы? На могилу его плевать?!

Только сейчас Эдуард Аркадьевич начал соображать, что, находясь под впечатлением визита в ФСБ, совершил непростительную, кошмарную ошибку. И профессор Соколовский, говоря о постигшей их утрате, имел в виду вовсе не его, Марципанова, дедушку. А бывшего узника сталинских лагерей, знамени, можно сказать, местных правозащитников, восьмидесятилетнего академика, заслуженного деятеля науки, лауреата Ленинской, Государственной... и прочая, прочая, прочая премий... Иннокентия Наумовича Великанова, прозванного среди своих Дедом.

– Да я... – хрипел яростно в трубку профессор, – я прерываю с вами все отношения. Вы... вы больше не рукопожабелны! Я вас из всех списков грантополучателей повычёркиваю! Вы теперь для нас, правозащитников, персона нон гранта... то есть грата...

– Пойдите! – взмолился, покрывшись холодным потом, Марципанов. – Разлюбезный Павел мой Терентьевич! Вы меня... То есть я вас не так понял. Вы же о каком дедушке говорили? Об Иннокентии Наумыче! А я не об Иннокентии Наумыче. Я о другом, о своём дедушке говорил. Иннокентий Наумыч – это действительно такая утрата! А я о своём дедушке. Это я ему, гаду, на могилу плюнуть хочу!

– Своему дедушке? – опять изумился профессор. – Вы в своём уме?

– Конечно, в своём, – потея, орал в трубку Эдуард Аркадьевич. – А дедушка этот не мой. То есть мой, но я его как бы и не знал. А Иннокентия Наумыча я знал, я его очень даже уважаю. Я перед ним преклоняюсь! Как он? Здоров ли?

– Да умер он, умер! Два часа назад! – прокричал в трубку Соколовский. – Такое горе свалилось на нас, а вы мне ахинею какую-то про плевки на могилы несёте!

– Ох, извините, Павел Терентьевич! – лепетал обескуражено Марципанов. – Тут такое совпадение, такая путаница... Оказывается, ещё и другой дедушка умер, нехороший. Это я про его могилу, что плюну, сказал...

– На могилы плевать вообще нехорошо, – строго прервал его профессор. – Какой-то вы... странный сегодня. Может, выпили лишнего? Или съели чего? И что это, кстати, за история такая с вашим арестом? Мы имэйл получили, переполошились все...

– Это провокация спецслужб, – нашёлся Эдуард Аркадьевич. – Пытаются запугать. Но у них ничего не выйдет. Не на того, понимаешь, напали!

– Странно... – всё ещё сомневался профессор.

– Болею я, – признался Марципанов. – Голова разламывается, сердце барахлит. Сгораю, можно сказать, на правозащитной работе.

– Примите лекарство, – сурово посоветовал Соколовский, – и приезжайте сейчас же на квартиру академика Великанова. Здесь все наши как раз по скорбному поводу собрались. Речь идёт об исполнении святой для всех нас, его единомышленников, последней воли покойного.

4

Квартира академика Иннокентия Наумовича Великанова располагалась в приземистом трёхэтажном доме сталинской застройки, украшенном свойственными той поре архитектурных излишеств алебастровыми серпами, молотами, кистями винограда и колосьями пшеницы по грязному, закопчённому автомобильными выхлопами фронту.

У подъезда Эдуард Аркадьевич увидел группу людей, чем-то неуловимо похожих друг на друга – бородками клинышком, строгим блеском очков, затрапезной одежкой, обшарпанными портфелями, а главное – печальным выражением лиц. Официальная церемония прощания была назначена лишь на завтра, а потому сейчас здесь собрались только свои, соратники покойного по правозащитному движению, а их жизнь в последние годы не баловала. Стипендий и грантов, увы, на всех желающих не хватало.

От понурой группы единомышленников отделился профессор Соколовский и протянул руку Марципанову. Тот подобострастно стиснул ему ладонь и, ликуя, что сохранил рукопожатность, немедленно принял подобающий случаю удручённый вид, стиснул горестно губы, склонил голову и обошёл всех присутствующих, здороваясь и бормоча:

– Какая утрата, господи!

Замученному режимом академику принадлежала роскошная шестикомнатная квартира на втором этаже, уставленная антикварной мебелью из дерева ценных пород, с резными вензелями, а стен не видно было из-за сплошной череды книжных стеллажей, ковров ручной работы и картин в золочёных багетах и фотографий, забранных для сохранности в стекло и рамку. Марципанов бывал здесь не раз.

Весомая доля книг в библиотеке Великанова принадлежала его плодовитому перу, на большинстве полотен красовалось его изображение, выполненное известными и не очень живописцами, на всех фотографиях тоже он: то в гордом одиночестве, то в компании с отечественными и зарубежными знаменитостями.

На особо почётном месте, в специально изготовлённом футляре, висела зековская роба – куртка, штаны, кепка мышинного цвета с поперечными белыми полосками, с биркой-номером на нагрудном кармане. В этой униформе якобы освободился из лагеря Великанов в 1946 году. Якобы – потому что той робы не сохранилось, а эту Эдуард Аркадьевич выпросил лет пятнадцать назад у администрации вполне современной колонии особо режима и подарил, к вящей его радости, престарелому академику.

Несмотря на то, что Великанов причислял себя к вольнодумцам, находившимся в вечной опале у властей – и советских, и нынешних, – он был кавалером и лауреатом всех существовавших в СССР, а затем и постсоветской России, званий и наград.

Его первая научная работа, написанная в 1960 году, сразу же привлекла внимание общественности. В ней он доказывал, что превращению обезьяны в человека способствовал не индивидуальный, а коллективный труд. В дальнейшем он продолжил творчески развивать учение классиков марксизма-ленинизма, написав монографию, ставшую вскоре учебным пособием для всех медицинских вузов страны под названием «Трудотерапия при заболевании внутренних органов человека». После исторического двадцатого съезда КПСС дела Великанова, отсидевшего в молодости в лагерях, и реабилитированного вчистую, и вовсе стремительно пошли в гору. Он возглавил НИИ гигиены и промышленной санитарии, занимался вопросами экологии, получив за научные достижения Государственную, а затем Ленинскую премии, а в годы перестройки удостоился звания Героя Социалистического Труда.

В 1991 году, будучи уже в почтенном возрасте и натерпевшись от советской власти, академик горячо поддержал реформы, возглавив местное отделение «зелёных». А заодно, как бывший узник сталинских лагерей, активно работал в обществе «Мемориал», правозащитном дви-

женин. Тогда же вышла его монументальная книга, переведённая на многие языки и ставшая мировым бестселлером и даже номинировавшаяся на Нобелевскую премию «Коммунистическая Россия. История семидесятилетнего рабства». В ней он, между прочим, с возмущением развенчал и такое направление советской медицины, как трудотерапия, назвав безнравственным использование труда, пусть и на лёгких работах, больных людей...

Потолкавшись в прихожей, ученики и единомышленники выразили соболезнование вдове покойного – тридцатилетней бабёнке, набросившей по случаю траура на плечи и вулканический бюст чёрный платок. Академик, несмотря на тяжёлую, полную лишений и преследований жизнь, слыл отчаянным ловеласом, сочетавшимся в последний, пятый раз законным браком с молоденькой секретаршей, будучи уже восьмидесяти лет от роду.

Безутешная вдова, особенно плотно прижавшись роскошным бюстом к другу семьи Эдуарду Аркадьевичу, пригласила всех в рабочий кабинет академика.

– Здесь всё осталось так, как было при нём, – глубоко вздохнула грудью она. – Иннокентий Наумович накануне много писал, прилёг отдохнуть и... – в обессиленном отчаянье взмахнула она пухлой рукой. – Я не подходила к его столу. Когда-нибудь мы откроем здесь музей академика Великанова. Пусть потомки наглядно видят, как жил и трудился этот великий гуманист...

Войдя в кабинет первым и окинув письменный стол взором, профессор Соколовский сразу же убрал с глаз потомков долой лежащую на виду пачку глянцевого журналов с обнажёнными красотками на обложках, прихватив заодно и незаметно сунув в карман початую баночку «Виагры». Всё остальное – стопки книг с торчащими закладками, кипы газетных вырезок, картонные папки с рукописями – вполне соответствовало образу великого гуманиста и учёного с мировым именем.

Присутствующие чинно расселись на старомодном кожаном диване, креслах и думках с витыми, как у Ксюши Собчак, ножками. Соколовский на правах старшего патрона занял место за хозяйским столом.

– Для организации похорон Иннокентия Наумовича создана комиссия, состоящая из ответственных лиц краевого правительства, научной общественности, – начал профессор. – Комиссия возьмёт на себя организацию всех траурных мероприятий, связанных с церемонией прощания и похорон. Тело академика Великанова сейчас находится в бюро судебно-медицинской экспертизы. Оттуда его сегодня вечером перевезут в актовомый зал медакадемии. Доступ к телу начнётся завтра с десяти часов утра. Затем покойного отпоют в Никольском соборе, а после панихиды кремируют...

Вдова громко всхлинула, прижав кружевной платочек к глазам.

– Но мы с вами, друзья, ученики и единомышленники, собрались сегодня, накануне этого печального для всего края... да что там края, всей России и, не побоюсь впасть в преувеличение, горестного для всего цивилизованного человечества, события, с тем, чтобы ознакомиться с последней волей покойного...

Соколовский открыл бывший при нём пузатый портфель и, покопавшись там, извлёк тонкую полиэтиленовую папочку. Торжественно положив её перед собой, профессор продолжил:

– Приступая к оглашению последней просьбы Иннокентия Наумовича к нам, его соратникам, я не буду говорить и напоминать вам о том, какой светлой личностью, каким, я бы сказал, матёрым человецищем был академик Великанов. Его выдающийся вклад в российскую и мировую науку трудно переоценить. Огромное, непоправимое горе свалилось на нас, друзья, – Соколовский тяжёло вздохнул и пристально посмотрел на Марципанова. Тот закивал торопливо и принялся яростно тереть лоб и щурить глаза, будто бы сдерживая набежавшие слёзы. – М-мда... – продолжил, словно удовлетворившись реакцией Эдуарда Аркадьевича, профессор. – Мы ещё скажем нашему другу и учителю тёплые слова прощанья. Но некоторым из нас предстоит выполнить ещё и нелёгкую и в то же время особо почётную миссию.

Согласно воле академика Великанова, изложенной некоторое время назад, словно в предчувствии скорой кончины, в личном письме в мой адрес, – Соколовский поднял и продемонстрировал собравшимся прозрачную папочку с кривыми строчками рукописного текста, – после кремации прах Иннокентия Наумовича должен быть развеян над тем местом, где он безвинно страдал долгие годы. Откуда ему посчастливилось вернуться живым, но где остались лежать в лесах и болотах тысячи и тысячи наших сограждан!

– И где это место? – поинтересовался вполголоса кто-то.

Соколовский укоризненно покачал головой:

– Странно слышать из ваших уст такие вопросы, коллега. Конечно же, академик Великанов завещал развеять его прах над лагерем, где отбыл пять лет. Находился этот лагерь в Острожском районе нашего края. Места там глухие, таёжные. Много непроходимых болот...

– А как мы узнаем точно, где располагался этот островок ГУЛАГа? – поинтересовался Новохатько, подающий надежды студент.

– У меня есть более или менее точные координаты, – успокоил его профессор. – Но путь предстоит не близкий. От краевого центра до Острожска по автомобильной дороге триста километров. Потом от райцентра ещё двести километров на север по тайге и болотам. Поэтому тем, кто будет исполнять последнюю волю Иннокентия Наумовича, потребуется немало личного мужества и физических сил. Хотя, конечно, эта миссия, которую я сам намереваюсь возглавить, не идёт ни в какое сравнение с испытаниями, выпавшими на долю академика, преодолевшего шестьдесят лет назад эти расстояния в кандалах, под конвоем... Финансовую сторону экспедиции берёт на себя известный в крае меценат, во многом разделяющий наши либеральные убеждения, Артур Семёнович Переяславский. Он предоставляет в наше распоряжение автомобиль, оплатит расходы за аренду вертолёт у МЧС. – Соколовский задумчиво осмотрел собравшихся и остановил взгляд на Марципанове. – А теперь мне нужны добровольцы. Трёх человек будет вполне достаточно.

«Вот гад! – подумал с досадой Эдуард Аркадьевич, которому вовсе не улыбалось тащиться к чертям на кулички, в тайгу. – Попробуй откажись – сразу внесёт в кондуит. И прощай тихая и сытая жизнь...» А потом попенял покойному академику: «И этот старый хрен тоже... Не может даже после смерти обойтись без дешёвых понтов». А вслух сказал, подняв руку:

– Почту за честь принять участие в этой действительно важной и почётной миссии, имеющей чрезвычайно большое общественное значение. Прошу считать меня добровольцем!

5

Марципанов хорошо знал местного олигарха Переяславского. Несколько раз бывал у него на личном приёме, выпрашивая какие-то деньги на правозащитную деятельность. Тот хотя и не отказывал, щедростью особой не отличался. А в последние годы и вовсе до минимума сократил контакты с местными либералами, освоив, как и большинство региональной элиты, патриотическую, державную риторику. Однако в этот раз на просьбу правозащитников откликнулся, прислал старенький джип «Лендровер», багажник которого был забит провизией на дальнюю дорогу, включая звенящий глухо ящик водки – для того, чтобы помянуть после выполнения миссии усопшего по русской традиции.

На следующий день после гражданской панихиды, бережно упрятав металлическую урну с прахом академика в дорожную сумку, группа соратников покойного выехала в Острожский район.

Соколовский на правах руководителя экспедиции расположился комфортно впереди, рядом с водителем. Эдуард Аркадьевич трясся на заднем сиденье, зажатый с двух сторон коллегами-добровольцами, тучным краеведом Семагиным и подающим надежды студентом юрфака Новохатько. Джип, хотя и оказался просторнее продукции отечественного автопрома, всё-таки был тесноват для троих, а с учетом разбитых дорог трёхсоткилометровый путь казался пассажирам и вовсе невыносимым.

Семагин считался знатоком здешних мест. Долгие годы главной темой его изысканий была война красных героев-партизан против войск Колчака в гражданскую. Затем, в пост-перестроечный период, он усиленно разыскивал уже факты террора красноармейцев против местного населения. И наконец, оседлав конька, поскакал по территории архипелага ГУЛАГ, изучая места расположения бывших сталинских лагерей и собирая свидетельства выживших жертв кровавого коммунистического режима. Студента-правоведа Олега Новохатько прихватили с собой как расторопного малого, незаменимого для мелких поручений в дальней экспедиции.

В дороге краевед развлекал попутчиков, посвящая их в тонкости структуры карательных органов эпохи сталинизма, которую знал досконально.

– Это была мощная, хорошо отлаженная машина, – увлечённо рассказывал он. – В составе НКВД СССР находились главные управления государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и административно-хозяйственные службы. С 5 ноября 1934 года при наркомвнутри дел СССР было организовано Особое совещание...

– Да уж, поизмывались над собственным народом, – поддакнул Марципанов и, вспомнив о собственном дедушке, с негодованием воскликнул: – И что за нелюди на работу в эту систему шли!

– Обыкновенные, – повёл плечами краевед, – лучшие представители рабочих и крестьян. Существовала, например, школа по подготовке оперативного состава для исправительно-трудовых лагерей с шестимесячным сроком обучения. Направляли туда на учёбу только коммунистов и комсомольцев. Набор курсантов – по 300 человек, производился два раза в год, выпускникам присваивали спецзвания государственной безопасности. Но квалифицированных тюремщиков катастрофически не хватало. Ведь в системе ГУЛАГа перед Великой Отечественной войной было 425 исправительно-трудовых колоний и 53 исправительно-трудовых лагеря, не считая срочных и следственных тюрем. Звания у энкавэдэшников по значимости были выше армейских. Например, старший лейтенант госбезопасности соответствовал воинскому званию майора, капитан – полковнику, майор госбезопасности – комбригу. К генералам приравнялись спецзвания комиссар безопасности первого, второго и третьего рангов. Ягода,

Ежов и Берия носили звание «генеральный комиссар госбезопасности». Не хухры-мухры! Мне, например, фронтовики рассказывали, что сержант госбезопасности мог запросто войскового офицера построить. А когда какая-нибудь секретарша – младший лейтенант ГБ из штаба СМЕРШа шла, ей командиры полков честь отдавали. Вот вы, Эдуард Аркадьевич, представьте: идёте вы по улице в мундире, фуражка у вас с синим верхом, и все проходящие мимо перед вами по струнке вытягиваются. И любого из них вы, в принципе, можете стереть в порошок, уничтожить...

– Почему я? – взвился, как ужаленный, Марципанов. – За кого вы, чёрт возьми, меня принимаете!

– Да я так, к примеру, – хохотнул краевед. – К тому, что соблазн податься в сотрудники НКВД у простых смертных был велик. Был, понимаешь, никем, а форму напялил, и сразу стал всем!

– Вы свои примеры, пожалуйста, на ком-нибудь другом приводите, – обиженно поджал губы Эдуард Аркадьевич. – Есть вещи абсолютно несовместимые. Например, мои демократические убеждения и служение тоталитарным режимам!

– А я бы запросто согласился! – подал вдруг голос до того молчавший водитель джипа – молодой ещё, лет тридцати, мужчина. – Это ведь во все времена было: либо ты хозяин, либо холоп. Сейчас, чтобы наверх вылезти, бабки нужны. Или связи, образование. А тогда достаточно было на службу в органы поступить – и ты в дамках. И все тебя боятся! Это, пожалуй, покруче, чем нынче в самых больших богатеях ходить или депутатах Госдумы.

– Вот-вот! – назидательно поднял палец Марципанов. – Благодаря таким, как вы... Я хочу сказать, таким взглядам... опасность возврата нашей страны к тоталитаризму, репрессиям, ещё сохраняется!

– Оставьте бессмысленный спор, друзья, – вступился на правах старшего Соколовский. – Для того мы с вами, правозащитники, и работаем, не покладая рук, чтобы не повторилось проклятое прошлое.

– Ага, – хмыкнул, остервенело крутя баранку, водитель, – и чтобы тех, кто общенародную собственность спёр, за жопу не взяли!

Не считая возможным для себя вступать в полемику с простым шофёром, профессор отвернулся и стал смотреть на таёжный пейзаж, развернувшийся на обочине трассы. Между тем шоссе закончилось, машина съехала на грейдер и под щелчки по днищу летящей из-под колёс щебёнки через час изматывающей душу езды по ухабам, остановилась на окраине Острожка.

Здесь возле двухэтажного бревенчатого сруба пожарного депо располагалась расчищенная от леса и присыпанная всё тем же гравием вертолётная площадка.

Огнеборцы встретили правозащитников приветливо. Необычный заказ – смотаться на вертолёте в Гиблую падь и развеять над ней по ветру прах какого-то бедолаги – не смутил пожарных. Как только не чуют нынешние состоятельные клиенты, способные заплатить несколько тысяч долларов за полёт! Одни на лыжах с вертолёта на склоны сопки сигают, другие на медвежью охоту в тайгу забираются, третьи на лету по волкам в тундре палят (или в заповедных горах по архарам) – чем бы дитя, как говорится, не тешилось... Зато такими вояжами огненных дел мастера деньги на содержание винтокрылой машины зарабатывали, и самим магарыч ещё оставался.

– Только вот закавыка, – объяснил правозащитникам майор в форме спасателя, – вертолёт улетел на дальний кордон два часа назад. Там очаг возгорания обнаружен. Он пожарный десант для тушения высадит и часа через три вернётся. И сразу вас на борт возьмёт. До Гиблой пади примерно час лёта. А если по тайге, то и за неделю не дойдёшь. – Видя, что гости приуныли, пожарный приободрил их: – Ничего, до темноты обернётесь. А пока, чтоб не скучать,

давайте к речке спустимся, ущицу там сварганим. Ребята такого тайменя выудили – пальчики оближешь!

В сопровождении майора гости прошествовали на берег реки, громко восхищаясь красотами открывшегося им за грядой сосен и густого подлеска пейзажа.

Сразу за крутым противоположным берегом неширокой, но быстрой реки начиналась тайга. Подрытый стремительным течением песчаный обрыв осыпался, валя вековые деревья зелёными макушками в воду, но на смену им из сумрачной чащи, светясь янтарными стволами, вставали другие исполины. Словно солдаты огромной и сильной армии, грудью защищали они, не обращая внимания на потери, заветный, неприступный для стороннего человека рубеж. А ещё дальше, смыкаясь с небом, синели скалисты горы.

– Хорошо, что полетим, а не пёхом пойдём, – поёжился, кожей ощущая суровый сумрак таёжной чащи Марципанов. – Там небось и медведи есть...

– И медведь есть, и другой всякий зверь, – поддакнул ему пожарный. – А только в тайге не зверя, человека бояться нужно... Хотя вам и вовсе ничего не грозит. Долетите, куда надо, как на фуникулёре, красотами нашими из-под небес полюбуетесь... А пока прошу вас отобеждать чем бог послал. Жаль только, водочки нету...

– Не проблема, – солидно, поправив на переносице очки, изрёк Соколовский и кивнул студенту: – Слетайте-ка, голубчик, к машине, и принесите сумки с припасами. Да спиртное не забудьте. Справим, так сказать, скорбную тризну по Иннокентию Наумовичу, как наши пращуры нам завещали...

Пожарный майор продемонстрировал радушно своё хозяйство:

– Это у нас вроде как полевой стан. Зарплатой наших бойцов особо не балуют, так что в карауле находимся на подножном корму. Рыбкой питаемся, иногда дичь перепадает. Всё дешевле, чем в сельмаге. Да и продукты там – та же колбаса, к примеру, сплошной импорт. Целлюлоза, генетически измененная соя, буйволятина аргентинская. А здесь всё своё, родное, экологически чистое, – самодовольно похлопал он себя по возвращенному на местной снеди зримо выпирающему животу. – Счас ущицу сварганим, вода уже закипает.

Здесь же, на песчаной береговой отмели, под навесом была обустроена столовая с закопчённым очагом из дикого камня, над которым булькала в ведёрном котле вода, со столом из оструганных неровно досок, с горкой разнокалиберных металлических мисок и эмалированных кружек, с длинными лавками с двух сторон.

Хозяинчавший здесь же боец в линиялом камуфляже шмякнул на стол огромную, не меньше метра длиной, пузатую рыбину – очищенную и выпотрошенную, принялся пластать её острым ножом вдоль хребта.

Подоспевший с баулами студент был тут же пристроен чистить картошку, а Эдуард Аркадьевич с краеведом стали распаковывать прихваченные с собой бутылки и снедь.

Через полчаса гости во главе с пожарным майором расселись вокруг стола.

– Ну, господа, – взяв в руку кружку с отбитой эмалью, поднялся профессор, – предлагаю почтить память незабвенного и дорогого учителя нашего Иннокентия Наумовича. Пусть эта суровая таёжная земля будет ему пухом...

Все выпили, не чокаясь, только майор, закусив водку ломтиком ветчины, поинтересовался:

– Я извиняюсь, конечно... А только Иннокентий Наумыч – он кто будет?

– Совесть нации! – сурово отрезал Соколовский, берясь за бутылку и наливая всем ещё по одной, а майор смущённо пробормотал:

– Ну да, конечно! Как же! Знаем такого...

Потом были ещё тосты, проникнутые светлыми чувствами к покинувшему этот мир академику, даже пожарный сказал несколько добрых слов в адрес покойного и его верных друзей, не побоявшихся отправиться в глухую тайгу для исполнения последней воли усопшего.

И когда студент Новохатько принялся расставлять перед каждым участником застолья миски с наваристой, исходящей паром, янтарной от жира ухой, все были уже пьяны в зюзю.

Опять выпили, а потом начали шумно хлебать юшку деревянными ложками.

– Эх, есть в этих краях особая, первозданная прелесть, – подняв покрасневшее лицо и вытирая рукавом пиджака пот со лба, заявил захмелевший заметно Соколовский. – Тайга, пища, приготовленная на костре... Ради таких вот мгновений едения... единения, тот есть, с природой и следует, др-р-рузья мои, жить! Т-только соли в ухе, на мой взгляд, маловато, – неожиданно заключил он.

Новохатько угодливо метнулся к сумкам с припасами, принёс баночку, высыпал её содержимое в пустую миску и поставил в центр стола.

– Я уж вроде уху солил, солил, почти всю баночку израсходовал. Вот, осталось чуток, – виновато пояснил он.

Все принялись дружно подсаливать пищу.

Профессор тоже сыпанул горсть, поболтал в миске ложкой, хлебнул, поперхнулся, и лицо его пошло крапивными пятнами.

– Эт... что за соль, совсем, понимаешь, не солёная... – а потом вдруг впился взглядом в студента. – Эт... эт что у тебя?

– Б-баночка... с солью... – растерянно показал металлическую посудину Новохатько.

Эдуард Аркадьевич уставился остоленело на урну с прахом в руках студента.

– Бэ-э-э, – сунув голову под стол и подрагивая плечами, заблеял больше всех нажимавший на уху тучный краевед. – Бэ-э-э...

Соколовский встал из-за стола и прошептал помертвевшими губами:

– Эт... что же, друзья, получается? Получается, что мы прах Иннокентия Наумыча как бы... съели?

– Не как бы, а сожрали, – мрачно подтвердил Марципанов. – Самым натуральным образом слопали. С рыбой, пшёнкой и картошкой...

6

– Да не расстраивайтесь вы так, – успокаивал побледневших и несколько протрезвевших после дружной рвоты правозащитников пожарный майор. – В тайге всякое бывает! Вот раньше, рассказывают, каторжные в побег как уходили? Обязательно группой, трое-четверо. И молодого с собой, неопытного прихватывали. Его «коровой» на блатном жаргоне звали. Шли по тайге долго, вокруг ни жилья, ни пропитания. Харчи заканчивались, тут очередь молодого и наступала. Он вроде консервов был, которые к тому же сами шли, не надо было нести. Ну и забивали его в критический момент. А потом им кормились в дороге. Человечинка-то, говорят, сла-а-адкая... Вроде свининки. А вы что съели? Головёшки, по сути, пепел один!

– Бэ-э-э... – ответил ему чувствительный краевед, а Соколовский всплеснул руками:

– Ах, оставьте, пожалуйста, эти дикие истории... Произошла нелепая, трагическая ошибка!

– И что мы, интересно, теперь над тайгой развеивать будем? – не без злорадства, мстя за недавний испуг свой и обещание профессора вычеркнуть его из списков грантополучателей, усугубил печаль правозащитников Марципанов.

В это время с неба донёсся всё возрастающий рокот лопастей вертолётa.

– Ну, это дело вполне поправимое, – обнадёжил закалённый в житейских передрыгах майор. – Дай-ка, – взял он из трясущихся рук студента пустую урну. – Принеси соли! – бросил подручному. И когда пожарный боец, метнувшись к походной кухне, вернулся с йодированной поваренной солью в полиэтиленовом мешке, щедро сыпанул в траурную посудину с полкило. – Держи, – прикрыв урну крышкой, он вручил её Новохатько. – Развеете, где надо, и вся недолга!

– Действительно! – расцвела молодая правозащитная поросль. – И с юридической точки зрения безукоризненно. Ведь прах Иннокентия Наумовича всё равно попадёт в пространство над лагерем. Он облетит его с нашей помощью. То есть, будучи внутри нас... наших желудков!

– Бэ-э-э... – подтвердил его слова краевед.

– Да замолчите вы! – сверкнул на студента очами профессор. – Трагедия произошла из-за вашей невнимательности и расхлябанности! Уму непостижимо – перепутать урну с прахом и банку с солью!

– Так они обе, э-э... такие... железные, – краснея от стыда, оправдывался Новохатько.

Тем временем вертолёт приземлился поодаль, вздув клубы пыли, мелкого щебня и палой хвои.

– Карета подана! – весело кивнул в сторону винтокрылой машины пожарный. – Прошу вернуться к столу. Как говорилось в старину, стремянную стопочку на дорожку выпить сам бог велел. Без этого нельзя – удачи не будет.

И щедро набурobil каждому по полкружки водки. А подручный боец принёс огромную миску красной икры и нарезанный ломтями янтарно-прозрачный, сочащийся жиром балык на фанерной дощечке.

Правозащитники послушно выпили и споро заработали ложками и челюстями, черпая деликатес. Потом опять повторили, дружно подняв наполненные майором кружки. Досадный инцидент с прахом академика забылся, и ещё через четверть часа, нетвёрдо ступая, траурная процессия направилась к вертолёту. Впереди шествовал, бережно сжимая урну в руках, преисполненный важности доверенной ему миссии профессор.

Взлетели гладко, и тучный краевед, ожив, прилип носом к иллюминатору, бесстрашно взирая на рухнувшую стремительно вниз речку, кроны деревьев, а потом затянул неожиданным для его внушительной комплекции фальцетом:

– Под крылом самолётa о чём-то поёт...

– Зелёное море тайги! – с энтузиазмом подхватил Марципанов.

Профессор Соколовский, мешком сидящий на дюралевой лавке, сжимая одной рукой урну, а другой беспрестанно поправляя очки, пристыдил их, перекликая шум винтов:

– Коллеги, послушайте меня! Не ко времени песни!

Правозащитники сконфуженно притихли. Однако руководитель экспедиции тут же сам нарушил молчание:

– В принципе, друзья, майор прав. В том, что произошло... Ик... я вижу глубокий... ик... сакральный смысл. В древности у первобытных людей существовал ритуал поедания тела погибшего вождя племени с тем, чтобы таким образом усвоить его силу, храбрость, ум наконец...

– Это не майор, это я сказал! – поспешил восстановить авторский приоритет студент. – А вы на меня ругались... Между тем в таком обычае, если хотите, заключается величайший философский смысл. Старое, отжившее, питает своими останками молодое, растущее, перспективное... Круговорот веществ в природе!

– Я вас, юноша, своими останками питать не намерен! – вскинулся обиженно тучный краевед. – Ишь, какой молодой да ранний! Меня многие сожрать пытались, да подавились!

– Я ж... я ж в переносном смысле, – жалко оправдывался студент. – Вы, ветераны, питаете нас, молодых, своими знаниями, опытом. Вот и покойный академик...

– Друзья! Коллеги! – прервал двусмысленную дискуссию Соколовский. – Близится торжественная и скорбная минута прощания...

– Так я, эта... с собой захватил, – извлёк из портфеля бутылку водки и эмалированную кружку юный юрист.

– По этому поводу можно, – печально поджав губы, согласился профессор.

Опять выпили, не закусывая. Пилот в вертолёт, безучастно смотревший перед собой, обернулся вдруг и указал большим пальцем вниз:

– Гиблая падь! Сделаю круг – и домой!

Все припали к иллюминаторам. Под стрекочущей надсадно машиной расстилалась зелёным ковром тайга с редкими проплешинами болот и вздымающимися то тут, то там волнами сопок.

– Опуститесь пониже, пожалуйста! – крикнул Соколовский пилоту. – Мы отдадим нашему другу и учителю наш последний долг...

– Садиться не могу! – проорал в ответ пилот. – Там сплошной бурелом, болота. Зависну на пару минут, а вы дверь осторожнее открывайте, да смотрите не вывалитесь!

Профессор встал, держа перед собой урну. Все пассажиры вертолета тоже поднялись со своих мест, застыли, склонив головы, преисполненные осознанием торжественности момента.

– Друзья! Коллеги! Единомышленники! – с чувством произнёс Соколовский. – Сегодня мы с вами, исполняя волю покойного академика Великанова, который был, не боюсь преувеличения, умом, честью и совестью нашей эпохи, возвращаем его прах земле. Той земле, на которой на его долю выпали безмерные страдания, земле, в которой нашли свой последний приют тысячи его товарищей, ставших жертвой кровавого деспотического режима. Им не удалось дожить до светлого дня свободы. А нам, друзья, удалось. Во многом благодаря их несгибаемой стойкости и героизму, ставших для нас примером мужественной борьбы за правое дело... – Профессор приподнял очки, утёр набежавшие слёзы рукавом. – Почётную обязанность развеять прах Иннокения Наумовича Великанова мы поручаем его ближайшему сподвижнику и ученику Эдуарду Аркадьевичу Марципанову. Пусть будет пухом нашему великому современнику эта суровая и негостеприимная земля Гиблой пади! Прошу вас, Эдуард Аркадьевич!

Соколовский передал урну Марципанову. Тот кивнул с достоинством и благодарностью, принял металлический сосуд, осторожно снял крышку и, повертев её в руках, сунул себе в карман. Потом шагнул к двери, потянул ручку, распахнул резко. В тёплое, обжитое нутро вер-

толёта с грохотом двигателя ворвался плотный поток спрессованного винтами воздуха, толкнул правозащитника в грудь. Держась левой рукой за дюралевый поручень у дверцы, Эдуард Аркадьевич, подавшись вперёд и преодолевая сопротивление ветра, сыпанул содержимое урны за борт.

Отброшенная назад вихрем воздуха мелкая взвесь соли мгновенно тысячей иголок вонзилась ему в глаза. Взвизгнув от невыносимой рези, Марципанов рефлекторно отпустил поручень и прикрыл руками лицо. Потерял равновесие и ухнул, не успев понять, что с ним случилось, в открытую дверцу. Он летел, беспомощно кувыряясь в воздухе, навстречу ошестинившейся острыми верхушками сосен земле, которая приближалась стремительно и неотвратно.

Глава четвёртая

1

Капитан Фролов был бы плохим опером, если бы поверил до конца в искренность намерений попутчиков искать снежного человека, а не самородное золото. А потому смотрел на них настороженно, ружьё снимал с плеча лишь на привалах, держа поближе к себе, да и телогрейку на груди расстегнул с тем, чтобы можно было мгновенно добраться до пистолета. Перестав разыгрывать роль проводника, милиционер переместился в арьергард и замыкал шествие, одновременно присматривая за писателем и журналистом – вроде как бы конвоировал их.

Зато ловец тайн непознанного Студейкин чувствовал себя в тайге, как рыба в воде. Нет, он не был следопытом-практиком, его опыт путешественника ограничивался несколькими походами по туристским маршрутам края с ватагой таких же беззаботных горожан, с недолгими переходами, ночёвкой в палатке и песнями под гитару возле стреляющего в небо малиновыми искрами костра. Зато теоретических знаний о природе, а особенно о всякого рода аномальных явлениях, у него скопилось хоть отбавляй. И сейчас он рвался вперёд, легко шагал, неся своё щедрое тело и весомый рюкзак по пружинящему под ногой настилу из рыжей опавшей хвои, и вываливал на попутчиков всё новые и новые факты, подтверждающие существование реликтовых гоминоидов в здешних местах.

– А вот ещё был случай в соседнем, Нерчинском районе. Мне его известный уфолог Ананий Павлович Кузнецов рассказал. А сам он эту историю из первых уст слышал. От пасечника колхоза «Путь Ильича». Тот в восьмидесятые годы, в советские времена ещё, с ульями вдоль реки Устюжанки кочевал. Там в пойме липы тьма, целые леса липовые. Вот пчёлки в период цветения туда за медком и ныряли. Ну, на пасеке жизнь походная – палатка, костерок. Похлёбка в котле да картошечка, в углях печёная. Вот однажды вечером, темнело уже, пасечник, как обычно, в угольки костра догорающего несколько клубней бросил, а сам в палатке прилёг ждать, пока испечётся. Вдруг видит – из чащи леса вроде человек вышел. Роста огромного, в плечах широченный. Идёт как-то странно – вразвалку, косолапо. И руки у него длинные, словно обезьяньи, до колен свисают. И прямо к костру. Тут солнце совсем село, ночь навалилась. При свете угольев рассмотрел пасечник то чудо-юдо. По обличью вроде мужик, только весь голый и волосатый; морда сплошь шерстью заросшая, лоб низкий, нос плоский, как у боксёра, челюсть нижняя тяжёлая, вперёд выдаётся. Прямо неандерталец какой-то! Присел этот нелюдь у костра, и котелок с похлёбкой – цап! Хлебнул, а варево-то горячее, с огня только! Рыкнул он зверем, и посудину отшвырнул. Дед в палатке затаился ни жив ни мёртв. А мужик страхолюдный – к ней. Присел, полог откинул и внутрь смотрит. И глаза у него звериные, красные, в темноте светятся. Разглядел пасечника и зубы оскалил. Да не зубы, а клыки – длинные, острые, как у волка. И зарычал, будто тигр какой. Ну, думает пчеловод, смерть к нему пришла лютая. Да сообразил вдруг: хватить буханку хлеба из вещмешка, и зверюге протянул. Угощайся, говори, мил человек, чем богат, тем и рад. И помогло! Чудище хлеб схватило, жамкнуло клыками кусок, заурчало довольно, и вмиг исчезло, будто его и не было...

– Сказки всё это, – подал голос Фролов. – Если не врёт твой пасечник, бомж к нему в палатку наведалься, а тому в темноте и привиделось чёрт-те что! Да и нет никакого снежного человека. А если б и был, его бы давно изловили или подстрелили да науке представили.

Студейкин, уступив место первопроходца Богомолу, приотстал и зачастил рядом с милиционером, едва успевая уворачиваться от норовящих хлестнуть по лицу ветвей густого подлеска.

– Многие, как и вы, ошибочно полагают, что на планете нашей не осталось уже белых пятен, а животный мир досконально изучен. Но это не так! В мире каждый год то там, то здесь обнаруживают новые виды самых разных животных. И не каких-нибудь насекомых или глубоководных моллюсков, а даже приматов! Например, уже в наше время, двадцать лет назад, в высокогорных районах Тибета поймали четыре особи юаньской золотой обезьяны! Долгое время рассказы местных жителей об этом виде человекообразных учёные считали выдумкой, а теперь любой может увидеть их в Пекинском зоопарке.

– Я тоже здесь, в Гиблой пади, золотых обезьян отыскать хочу, – угрюмо отшучивался Фролов. – И по возможности изловить. Только сидеть они будут потом не в зоопарке, а в нашем обезьяннике, милицейском...

Богомоллов, не вступая в спор, шагал молча впереди, ориентируясь на угадывающееся справа русло реки, бегущей в попутном направлении на север, туда, где расстилалась бескрайним болотом Гиблая падь, и обдумывал сюжет романа, который он непременно напишет по итогам этого нелёгкого путешествия. Тем более что первая строчка эпохального произведения была уже отточена и готова. «Человек шёл по тайге напрямки, не разбирая дороги...»

А ельник тем временем становился всё гуще. Едва заметная тропка, пробитая таёжным зверьём, исчезла окончательно под толстым слоем гниющих, наверное, не одну сотню лет, хвои и мелких ветвей, обороненных высоченными елями, макушки которых шумели внятно где-то над головой, доставая невидимые здесь облака. То и дело путь перегораживали огромные, в три обхвата, стволы рухнувших от старости деревьев, переплетённых крепкими, как парашютные стропы, щупальцами дикого хмеля, или гигантские, величиною с деревенскую избу, обгорелые пни сражённых молнией дубов-исполинов.

Спотыкаясь о толстые и извитые, словно ползущие по земле чешуйчатые удавы, корни, отплёвываясь от гнуса, стеной стоящего в этой сумрачной глухомани, путники то обходили возведённые природой завалы, то перебирались через них, разрывая одежду и царапая руки об острые сучья, с тем, чтобы через несколько шагов наткнуться на следующие.

– Вот уж где не ступала нога человека, – бормотал остервенело Фролов, – а если и ступала, то обязательно ломалась в конце концов!

– Ноги берегите, – хмуро советовал ему писатель. – Из такого бурелома охромевшему человеку в жизнь не выбраться!

– На себе понесём. Как раненого с поля боя! – отшучивался Студейкин, и милиционер с писателем, глядя на его тшедушную фигурку, скептически хмыкали.

И когда уже совсем не осталось сил и казалось, что стеной стоящая перед путешественниками чаща поглотит их окончательно, растворит в себе, переварит без остатка, вытянув все жизненные соки жалами ненасытного гнуса и корневищами растений, и сгинут люди здесь без следа, когда даже неугомонный Студейкин, охваченный куражом первооткрывателя, сник, вековые сосны проредились вдруг. Стало светлее, начал встречаться тут и там сосновый молодняк, крупнолистный ольховник. А за очередной, обросшей бело-зеленой плесенью и голубым лишайником, валежиной вдруг открылась пронизанная солнечными лучами проплешина – поросшая сытой, изумрудно-зеленой приветливой травкой лесная полянка.

– Наконец-то! Привал! – радостно воскликнул журналист и первым ступил на сулящую безмятежный отдых лужайку.

– Куда?! Стоять, твою мать! – рявкнул на него Фролов.

– Ах, оставьте свой полицейский тон, капитан! – возмущённо обернулся Студейкин. – Вы же не на дежурстве. А мы не преступники...

И тут же провалился в сочную травку по пояс.

– Ох! – выдохнул он изумлённо и растерянно заявил: – Кажется, здесь трясина...

Милиционер схватил за шиворот бросившегося на помощь товарищу Богомоллова:

– Я же сказал: стоять! Следопыты хреновы!

Журналист ушёл тем временем в болото по грудь.

– Бра-а-атцы... тону! – удивлённо объявил он.

– Обязательно потонешь, если будет трепыхаться, – безжалостно подтвердил Фролов. – Замри и не дёргайся. Сейчас вытащим.

Капитан споро сбросил ружье и рюкзак, снял с пояса топорик и одним ударом срубил ёлочку-подростка. Ловко тюкая лезвием, очистил от ветвей ствол и протянул его Студейкину.

– Хватай обоими руками! – И крикнул Богомолу: – Помогай мне: раз-два, взяли, раз-два...

Медленно, с чавканьем, с бульканьем зловонных пузырей тело журналиста усилиями попутчиков вытащили из трясины.

– Ух ты... Чуть не утоп... – бормотал смущённо Студейкин, сидя у кромки болота и растерянно оглядывая одежду, покрытую толстой коркой пахнущей сероводородом грязи.

– Говно не тонет, – презрительно сплюнув в его сторону, процедил сквозь зубы Фролов. – Я хоть и не охотник за гоминоидами, а тайгу, оказывается, лучше вас знаю. До Гиблой пади ещё топать и топать. Если в этом болотце, в которое только дурак забредёт, вы едва не сгинули, то там, в непролазных топях, наверняка пропадёте... – А потом, помолчав, добавил с ноткой обречённости в голове: – Ладно, давайте ночевать. Утро вечера мудренее.

2

– Дураки вы, а не золотоискатели, – утирая слезящиеся от дыма глаза, сказал милиционер двум сидевшим рядом с костерком приятелям, и принялся с новой силой раздувать плохо горящие от болотной сырости ветки. – И тот, кто вас послал сюда, тоже дураки. Они ни золота, ни вас назад не дождутся...

Студейкин, постиравший одежду и ощутимо дрожащий в накатившей вечерней прохладе в тонком спортивном трико, возразил, клацая зубами:

– Да никакие мы не золотоискатели. И не курьеры. Я вам уже сто раз объяснял. Мы – гоминологи, ищем реликтового гоминоида...

Богомоллов помалкивал, лёжа на боку и с тоской посматривая на никак не разгоравшийся костерок и подвешенный над ним котелок с холодной, набранной из впадающего в болото ручья водой.

– А раз так, – оторвался от своего занятия Фролов, наблюдая с удовлетворением, как заплясали в глубине охапки хвороста красные язычки пламени, – то мне, как сотруднику правоохранительных органов, вы вовсе не интересны. А потому с рассветом пойду я своей дорогой, а вы – своей...

– Как?! – встрепенулся отчаянно боявшийся таёжных дебрей писатель. – Вы не можете вот так просто взять и удалиться, бросив на произвол судьбы товарищей!

Милиционер, вскрыв ножом банку тушёнки, вытряхнул содержимое в котелок, сыпанул туда же пару щедрых горстей пшённой крупы и принялся помешивать деревянной ложкой, лениво возражая попутчикам:

– Во-первых, вы мне не товарищи. Во-вторых, к дальним переходам вы явно не приспособлены. В-третьих, ничего противозаконного не совершили и в пригляде моём не нуждаетесь.

– Вы... вы не имеете права! – дрожащим от негодования голосом возразил Богомоллов. – В противном случае, если с нами, не дай бог, что случится, вы будете нести за это не только моральную, но и уголовную ответственность!

– Это почему же? – заинтересовался капитан.

– Да потому, – воодушевился, найдя способ удержать милиционера возле себя, Богомоллов, – что вы намеренно ввели нас в заблуждение, представившись проводником, завели в таёжную глухомань и бросили на поживу хищникам!

– А я, когда в следующий раз в болоте тонуть буду, записку черкну. Дескать, прошу винить в моей смерти капитана Фролова! – поддакнул серьёзно Студейкин.

– Так потонет записка-то вместе с тобой!

– А я её на веточку наколю. В назидание потомкам. Или следственным органам...

– Ладно, ладно, – со смехом поднял руки над головой капитан. – Сдаюсь. Только, – становясь серьёзным, предупредил он, – отныне слушаться меня беспрекословно во всём. Сказал «Стоять!» – замираете, «Бежать!» – мчитесь что есть духу... А сейчас, гражданин гоминолог, возьми-ка мою телогрейку. А то ещё простынешь, свалишься с температурой...

Приняв рваную телогрейку как знак примирения, Студейкин охотно натянул её на себя и оживленно принялся болтать, обнаруживая незаурядные знания путешественника-теоретика.

– Я ведь специально август и сентябрь для экспедиции выбрал. Летом нас бы гнус здесь кончил. От этой напасти даже дикие животные гибнут. А у человека одна защита – противомоскитная сетка, пропитанная дёгтем, да дымокур. Репелленты от насекомых помогают мало. Гнус укусами тело до язв разъедает. Говорят, даже казнь раньше такая у местных была: разделан человек донага и к дереву привяжут, а к утру его мошкара до костей объест...

– Вот мерзость какая, – поёжился опасливо Богомоллов.

– Не скажите! – горячо возразил журналист. – В природе всё взаимосвязано и ничего просто так не бывает! Ведь что такое гнус? Это собирательное название кровососущих насекомых, к которым относятся крупные – такие, как слепень, овод, или мелкие представители этого класса – мошка, мокрец, комар... Они, между прочим, выполняют важнейшую функцию, осуществляя миграцию микроэлементов или вирусов от одних животных к другим. Кроме того, они являются кормовой базой для многих пород птиц, рыб...

– Бросьте вы, – отмахнулся от оседлавшего любимого конька журналиста писатель. – Тоже мне, гринписовец нашёлся. По мне, их травить всеми способами надо... Дустом, или там... дихлофосом.

– Да как... как вы можете так рассуждать! – всплеснул руками Студейкин. – Это мнение обывателя, а не учёного-натуралиста. В природе нет полезных или вредных созданий. Всякая тварь божья имеет своё предназначение, а её существование – смысл, который не всегда доступен для понимания человека. Уж если на то пошло, не насекомые, которые всего лишь питаются кровью, чтобы продолжить свой род, не преследуя при этом, так сказать, личных мотивов, а человек является главным злом на планете! Комар кусает вас не от ярости, злобы. Да и пьёт кровь лишь самка комара, которая обеспечивает таким образом свою способность к воспроизводству потомства. А человек прирежет вас из мести, из озорства, просто потому, что у него настроение плохое, и глазом не моргнёт!

– Эт точно, – со знанием дела подтвердил милиционер. – Другого паразита надо бы прихлопнуть просто как вошь или комара, а мы с ним возимся, права его личности соблюдаем, проявляем гуманность. – Помешав в очередной раз в котелке, он, дуя на ложку, хлебнул и махнул удовлетворённо рукой. – Давай миски, ребята, знатный кулеш получился!

Похлебав жидкой каши, путники, экономя провизию, не слишком сытыми стали обустроиваться на ночлег. Нарубили лапника, сложили его у подножья огромной пихты, раскатали спальные мешки и уже в полной темноте юркнули в них, зябко обхватив себя руками за плечи.

3

В ту ночь Богомоллов спал плохо. Он долго ворочался на жёстком ложе, ощущая спиной сушь лапника и стылую сырость земли, смотрел с тоской на тёмную, обступившую со всех сторон маленький лагерь тайгу. Костерок мигал в сгустившемся мраке, бился, догорая, словно мотылёк-однодневка. Дунь на него и погаснет, растворится в ночи без следа... Противно гундели, наплевав на то, что исход лета для них – не сезон, самые стойкие и отважные комары, норовили прорваться сквозь накиннутую на лицо противомоскитную сетку, и в существовании этих мерзавцев, конечно же, был, если верить Студейкину, недоступный пониманию писателя Богомоллова высокий космический смысл...

От спального мешка, застёгнутого до подбородка, у Ивана Михайловича разыгралась клаустрофобия. Ему чудилось, что его, помимо воли, заперли в тесном гробу, заколотили крышку, погрузив в темень могилы, и начали засыпать сверху землей. Он даже слышал, как застучали комья о доски, а когда, отчаянно пытаясь смахнуть крышку гроба прижатými к туловищу руками, забился в истерике и стянул-таки с себя накомарник, то понял, что над тайгой пошёл тихий осенний дождь. Редкие капли пробивали крону пихты, прикрывшей место ночлега, и падали монотонно, стуча в брезент спального мешка: бум... бум... бум-бум...

Тело писателя ныло от усталости, накопившейся за день, ломило натруженные рюкзаком плечи, ноги при каждом неловком движении сводило судорогой, и он проклял ту минуту, когда в погоне за низкопробным сюжетом, подогреваемый тщеславием и чрезмерным употреблением крепкой кедровки, согласился стать попутчиком экстремала-журналиста, одержимого манией найти реликтового гоминоида в таёжной глуши.

«Какой, к чёрту, снежный человек?! – дрожа от ночного холода, тоскливо соображал Богомоллов. – Кого нынче интересуют такие истории с бородой? Журнал „Вокруг света“? Да и тот, кажется, писал на эту тему в шестидесятых годах прошлого столетия...»

Сейчас издателям женскую ироническую прозу подавай, изотерику, на худой конец детективы и триллеры. Вот о чём надо книги писать! Взять себе псевдоним, что-нибудь вроде Стеллы Мамашкиной, и строчить по роману в месяц. А первый из этой серии можно начать так: «Следователь по особо важным делам Элеонора Тяпкина шла в туфельках по газонной траве напрямик, не разбирая дороги. По её прекрасному одухотворённому лицу, смывая с длинных ресниц синюю тушь, катились крупные жемчужные слёзы...»

Иван Михайлович всё глубже погружался в сон и уже отчётливо видел эту следовательшу – худощавую, высокую, с длинными стройными ногами, тонкой талией, в кителе с майорскими погонами, вздыбленном на груди, рвущемся из тесноты мундира бюстом. Отважная милиционерша пёрла напролом по тайге с пистолетом в руках, а от неё уходил, злобно оглядываясь, огромный и косматый, абсолютно голый мужик, вооруженный каменным топором...

Проснувшись, писатель попытался ухватить, зафиксировать в памяти ускользающий сюжет будущего произведения. Ведь именно так, во мне, зарождались идеи многих гениальных книг... Однако, увы, не в его голове. Потому что, окончательно придя в себя, он понял, что приснилась ему заурядная ерунда.

Он сорвал с лица противомоскитную сетку, расстегнув «молнию», выбрался из мешка, огляделся.

Низко над землёй стлался утренний туман, струился, возвращаясь в преддверии наступавшего дня, опять в болото.

Страхивая остатки сна, Богомоллов встал, протёр глаза. Намереваясь справить малую нужду, он шагнул было к близлежащим кустикам, но тут же замер остолбенело.

Потому что увидел в десятке шагов от себя давешнего, приснившегося ему, снежного человека. Тот стоял, расположившись спиной к путешественникам, склонившись над кустом

и споро орудуя огромными волосатыми ручищами, рвал с ветвей и заталкивал горстями в рот ягоды дикого шиповника.

Несмотря на согбенную позу, гоминоид был высокого роста, с головы до пят покрыт густой бурой шерстью и, судя по утробному урчанию, довольно свиреп.

Задохнувшись от восторга, писатель принялся расталкивать безмятежно спящих попутчиков. Первым проснулся Студейкин, сел, изогнувшись, будто гигантская гусеница, в спальном мешке, из которого торчала только его голова, забормотал заполошно, поправляя на носу очки:

– Кто?! Что?!

– Ч-человек! С-снежный! – тыча пальцем в реликтового гоминоида, свистящим шёпотом сообщил Богомоллов. – Где твой фотоаппарат?!

Проснулся и Фролов, и тоже, вылезая из спальника, закрутил тревожно по сторонам включенной головой.

Решив, что пробил наконец его час и он может войти в мировую историю как первый исследователь, не только видевший, но и вступивший в контакт с йети, писатель смело шагнул к снежному человеку, окликнул громко:

– Э-э... товарищ! Послушайте... Можно вас на минуточку?

Тот, увлечённый лакомством, подпрыгнул от неожиданности, обернулся стремительно, рывкнул что-то явно недружелюбное на своём реликтовом языке:

– Ур-р-рглаук!

– Простите, не понимаю... – растерянно улыбнулся Богомоллов. – Не волнуйтесь. Мы не сделаем вам ничего плохого...

– Медве-е-едь! – заорал вдруг под ухом писателя благим матом Фролов.

– Где? – обеспокоился, озираясь по сторонам, Иван Михайлович.

– А-а-а!!! – в ужасе подхватил Студейкин, мгновенно, словно намыленный, выскользнув из спального мешка. – Спасайтесь! А-а-а-а!

Он стремительно ринулся удирать вслед за улепетывающим в одних носках милиционером, а Богомоллов застыл столбом, будто загипнотизированный злобными глазками зверя, который, конечно же, оказался не снежным человеком вовсе, а громадным медведем.

Между тем топтыгин опять взревел и, опустившись уже на четыре мощные, мускулистые лапы, кинулся на писателя! Тот, стряхнув сковавшее его оцепенение, тонко взвизгнув, бросился за товарищами. Он мчался, не разбирая дороги, получая со всех сторон хлёсткие пощечины ветвями, пружинно распрямляющихся вслед за удиравшими сквозь заросли подлеска Фроловым и Студейкиным, и отчётливо ощущал, как содрогается позади земля от тяжелого топота настигавшего его медведя.

Бежавший впереди капитан вдруг остановился, пропустил вперёд ломившегося следом через кусты журналиста. Поравнявшийся с милиционером писатель успел заметить лишь бледное лицо капитана и блеснувший тускло в его руках пистолет – такой маленький, жуто не всамделишный, несопоставимый в сравнении с массивной тушей свирепого зверя.

– Ну, держи, гад! – услышал Богомоллов сдавленный голос Фролова, и в тот же миг, споткнувшись о подвернувшуюся некстати под ноги корягу, грохнулся с размаху, обдирая руки и лицо, носом в землю, в прелую хвою.

И сейчас же где-то над его головой сухо защёлкали пистолетные выстрелы: тах-тах-тах-тах...

А за ними наступили покой и умиротворяющая, ватная тишина – от пережитого ужаса писатель лишился чувств.

4

Удивительно, но пули, выпущенные из никак не рассчитанного на медвежью охоту пистолета Макарова, укололи все-таки матёрого зверя.

Капитан, всё ещё трепещущий от пережитого шока журналист, а потом и очнувшийся писатель сначала с опаской, на расстоянии, долго всматривались в застывшую неподвижно в груди валежника тушу. И лишь убедившись, что медведь не подаёт признаков жизни, подошли ближе.

– У-у, какой здоровенный, – уважительно протянул Богомоллов и, набравшись мужества, ткнул носком ботинка в мёртвый шерстяной бок. А потом предложил журналисту: – Ты, Александр Яковлевич, фотоаппарат принеси. Надо с таким редким трофеем сфотографироваться.

– Это не охотничий трофей, а жертва, – поджал губы Студейкин. – Милицейского приговора. Убить животное, которое всего лишь защищало свою территорию от непрошенных гостей, – это безнравственно!

– Ишь ты, – обиженно хмыкнул Фролов. Он как раз вынул обойму из пистолета, выщелкнул из неё три оставшихся патрона и с сожалением думал о том, что с учётом запасного магазина у него осталось всего одиннадцать выстрелов. В грозной встрече с опасным зверем и лихим человеком тайге – совсем немного. – Вот и объяснил бы косолапому, что мы всего лишь мирные путешественники, а не еда. А ты впереди всех удирал – только пятки сверкали.

– Я пытался отойти от зверя на дистанцию, с которой он перестал бы воспринимать меня, как врага, претендующего на его ареал обитания, – горячо возразил журналист. – К вашему сведению, существует масса способов мирно разойтись со зверем. Можно встать на его пути, поднять руки над головой, показав, что ты выше и сильнее, а потом, пятясь, отступить. Можно вступить с ним в переговоры, успокоить плавной, размеренной речью. Или отпугнуть громким криком.

– Что ты и сделал, завопив, как резаный. Без особого, впрочем, успеха, – ядовито заметил милиционер

– На худой конец, – не обращая внимания на издёвку, продолжил Александр Яковлевич, – можно было упасть, притвориться мёртвым. Видя, что противник не представляет больше угрозы, сытый медведь его не тронет.

– А голодный? – любопытно спросил писатель.

– Он был сыт! – не слишком убедительно стоял на своём Студейкин. – Сейчас ранняя осень, и медведь как раз нагулял жир перед зимней спячкой!

– Вот и подхарчился бы человечинкой, то есть нами, – гнул своё капитан. – Ему бы после такой жировки только крепче спалось.

– Не ссорьтесь, друзья, – принялся успокаивать их изрядно оголодавший на скудном походном провианте и подножном корме Иван Михайлович. – Мы избежали страшной опасности. Предлагаю снять со зверя шкуру, раз уж он всё равно убит, разделать тушу, часть мяса съесть, а часть, закопав на костре, взять в дорогу. Меня угощали медвежатинкой. Она восхитительно вкусная!

Богомоллов плотоядно облизал губы и громко сглотнул набравшую рефлексивно слюну. Студейкин с негодованием дёрнул плечами:

– Это отвратительно – пожирать тела убитых животных! И, да будет вам известно, крайне вредно. Перед смертью организм выбрасывает в кровь особые гормоны, которые отравляют мясо...

– Ничего, – буркнул Фролов. – У меня после встречи с этой мохнатой скотиной тоже гормоны, а ещё желудочный сок усиленно вырабатываются. Кишки от голода так и сосёт...

– Не надо ханжества, Александр Яковлевич, – укоризненно покачал головой Иван Михайлович. – Крестьянин испокон веков свою бурёнку любит, лелеет, а как время придёт – ножичком по горлу чик – и в суп! И никаких комплексов по этому поводу, душевных терзаний не испытывает.

– Правильно, – поддакнул Фролов. – Вот что значит писатель – инженер человеческих душ. А ты... – глянул он остро на журналиста.

– Развёл толстовщину. Или Достоевщину, – подхватил Богомолов. – А всего-то дел – провизией запастись. Подкрепить силы перед дальним походом. Имеющим, между прочим, тоже благородную, важную, научную цель!

– К тому же, – доставая из чехла длинную обоюдоострую финку, окончательно успокоил совестливого защитника природы капитан, – рассматривайте этот инцидент не как заурядную охоту, а вынужденную самооборону. И я, как представитель закона, абсолютно правомерно применил табельное оружие для защиты граждан от преступных посягательств. И обезвредил злоумышленника, способного нанести вам, друзья, тяжкие телесные повреждения. А то и вовсе сожрать.

Студейкин вздохнул сокрушённо. А потом, глянув на запястье, выругался громко:

– Вот чёрт! Я когда от медведя удирал, компас обо что-то разбил. Стекло напрочь снёс и магнитную стрелку...

5

К полудню, разделав медвежью тушу и упаковав куски мяса в рюкзаки, троица готова была пуститься в дальнейший путь. Писатель с величайшим сожалением расстался со шкурой. Он так наглядно представил, как бросил бы её, выделанную, в Доме писателя у камина и на протяжении последующих лет рассказывал, дымя сигареткой, всем любопытствующим историю о том, как, не дрогнув, встретил зверя в тайге, завалил его в честном поединке, практически один на один, если не считать изрядно струхнувших попутчиков... Но сырая шкура оказалась так тяжела, так остро воняла окровавленной шерстью да ещё и при ближайшем рассмотрении кишела блохами, что нести её в неведомую даль не представлялось возможным.

– Километров через пятнадцать к северу, – изучив карту, сказал принявший командование на себя Фролов, – обозначена горная гряда, углубляющаяся в Гиблую падь. Достигнем её и пойдём вдоль подножья скал, чтоб в болото не лезть. К тому же, если там золото добывают, то не в топах же! Доберёмся до горных пород, и, глядишь, старателей нелегальных прихлопнем!

Через четыре часа пути ничего похожего на горы или даже сопки им не попало. Милиционер с отвращением рассматривал карту:

– Если скорость пешехода составляет шесть километров в час, то мы уже двадцать пять, как минимум, прошагали. А где же, вашу мать, обещанные скалы? Слева – топь, справа – тайга дремучая... Может быть, мы и не на север идём? А очень даже на юг?

– Проще всего ориентироваться в лесу по деревьям, – с лёгкой одышкой, продираясь вслед за капитаном сквозь бурелом, заявил безапелляционно разжалованный в рядовые путешественники Студейкин. Ему явно не терпелось вновь обрести утраченный в глазах товарищей статус бывалого следопыта. – С северной стороны кора на стволе всегда грубее, с большим количеством трещин. В сырую погоду на деревьях хвойных пород вследствие намокания коры образуется тёмная полоса. Так вот, на северной стороне она сохраняется дольше. Зато на южной, лучше прогреваемой солнцем, наблюдаются обильные натёки смолы. С северной у комля гуще растёт мох, лишайник...

Раздражённый его трескотнёй, Фролов хмуро ткнул пальцем в ближайшую сосну:

– Ну-ка, покажи мне, где юг, и где север.

Студейкин, поправив очки, с видом знатока шагнул к стволу:

– Э-э... минуточку... вот! Очень просто. Видите? Мох! Значит, север с этой стороны. Выходит, что мы движемся в правильном направлении.

– А это что?! – указал на противоположную часть ствола капитан.

– Это? – беззаботно пожал плечами журналист. – Тоже мох. Потому что ориентироваться надо по отдельно стоящему дереву, а это, в глубине леса, не так явно демонстрирует нам стороны света. Но если пощупать ствол, то с северной стороны он будет сырее.

Богомолв потрогал осклизлый мох вокруг ствола, сказал, брезгливо вытирая о штанину ладонь:

– Он везде одинаково мокрый. И на ощупь довольно противный. Тем более что ночью дождь моросил... – А потом добавил в отчаянье: – Хренотень все эти ориентиры. Без компаса мы чёрт знает куда забредём!

– Компас, если хотите знать, не проблема! – снисходительно пояснил впавшим в уныние попутчикам журналист. – Его в два счёта можно изготовить из подручных средств!

– Ну-ну, – скептически скривился милиционер.

– Экий вы! – возмутился Студейкин. – Говорю вам – проще простого! Достаточно взять намагниченную с одного конца иголку, булавку... На худой конец, стальную проволочку... Осторожно уложить на поверхность воды, натерев предварительно, чтобы не утонула, жиром...

– Кого? Воду? – усмехнулся Фролов.

– Да булавку же! И тогда, плавая, она укажет намагниченным концом точно на север.
– У тебя булавка есть? – не ожидая от затеи журналиста ничего хорошего, пытал его капитан.

– Есть!

– Намагниченная?

– Э-э... нет, естественно. Но можно использовать для этого магнит...

– Который у тебя в рюкзаке, – подсказал милиционер.

– У меня нет, – пожал плечами журналист.

– У меня, естественно, тоже, – сообщил писатель.

– А вот ещё способ! – озарило неугомонного Студейкина. – Иголку можно намагнитить с помощью индукционной катушки. Наматываем вокруг иглы проволоку, пропускаем постоянный электрический ток...

– Да заткнись ты! – озлобившись, рявкнул на него Фролов. – Кулибин недорезанный! Я и без компаса вижу, что вокруг суше становится. Идём тяжелее, вроде как в горку. А у корней вон той вывороченной сосны осколки камня, щебень виднеется. Думаю, и гряда горная скоро появится. Там и передохнём!

И действительно, через четверть часа бодрой ходьбы лес заметно проредился, сквозь макушки сосен забрезжило солнышко. Неожиданно дорогу путникам перегородил... забор! Серый от старости, покосившийся, с обрывками ржавой колючей проволоки поверху, он, тем не менее, смотрелся здесь, в дебрях дикой тайги, как несокрушимый оплот цивилизации. Тем более что по ту сторону из-за накренившегося ряда длинных трёхметровых досок выступала крытая листьями бурого от ржавчины кровельного железа крыша какого-то строения.

– Ух ты... Деревня, что ли? – изумился писатель.

– Вряд ли, – остудил его восторг милиционер. – Может быть, как раз тот прииск, что я ищу... Ну-ка, тихо! – перейдя на шёпот, скомандовал он. И, достав из-за пазухи пистолет, предупредил грозно: – Двигайте потихоньку за мной. И чтобы ни одна веточка под ногою не хрустнула!

6

Впрочем, опасения капитана оказались напрасными. Подойдя ближе, путешественники убедились, что человеческого присутствия здесь не ощущалось давно. Судить об этом можно было хотя бы по большим, насчитывающим явно несколько десятилетий, пихтам, проросшим сквозь прорехи в заборе. А вот строения за ним оказались на вид вполне ещё крепкими. Сложенные из толстенных брёвен, срубленных «в лапу», одноэтажные здания имели большие, забранные ржавой решёткой, оконца. Подойдя к ближайшему и найдя входную дверь – широкую, двустворчатую, обитую крест-накрест полосками железа, Фролов прочитал не смытую дождями надпись красной краской на приколоченной сбоку выбеленной временем фанерке: «Бур...»

– Бурильщики, что ли? – предположил Студейкин. – Может быть, это база нефтеразведчиков?

– Это барак усиленного режима, грамотей, – недобро усмехнулся капитан. – В него проштафившихся зеков сажали.

– Лагерь это! – догадался писатель. – С той ещё поры. Сталинской.

Осторожно и скорбно, словно по кладбищу, путники обошли барак за барак, которых на территории, огороженной не выдержавшим времени и местами упавшим забором, насчитывалось не меньше десятка. На некоторых сохранились таблички – «Бригада №5», «Санчасть», «Пищеблок».

Внутри жилых помещений располагались вдоль стен вполне крепкие, без признаков гниения, нары в два яруса, сложенные из красного кирпича печки, длинные столы с такими же скамьями, рассчитанными на посадку полусотни человек, не меньше. Кое-где под ногами попадались обрывки ватных бушлатов, набитые трухлявой соломой матрацы, обломки деревянных ложек и другие остатки скудного тюремного быта.

– Чувствуется, зеков отсюда вывезли в одночасье, а лагерь бросили, – заявил Фролов после беглого осмотра строений. – Наверное, после амнистий пятидесятых годов. По причине удалённости забрали из оборудования только самое ценное. Вот здесь, где мы находимся, жилая зона была. Где-то поблизости должна быть и промышленная. Видите сторожевую вышку? Одна устояла, другие попадали. Пойдёмте попробуем на неё забраться да окрестности осмотрим...

Хотя территория лагеря и была относительно свободна от леса, тайга медленно, но неотвратимо затягивала некогда отвоёванное у неё людьми пространство сосняком, мелким кустарником и бурьяном. Прорвавшись сквозь него, путешественники добрались до вышки. С сомнением осмотрев подпиравшие её столбы, попробовав рукой крепость ведущих наверх ступенек, Фролов, сбросив рюкзак, осторожно взобрался по ним.

– Ух ты... Красота-то какая! – донеслась до оставшихся внизу.

– Я к вам! – объявил Студейкин, но милиционер охладил его пыл:

– Тут всё сгнило к чёртовой матери! Пол может двоих не выдержать. Оставайся там, где стоишь. А я по сторонам осмотрюсь...

Писатель и журналист устало повалились на пожухлую травку, подложив под головы тяжёлые вещмешки. А через несколько минут, скрипя разохшимися ступенями деревянной лесенки, к ним присоединился Фролов.

– Ну, и что вы увидели? – поинтересовался Студейкин.

– Деревья... – лениво откинувшись спиной на землю и потягиваясь, ответил капитан. – Зато лагерь как на ладони. Стоит целёхонький. Можно поправить забор, территорию от деревьев очистить и заселять...

– Не дождётеся! – оцетинился журналист. – Кончилось ваше время! Процессы демократии в стране никому не удастся повернуть вспять!

– Это ваше время закончилось, – ухмыльнулся Фролов. – Народ сыт этой демократией по горло. И если завтра начнут всех жуликов, коррупционеров и тунеядцев сажать, нам знаешь сколько лагерей потребуется? Чем новые строить, проще такие вот, законсервированные с прошлых времён, заселить.

– Всех не пересажаете! – горячился Студейкин.

– Зачем же всех? – удивился милиционер. – Миллиона три-четыре, не больше... И для писак-бездельников место найдём...

– Вот! – вскочил возмущённо журналист. – Я всегда подозревал, что в стране существует немало противников либеральных реформ. Недобитых бериевцев, если хотите!

– Берия-то как раз лагеря распустил, – гнул своё милиционер, – а мы их, если потребуется, наполним!

– Кому это, интересно, потребуется?! – всплеснул руками Студейкин.

– Родине, – сурово отрезал Фролов. – Если Россия захочет подняться с колен, освободиться от грязи и мусора...

– Да бросьте вы! – встрял в спор Богомолов и укоризненно обратился к журналисту: – Вы что, не понимаете, Александр Яковлевич, капитан вас подзуживает!

– Ничуть, – пожал плечами Фролов. – Пора навести в государстве порядок.

Богомолов достал примятую пачку сигарет, заглянул внутрь, с сожалением покачал головой, не удовлетворившись увиденным.

– Курево кончается... А я, Александр Яковлевич, как это ни покажется вам странным, мнение товарища Фролова в чём-то и разделяю. Человек, чтобы жить нормально, должен бояться кары небесной или со стороны государства. Помните, у Достоевского: если Бога нет, значит, всё дозволено! И коль большинство населения у нас составляют атеисты-безбожники... Угроза тюрьмы ещё долго будет отвращать некоторых граждан от криминальных деяний.

– Не будет, – хмыкнул милиционер. – Нынешние исправительные колонии больше на санатории похожи. Теперь труд из системы перевоспитания уголовников исключён. Они целыми днями жрут, бездельничают, на шконках валяются. А ещё спортом от скуки занимаются. Мышцы накачивают. Я бы их, дармоедов, в кандалы, приковал цепью к тачке, и пусть вкальвают с утра и до позднего вечера. А из жратвы – баланду из гнилой брюквы. Вот такой каторгой потенциальных преступников напугать ещё можно!

– Я сейчас не об уголовниках говорю, а о политических. Узниках совести, – не отступал Студейкин. – Тех, кого вы за убеждения в лагерях готовы гноить!

– Не за убеждения, а подрыв безопасности государства, – отрезал Фролов. – Ты мне про Достоевского втираешь, а я тебе стишок советский напому: «Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст!» И продавали...

– Рифма неточная, – вклинился в спор Богомолов. – Джаз – продаст... Ужас! Хотя, конечно, сейчас, когда мы с вами, друзья мои, обрели чувство собственного достоинства, ощутили себя по-настоящему свободными, трудно представить, что наши отцы и деды могли терпеть бесчинства сталинского режима, приклонять послушно перед своими палачами колени...

– Ну-ну, – хмыкнул Фролов. – Ты, писатель, давно в милицию нашу не попадал.

Перепалка вдруг как-то разом угахла. В наступившей тишине стало слышно, как зашумел в вышине ветер, стало пасмурно, повеяло холодком и болотной сыростью.

– Всё, хватит трепаться, – на правах старшего скомандовал капитан. – Ночевать будем здесь. Ты, диссидент, – обратился он к журналисту, – пошарь по баракам, сухих дров набери. Ты, труженик пера, настругай медвежатинки – кулеш варить будем. А я пойду воды поищу. Вас посылать опасно – в тайге заплутаетесь или в болоте утопнете! Морока с вами, интеллигенцией. Вот уж действительно – ни украсть, ни покараулить...

7

Ночь прошла без приключений. Только впечатлительный журналист-уфолог жаловался на тяжёлые сны, в которых ему являлись бледные призраки узников сталинских лагерей, что объяснялось особой концентрацией негативной энергии в подобных местах.

– На кулеш меньше налегать надо было, – заметил прагматичный Фролов. – Иван Михайлович столько жирного мяса в крупу набухал, что у меня чуть заворот кишок не случился.

– Так жалко же – так и так пропадёт, – оправдывался Богомолов. – Пованивает уже медвежатинка-то. Ее бы присолить покрепче, да нечем. Соли у нас в обрез...

Привычно крякнув, набросили на плечи рюкзаки, и гуськом – милиционер впереди, а разжалованный бузотёр-журналист замыкающим – покинули территорию лагеря.

Обойдя усыпанную мелким щебнем подошву растянувшейся на полкилометра сопки, путники с радостью заметили, что надоевший им лес стал редеть, сосны мельчали, а трава под ногой, пробивая тонкий настил опавшей хвои, наоборот, густела. Ещё через полчаса ходьбы тайга и вовсе проредилась, даже пахнуть стало по-другому – не смолой, разогревшейся на осеннем солнышке, а сыростью, моховыми кочками, тальником и переспелой смородиной. Сосенки пошли и вовсе хилые, не толще руки, с тронутыми желтизной, болезненными иглами. Под ногами зачавкала грязь, закачалась, пружиня, трава.

Шедший впереди Фролов остановился, снял шляпу с вуалью накомарника, утёр ею вспотевший лоб, огляделся по сторонам.

Тихо было вокруг. Открывшееся впервые за много дней переходов под смыкающимися плотно над головой кронами деревьев небо не радовало глаз. Солнце спряталось пугливо за нависшими низко клочкастыми клубящимися тучами. Словно кариозные зубы торчали то тут, то там из сырой земли пни с чёрными дуплами, остовы елей с обломанными верхушками. Заунывно гудела, окутав непрошенных гостей туманным облачком, потерявшая летнюю силу и агрессивность, но всё ещё живая и не менее надоедливая мошкара.

Неожиданно вблизи что-то пронеслось с мягким топотом, плюхнулось оглушительно, распрстраня зловоние.

С опаской, пропустив решительного милиционера вперёд, путешественники пошли на неведомый звук. И через несколько шагов увидели торчащую прямо из земли огромную голову какого-то зверя. Глаза животного остекленели мученически. Вокруг морды пузырилась выступившая из-под травы бурая грязь, источающая удушливую вонь.

– Эт... Это верблюд? Откуда он здесь? – указал дрожащей рукой на зверя писатель.

– Лось это, – сочувственно глядя на животное, объяснил милиционер. – Мы его вспугнули, и он со страха в зыбун угодил. Теперь осторожно пойдём – вокруг трясина.

– Может, попробуем вызволить? – не приближаясь к сохатому, предложил Студейкин.

– Бесполезно, – покачал головой Фролов. – Его теперь отсюда даже трактором не вытянуть. – И, помолчав, добавил: – Добро пожаловать в Гиблую падь.

Почва оказалась всё-таки вполне проходима, оконца подёрнутых ряской болот различались отчётливо, а потому, посоветовавшись коротко, решили на обед не располагаться, а сколько будет возможным при дневном свете продвинуться вперёд, на север.

– Заночуем, – разьяснял диспозицию Фролов, – а с утречка осмотримся. Если упрёмся в топь – всё, дальше ни шагу. Какие, к чёрту, золотые прииски в трясине? И снежные люди там тоже не водятся. Видели, как лось в зыбун врюхался? Так что повернём назад с чистой совестью. Я начальству доложу, что незаконной добычи золота в этих краях не выявлено, вы книгу о наших приключениях напишете. И приврёте, что этого, как его... гоминоида видели, слышали, вот только сфотографировать не успели...

Изрядно вымотанные, изъеденные гнусом попутчики промолчали угрюмо, что означало согласие с предложением капитана, и двинулись дальше по нездоровой, неприветливой местности.

Хотелось думать, конечно, что идут они строго на север, но приметы, по которым Студейкин намеревался определять стороны света, по-прежнему не работали. Одна сосна показывала более ветвистым боком вроде бы на юг, но другая тоже отдельно стоящая, не менее категорично простирала игольчатые лапы в противоположном направлении – стало быть, на север. Солнце не показывалось, тёмные тучи опустились ещё ниже и будто прикрыли эту гнилую местность драным чёрным матрацем, из которого там и сям торчали клочки серой, волглой от сырости туманной ваты. Даже гнус угомонился, отстал, видимо, не желая обитать в этих проклятых богом краях.

К ночи, выбрав участок почвы посуше, расположились на ночлег. Несмотря на обилие влаги вокруг, открытой, пригодной для питья воды не нашлось. Из фляжек наполнили треть котелка – для чая, а пованивающую медвежатину, чтоб отбить запах, принялись жарить на костре.

– Тут ещё килограмма два мякоти остается, – озабоченно принохиваясь к содержимому полиэтиленового пакета, бормотал взявший на себя роль шеф-повара Богомолов. – Я её потом в углях запеку. Так она еще, как минимум сутки, продержится. А на обратный путь нам остатков провизии хватит.

Он уже почти освоился с мыслью, что путешествие подошло к логическому концу, обратная дорога домой обещает быть скорой и лёгкой, и не скрывал радости по этому поводу.

Медвежатина, нанизанная на палочки, аппетитно шкворчала, источая аромат и роняя в язычки пламени вспыхивающие жарко капли вытопленного жира.

– А-а... Горячее сырым не бывает, – махнул рукой милиционер, первым схватил импровизированный шампур и принялся есть, обжигаясь, дуя на мясо и облизывая пальцы.

Богомолов тут же присоединился к нему. Студейкин крепился несколько минут, с деланным отвращением посматривая на чавкающих сыто товарищей и потом, улыбаясь скептически, заявил:

– Попробовать разве что... – и жадно впился в предложенный кстати кусок.

Через три четверти часа, утолив голод и запив жирную медвежатину чаем, путники расположились на ночлег, юркнув в уютные, греющие по-домашнему спальные мешки. Небо очистилось, выглянула ослепительно-белая, чужеродная в угрюмом заболоченном пространстве, сияющая луна.

– В принципе, голодная смерть даже при полном отсутствии продуктов питания в ближайшее время нам не грозит, – принялся размышлять вслух Студейкин. – Ведь что есть голод, если рассматривать его с медицинской точки зрения? Всего лишь совокупность дискомфортных ощущений, выражающих физиологическую потребность организма в пище. Например, человек средней упитанности с массой тела семьдесят килограммов имеет около пятнадцати килограммов жировой клетчатки, что составляет примерно сто тридцать пять тысяч килокалорий. Да ещё шесть килограммов мышечного белка, то есть двадцать четыре тысячи килокалорий. Плюс по мелочам – гликоген печени, мышц. А всего выходит сто шестьдесят тысяч килокалорий. Приблизительно сорок процентов этих резервов организм может израсходовать без угрозы своему существованию. Итого в запасе у нас примерно семьдесят тысяч килокалорий...

– И если съесть одного из нас... – серьёзно подхватил Фролов.

– Тьфу! – выругался во тьме журналист. – Ну и шутки у вас, любезный... Фельдфебельские! Я вам как зоолог, бывший ветврач разъясняю, а вы...

– Ладно, продолжайте, – поддержал его Богомолов.

– Так-то. Это, вы думаете, я к чему? А к тому, что человеку для поддержания жизнедеятельности организма в состоянии покоя требуется одна калория на килограмм веса тела

в час. Умножив семьдесят калорий на двадцать четыре часа, получаем тысячу семьсот калорий в сутки...

– Ага... Пока толстый сохнет, худой сдохнет! – скептически отозвался милиционер. – Народная мудрость. И если из жировых запасов исходить, то гражданин писатель, как товарищ упитанный, нас всех в случае голода переживёт. С другой стороны, как богатый источник калорий, он может представлять повышенный интерес для голодающих собратьев...

– Что-то мне ваш разговор не нравится, – обиделся Богомолов. – Надо завтра охотой заняться. У нас есть ружья, боеприпасы. Пистолет милицейский в конце концов... Зверя промышлять надо, а не нагнетать ситуацию, живым весом товарищей интересуюсь!

– Я ж, наоборот, успокаиваю! А вы меня всё время перебиваете! – возмутился журналист. – Согласно моим расчётам выходит, что среднестатистический человек может обходиться без еды полтора месяца! Но это в идеальных условиях – в тепле, покое. А в лесу, в движении – недели две-три точно! Тут многое от индивидуальных физиологических особенностей зависит. Опыт экстремальных ситуаций показывает, что первыми от голода умирают дети. У них обмен веществ выше. Потом мужчины, за ними – женщины. Дольше всех остаются в живых, не получая пищи, старики. Вот вы, например, товарищ капитан, какого года рождения?

В ответ он услышал лишь тихое посапывание уснувшего милиционера.

– А вы, Иван Михайлович?

Богомолов не ответил и, чтобы прервать неприятный ему разговор, тоже сделал вид, что спит. И даже громко всхрапнул для убедительности.

Студейкин вздохнул разочарованно и, повернувшись поудобнее в спальном мешке, закрыл глаза.

Высоко в чёрных, без звёзд, невидимых с земли ночных небесах тревожно шумел холодный осенний ветер.

8

На следующий день, прервав экспедицию, нахлебавшись несолоно, троица пустилась в обратный путь. Впрочем, отшагав несколько километров по однообразно-ржавой, заболоченной густо местности, они не вполне были уверены в правильности избранного направления. Всюду их сопровождал один и тот же пейзаж: почва, покрытая мохнатыми, словно верблюжьими горбы, кочками, чахлые березы с желтой листвой, корявые, в пятнах лишайника, ели, гнилые остовы деревьев... Всё это перемежалось зеркальцами открытой воды, зарослями камыша и осоки.

На одном из привалов, заметив, что Богомолов жуёт припрятанную в кармане горбушку хлеба, Фролов заставил попутчиков вытряхнуть содержимое рюкзаков и произвёл строгую ревизию провианта. Посмотрев на жалкую горку продуктов – три банки перловой каши, кулёчек пшённой крупы, кусок солёного сала с сигаретную пачку величиной и полбуханки чёрного плесневелого хлеба, – он объявил грустно:

– Всё. Обжираловка кончилась. Открываем охотничий промысел. Кто умеет стрелять из ружья?

Стрелять, как вскоре выяснилось, умели все, а вот попадать в цель – только Фролов. К тому же дичи встречалось им на удивление мало. Пару раз вспугнули уток, настолько стремительно скрывшихся из виду, что в них не удалось даже прицелиться. И всё же на исходе дня в котелке, сдабривая булькающий кипяток, оказался подстреленный метким милиционером чирок.

На следующий день путники, по всем прикидкам, должны были уже вновь окунуться в таёжную чащу, однако со всех сторон их по-прежнему окружали всё те же стгнившие от избытка влаги редкие ёлки, шаткие кочки с пучками ржавой травы и подёрнутая ряской трясины.

– Самое страшное в чрезвычайной ситуации – пассивность, покорность судьбе, – вещал хрипло, шатаясь от усталости, Студейкин попутчикам. – Это типичная ошибка неподготовленных путешественников. Человек, не верящий в спасение, часто гибнет, не исчерпав запаса сил, продовольствия...

– Слушай, ты, Дерсу Узала, – может, заткнёшься? – грубо укорачивал его Фролов, но журналист, стиснув губы на некоторое время обиженно, не выдерживал тягостного молчания и опять начинал:

– Статистика утверждает, что девяносто процентов людей, оказавшихся после кораблекрушения на плотках и шлюпках в открытом море, умирают в течение первых трёх суток именно от моральных факторов! Описано множество случаев, когда спасатели обнаруживали такие плавсредства с запасами воды и продовольствия, но... мертвыми телами!

– Тьфу! – сплюнул яростно писатель. – Если вы, Александр Яковлевич, не прекратите своих дурных пророчеств, ваше тело тоже найдут. С изрядным зарядом дроби в болтливой башке!

– Вот-вот, – укоризненно пыхтел Студейкин. – Вы уже впадаете в раздражение, в панику. И в таком состоянии у вас могут запросто начаться зрительные галлюцинации. В пустыне, например, умирающим от жажды путникам чудятся колодцы, а то и реки воды... – Ой! – вскрикнул он испуганно вдруг. – У меня, кажется, галлюцинации уже начались: я вижу впереди дом... огород... лошадь!

Фролов любовно погладил выросший у них на пути плетень, сказал с облегчением:

– Дошли! – и крикнул весело, обращаясь к избе: – Эй, хозяин! Встречай гостей! Мы так проголодались – аж переночевать негде!

Ответом ему был густой лай лохматого кобелька, а потом дверь избушки с грохотом растворилась.

9

Хозяином дома оказался здешний егерь – толстенький, с брюшком, невысокого роста, лет шестидесяти, но не по возрасту и комплекции подвижный, улыбочивый да приветливый. И то – поживёшь на отшибе, в такой глухомани, небось каждому гостю рад будешь.

Его круглая, то ли выбритая хорошо, то ли изначально безбородая физиономия лоснилась как масляный блин, подрумяненная свежим, особо полезным для здоровья хвойным воздухом, крупное страусиное яйцо лысины бросало блики в такт гостеприимным поклонам, ахам да охам, которыми он встретил заблудившихся, измождённых от усталости и скудной кормёжки путников.

Звали егеря по-таёжному основательно – Пётр Пименович, а если проще – то Пимыч.

Он проводил их в избу – по-местному заимку, растопил печь. Чмокая голенищем ялового сапога, раскурил самовар на крыльце. Накрыв в горнице стол – поставил тарелку с салом, кольцами лука, чугунок с холодной, загодя отваренной картошкой в мундире, эмалированную миску с сотовым мёдом, напластал широченных, в две ладони, ломтей серого, ноздреватого, умопомрачительно пахнущего хлеба, а в завершение украсил аппетитный натюрморт литровой бутылью прозрачного, словно детская слеза, самогона.

– Вы, робяты, сперва водочки тяпните, – потчевал он и без того истекающих голодной слюной гостей. – Самогоночка вам пустой желудок расправит. А потом вы стенки нутра салцем смажете, картошечкой сдобрите. А уж под самый конец – медком, чаем. Я знаю, как оно бывает. Сам скока раз по младости в тайге не жрамши блукал. Если сразу с голодухи харчей напороться, можно заворот кишок запросто получить!

Путешественники пили самогон из мутных от старости гранёных стаканов, набивали рты салом и рассыпчатой, плохо очищенной второпях от кожуры картошкой, сочно хрустели луком, приправляя его мёдом, который черпали поочерёдно большой, не помещающейся во рту деревянной ложкой, и были счастливы. Чувствительный, как всякий творческий человек, Богомоллов прослезился от переполнявшей его благодарности, а порывистый Студейкин обнял расстроганно хозяина за мягкие плечи. Даже сдержанный Фролов, стрельнув у егеря сигарету, расплылся в благодушной улыбке.

Узнав, что идут его новые знакомые от села Острожского, Пимыч всплеснул удивлённо руками:

– Эк вас, робяты, куда занесло! Это ж, почитай, на сотню километров южнее! И то если по прямой чесать. А по нашим буеракам – так все полторы сотни выйдет!

– И куда ж мы таким образом пришли? – полюбопытствовал капитан.

– На сороковой кордон, самый дальний в районе. Тута на скока вёрст ни единой души вокруг!

– А Гиблая падь где? – уточнил Студейкин.

– Да вот она, – улыбаясь приветливо, обвёл рукой окружающее пространство егерь. – Один я тут, как перст, государственные интересы блюду!

– Может, охотники к вам заходят? Или ещё кто-нибудь. Старатели например... Бродяги? – подозрительно прищурившись, проявил свою ментовскую сущность Фролов. – Гости часто бывают?

– Бывают, – охотно согласился Пимыч. – Да тока так редко, что почитай совсем не бывают. Давеча... лет пять уж назад... из леспромхоза начальство какое-то наезжало. На вездеходе. Посмотрели, как я тут обитаю, грамоту почётную за безупречную службу вручили, завалили сохатого и уехали. С тех пор, дай бог памяти... кроме вас и не было никого!

– А вы что ж, один проживаете? – бурывая взглядом егеря, допытывался милиционер.

– А што! – беззаботно отозвался хозяин. – У меня лошадка есть, «Буран» – моциклет специальный, по снегу ездить. Два раза в году в райцентр навещаюсь – зарплату да пенсию получить. Харчи беру, припасы для ружьишка, чаю, курева, мучицы мешок, бензина для моциклета. Мне и хватает. Да ещё для Лешего овсеца... Тем и сыты.

– Какого Лешего? – насторожился милиционер.

– Да меринка моего! А кобель, Валетка, – указал егерь на крутившуюся у стола лайку, – с охоты питается. Каку дичь для меня скрадёт – то и полопает! А вы, робята, извиняйте за любопытство, пошто здесь шландаете? По обличью – так не промысловики вроде...

– Охотники-любители, – опередив товарищей, чтоб не сболтнули лишнего, ответил Фролов. – Пошли по уток, да вот... заплутались.

– Бывает, – сочувственно кивнул Пимыч. – Тайга – дело сурьёзное. Тут недолго и до беды... Ну, а раз обошлось, давайте ещё по стаканчику. Для сугрева и поднятия сил!

Разморенный едой и выпивкой Богомоллов вспомнил, что он всё-таки писатель, какой-никакой, а инженер человеческих душ, призванный изучать типажи людские, а потому повернул разговор на лирическую стезю:

– Так вы что ж, Пётр Пименович, один-одинёшенек, без супруги, здесь проживаете?

– Была баба, – отмахнулся хозяин, – да сбежала. Скушно ей, вишь ли, в моей глухомани... И дочурку забрала. А и шут с ними. По хозяйству я и сам, без баб, управлюсь.

– Охотитесь? – подключился к разговору Студейкин.

– Конечно! – радостно согласился егерь. – Нешто без охоты тут проживёшь? Мясца надоть, не без этого. Пушнина опять же... Промышляю по мелочи. Белка, куница, горностаи. Бывает, и соболька подстрелю...

– В глаз бьёте? – восхищённый заранее, уточник журналист.

– А то куда ж? Не в задницу ж! – добродушно хохотнул Пимыч. А потом поднялся из-за стола, предложил:

– Вы, робята, отдыхайте, ешьте да пейте. А завтра я вас на Большую землю сведу. Без меня вам отседа сроду не выбраться. Здесь кругом сплошные болота. Диву даюсь – как живыми до меня добрались?

Сославшись на хозяйственную надобность, егерь вышел из горницы, и в маленькое, грязным стеклом покрытое оконце было видно, как отправился он в сараюшку рубленую и скрылся из глаз, прикрыв за собой дверку.

Фролов, оторвавшись от окна, повернул посерьёзневшее разом лицо к попутчикам:

– Ох, не прост этот лесовик, чую, не прост. Не зря он здесь, в болотах, сидит...

– А по-моему, чудный мужик, – возразил Богомоллов. – Естественный во всех проявлениях. О таких, как он, книги надо писать...

– Да погоди ты с книгами! – поморщился с досадой милиционер. – Посоображай лучше, чего ему в этом гиблом месте делать? Здесь от одного гнуса, не говоря уже об одиночестве, с ума сойдёшь. Что, нельзя было заимку подальше от гнилой топи поставить? У них, таёжных егерей, участки в тайге ого-го! На любом целое государство европейское разместиться может. Вот и выбрал бы, где посуше да к людям поближе. Так нет, в самую глухомань, в болото залез...

Вернулся хозяин с охапкой больших шкур – медвежьей, волчьей, лосиной.

– Я вам, робята, уж извиняйте, на полу постелю. мех чистый, проветренный. У меня и одеяла найдутся...

Застелив шкурами пространство в углу хаты, он предложил радушно:

– Лягайте. Чать, намаялись-то по дороге...

Фролов с Богомолловым, не раздеваясь, дружно свалились спать. А подзарядившийся калориями Студейкин, благо что вечереть лишь начинало, вышел вслед за егерем по двор. И несмотря на запрет капитана, принялся выспрашивать осторожно:

– А что, Пётр Пименович, не встречали ли вы, часом, в здешних краях кого-нибудь... необычного?

Оглаживающий щёткой смиренного каурого меринка егерь оглянулся через плечо удивлённо:

– Зверя, што ль?

– Ну как бы поточнее выразиться... не совсем зверя. А, скажем так, некое существо в человеческом обличье...

– Это вы про лешего? Так я вам прямо скажу: нету его. Бабы сказки!

– Хороший у вас конёк, – зашёл с другого бока к волнующей его теме журналист. – Упитанный. Это я вам как бывший ветврач ответственно заявляю... Животных я, Пётр Пименович, люблю, прямо-таки обожаю. Изучаю их с научной целью, в газетах про них пишу...

– А чё про него писать? Мерин – он и есть мерин, – стоя спиной к журналисту, не поддерживал разговор егерь.

– Я не о домашних животных пишу, – доверительно наклонившись к нему, сообщил Студейкин. – А о неизвестных науке. В некоторых изданиях, рассказывающих о вашем крае, упоминаются странные... существа. – И потом огорошил вопросом: – Вам, Пётр Пименович, снежного человека... ну, вроде неандертальца, в здешних местах не доводилось встречать?

Егерь вдруг приметно вздрогнул, ещё более оборотился к журналисту спиной, скрывая лицо, и быстро-быстро зачастил щёткой по боку меринка: ширк-ширк-ширк... И ответил напряжённо, неискренне:

– Никого, гражданин учёный, я здесь не встречал. Ни диких людей, ни обнаковенных... Говорю же, приезжали лет пять назад из леспромхоза... лося завалили... Так у них лицензия на отстрел была...

Сконфуженный явным нежеланием егеря поддерживать разговор Студейкин пробормотал виновато:

– Что ж... Извините... Я просто так, и чистого научного интереса, полюбопытствовал...

И отошёл, обескураженный переменой, произошедшей со словоохотливым добряком – хозяином заимки.

Выйдя за пределы огорожённого плетнём двора, он принялся бродить вокруг заимки, не удаляясь, впрочем, далее десятка шагов: уже смеркалось, а тайга и болота были совсем рядом. Не ровен час, ещё заблудишься на ночь глядя...

Движимый праздным любопытством, журналист обошёл хозяйственные пристройки – бревенчатый сарайчик, конюшню для меринка, баньку, пару стожков сена, и оказался на задах избы. Здесь, судя по свежевскопанным грядкам, грудам пожухлой картофельной ботвы, у егеря был огород. Он тянулся метров на сто, к самому болоту, которое сейчас парило, клубилось туманом и выглядело в накатившихся сумерках особенно зловещим.

Неожиданно, бросив взгляд под ноги, Студейкин застыл, будто поражённый разрядом молнии. На одной из вскопанных гряд он увидел отчётливый отпечаток человеческой ступни. А рядом – ещё один. Цепочка следов тянулась от болота к избе. Журналиста поразило даже не то, что прошедший здесь человек был бос. А то, что, если перевести отпечатки его полуметровых стоп на размер обуви, то, наверное, выйдет шестидесятый какой-нибудь, никак не меньше!

Поскольку ноги у егеря, как заметил ранее журналист, были вполне нормальные, не более сорок третьего размера, следы принадлежали неизвестному великану, который вышел босиком из болота, подошёл к избушке, а может быть, и вошёл в неё.

Поёжившись, Студейкин отправился в дом. Его вдруг охватил безотчётный страх, даже ужас. Ни словом ни обмолвившись о случившемся ни с хозяином, ни с попутчиками, он лёг на краешек медвежьей шкуры возле Богомолова, сунул под голову какой-то брошенный на пол

егерем специально для гостей туюфяк и, несмотря на крайнее смятение от увиденного только что, почти мгновенно уснул.

10

Утром Пётр Пименович был опять радушен и хлебосолен. На завтрак он приготовил гостям наваристую похлёбку из дикой утки, вяленую рыбу, миску солёных грибов, приправленных местной духмяной травкой, крепкий чай из пыхтящего паром латунного самовара.

– Я здесь без электричества, телевизоров всяких живу, – ворковал он, потчуга путников. – Даже не знаю, к примеру, кто вместо Путина президентом России стал. Да мне, ваше-то, и один хрен. Я и при Брежнев, и при Ельцине зверя промышлял. Счас даже легче стало – отчётов меньше. А еда... Как при коммунистах с огорода и тайги кормился, так и при нынешних... как их назвать-то?.. демократах, што ли?

– Прекрасно. У вас, можно сказать, полный суверенитет, – согласился Фролов. – Даже если все города погибнут от катаклизма какого-нибудь, вы здесь и не почувствуете... А нам пора и честь знать, – встал он из-за стола. – Провожайте гостей, Пётр Пименович, в цивилизацию окаянную!

Быстро собрав нехитрые пожитки, путешественники, не без сожаления оставив приветливую заимку, вслед за егерем углубились вновь в хмурую, настороженную к чужакам, тайгу.

Рано утром Студейкин, выбрав момент, – будто до ветру, – сбегал за избушку, но следов, обнаруженных давеча, уже не нашёл. Гряды были разрыхлены, и перепачканные землёй грабли валялись тут же. На обратном пути он столкнулся с хозяином.

– А я тут огородиком занимался, – словоохотливо, хотя журналист и не спросил его ни о чём, пояснил егерь. – Озимый лук посадил. Весной, чуть снег сойдёт, у меня вот такое перо вылезет! – показал он, раздвинув руки на метр. – Лук в тайге – первое дело. От цинги, от простуды...

И теперь, бредя за товарищами, Студейкин молчал, соображал замороченно: наяву ли наткнулся он на следы огромных босых человеческих ног или они ему только привиделись?

– Я вас, робяты, на лесосеку выведу, – объяснял попутчикам шагавший бодро впереди с длинным шестом в руках Пётр Пименович. Низкорослый, толстенький, в брезентовой плащ-накидке, шляпе и броднях с отвёрнутыми голенищами, он походил на сказочного Кота в сапогах. – Тут, если напрямки, километров пятнадцать идти, не больше. А по просеке ещё через пару-тройку часов ходьбы вы на грейдер выйдете. Там уже лесовозы ходят. Не так часто, конечно, как троллейбусы в городе, – хохотнул он. – Но пара машин за день обязательно проезжает. На них и до райцентра доберётесь.

Говоря так, егерь шёл шустро, катился колобком сквозь заросли мелколесья, и под ногами едва поспевавших за ним путешественников то и дело хлопала, проседая, насыщенная влагой земля.

– Тут, робяты, везде болота, – охотно пояснил им Пимыч, прощупывая ловко перед собой почву палкой. – Кладовая солнца, во! Так про наши места при Советах ещё говорили. Торфа здесь видимо-невидимо. А ещё нефти да газа. Тока, как сказывают, добывать пока дорого. Надо сюды через топи дороги мостить...

– Нефть – это хорошо, – кивал Фролов, а потом, будто невзначай, поинтересовался: – А золото есть?

– Золото? – равнодушно переспросил Пётр Пименович. – Есть, наверное. По речкам старатели испокон веков его помаленьку моют. Да я им не интересуюсь. На што мне золото? Ежели тока зубы вставить? Так они у меня, слава те господи, свои, непокупные. Гвоздь, к примеру, али стальную проволоку, как клещами перекушу...

В предвкушении скорого окончания затянувшегося путешествия шагали быстро. Даже упитанный Богомоллов не отставал, легко неся не отягощённый провизией рюкзак. Тайга,

прежде чем выпустить скитальцев из своих тесных и сумрачных объятий, ещё больше нахмурилась напоследок, напустила тумана, острее запахла камышом и болотной гнилью.

– Щас зыбун минуем и, считай, вы дома! – воодушевлял путешественников егерь, тыча перед собой шестом, и предупреждал заботливо: – Вы только, робята, за мною след в след ступайте! Здесь место самое гиблое. Шагнёте, не ровен час, в сторону, и ухнете в трясины по самую маковку, как в преисподнюю!

Растительность опять поредела, деревца захирели, вечнозелёная хвоя подёрнулась ржавчиной, в изобилии торчали из топи лишь их окостенелые остовы, которые на фоне чёрного с белыми пятнами кучевых облаков неба, смотрелись особенно зловеще. Пётр Пименович, уже по колено увязая в трясине и по этой причине подёрнув голенища бродней, шагал уверенно, не забывая, впрочем, щупать перед собою почву шестом.

– Щас посуше будет, – успокаивал он перемазавшуюся с ног до головы болотной грязью, заметно выбившуюся из сил троицу. – Вот здесь по кочкам – скок да скок! И почитай вы уже дома...

– Ты, блин, как Иван Сусанин, – бурчал шагнувший мимо кочки и провалившийся чуть ли не до пояса в зловонную жижу Фролов. – Всё щаскаешь, а мы уже полдня по этому чёртову болоту плутаем!

– И ещё, осмелюсь заметить, – с лёгкой одышкой вставил журналист, – что мимо вот этого сожжённого молнией кедр мы уже проходили.

– Э-э, милай! – обернул к нему приветливое лицо егерь. – Молния – она ж дура! Бьёт по всему, что выпячивается, высовывается выше других. Это как у людей. Возомнил о себе, вознёсся над обществом, и тебе раз по башке! – И наше вам с кисточкой! Тута деревьев таких тьма.

– Ты, Александр Яковлевич, знающему человеку не мешай, – вступился за проводника Богомолов. – Он, в отличие от тебя, настоящий следопыт, урождённый таёжник. А ты лезешь со своими советами... Тоже мне, Чингачгук – длинный язык...

Студейкин замолчал обиженно, поправив сбившиеся на кончик носа очки, с сомнением посмотрел на одиноко стоявший, могучий некогда, а сейчас угольно-чёрный ствол кедр, и побрёл вслед за товарищами, с чмоканьем выдёргивая ноги из вязкой трясины.

Впрочем, идти опять стало легче – болото словно выдохлось, обмелело, кочки сменил хоть и пружинящий под ногой, но всё-таки крепкий дёрн.

– Ну вот, – с удовлетворением обернулся к попутчикам Пётр Пименович, – почитай, пришли. Давайте передохнём здесь, и на просеку. Может, повезёт, лесовоз попадётся попутный. А нет – так тут и до грейдера рукой подать.

Путники, ощутив впервые за несколько часов ходьбы твёрдую почву под ногами, повеселели, со стоном сбросили рюкзаки, распрямили затёкшие плечи.

– Ну и места у вас, – покачал головой Фролов. – Действительно гиблые. Если бы не ты, Пимыч, нам бы самим сквозь это болото никогда не пробраться.

– Эт точно, – легко согласился проводник. – Я эту тропку сызмальства знаю. Мне её дед показал. Здесь ведь как? Взял чуть в сторону – и поминай как звали. Вот вы, к примеру, могли бы тем же путём назад вернуться?

– Нет, – покачал головой капитан. – Уж больно мудрёно шли. Я сперва дорогу примечал, а потом плюнул на это дело. Деревца, кочки – один и тот же ландшафт, никаких надёжных ориентиров.

– То-то же, – с удовлетворением кивнул егерь. – Чужаку туточки верная гибель. Без меня вам из этих болот живыми не выбраться... Ну, ладно. Вы, робята, располагайтесь, отдыхайте, а я... до ветру отлучусь. Нужду справить.

Не снимая вещмешка, он юркнул в густые заросли дикой малины.

– Вот ведь... дитя природы, – завистливо посмотрел ему вслед Богомолов. – Старше нас лет на двадцать, а кажется, и не устал совсем. А меня прямо ноги не держат. – И решительно опустившись на траву, вздохнул мечтательно: – Эх, подхарчиться бы...

– Нечем, – покачал головой Студейкин. – Можно было бы, конечно, попросить у Пимыча провианта в дорогу, да неудобно. Мы и так изрядно от его запасов отъели. А он пообещал – к вечеру дома будем.

Фролов молчал угрюмо, курил позаимствованную у хлебосольного хозяина волглую от болотной сырости «Приму». Сизый дымок плыл на неощутимой волне ветерка, сдабривая табачным запахом гнилостное зловоние топи.

– Что-то провожатый наш засиделся, – хмыкнул озабоченный долгим отсутствием егеря журналист.

Он встал, с отвращением стряхнул с джинсов прилипшие к штанинам мокрые стебли болотных растений, постоял, тревожно озираясь вокруг, а потом зашагал в том же направлении, в котором удалился Пётр Пименович. Для Александра Яковлевича наступил решающий момент. Переговорив с егерем наедине, он рассчитывал прояснить ситуацию с человекоподобными следами, обнаруженными вчера возле заимки.

Опасаясь застать провожатого в деликатном положении, Студейкин, ступив в заросли, окликнул негромко: – Пётр Пименович! Вы где? Можно с вами поговорить?

И обведя взглядом открывшееся пространство, сразу же увидел егеря. Тот стоял у самого края болотной топи и, нагнувшись, прилаживал к ногам чудные приспособления – короткие и широкие, вроде лыж, плетёные из лозы. «Мокроступы!» – вспомнил название этой обуви много читавший любознательный журналист.

– Интересная штука, – похвалил егеря Александр Яковлевич. – Это для того, чтобы по болотам ходить?

– Ага, – распрямившись и подняв покрасневшее лицо, глянул недовольно на Студейкина егеря. – По самым непроходимым местам пробраться можно... – Пётр Пименович потопал мокроступами по траве. – Дальше без такой обуви – никуда!

– А... мы как же? – удивился журналист. – У нас такой нету...

– А вам и не надо, – усмехнулся недобро егеря. – Вы уже пришли. Прощевайте, ребята. Вам всё одно пропадать, а мне ещё засветло домой успеть надо.

– К-как... пропадать? – задохнулся от неожиданности Студейкин. – П-почему... пропадать? – А потом озарённо воскликнул: – Вы что, нас одних здесь бросаете?!

– Бросаю, бросаю, – сварливо согласился Пётр Пименович и, ступив на хлюпнувшую податливо поверхность болота, зачепал, высоко задирая ноги в мокроступах при каждом шаге, прочь от островка суши, на котором притулились уставшие путешественники.

– Э-эй! Вы куда? – послышался голос Богомолова.

Он и милиционер подспели к моменту прощания, и теперь смотрели обескуражено на удалявшегося егеря.

– Мы же не знаем, в какой стороне дорога! – в отчаянье крикнул ему журналист.

– А нету тут никакой дороги, – охотно отозвался Пётр Пименович, не оборачиваясь и живо шлёпая мокроступами по трясине. – Тут на сто вёрст одни болота кругом!

– Стой, сволочь! Стрелять буду! – сорвал с плеча ружьё Фролов.

– Стреляй, милай! Тока патронов у тебя нету, – опять подал голос удаляющийся стремительно егеря.

Капитан переломил ружьё, глянул в каналы ствола, потом схватился за патронташ. Там оказались лишь стреляные латунные гильзы. Выругался сквозь зубы:

– Вот чёрт! Точно, украл, гад, патроны! – И, недолго думая, вытащил из-за пазухи пистолет, передёрнул затвор: – Стоять, гнида! Я для тебя пулю найду!

Пётр Пименович оглянулся опасливо и, оценив расстояние, облегчённо махнул рукой:

– Из этой пукалки не дострелишь, начальник! Я тебя, мента, враз раскусил! Не будешь в чужие дела нос совать! Счастливо оставаться, робяты! Из этих болот ещё никто живым не вертался!

И растворился в накатившихся сумерках, только слышались в отдалении в мёртвой тиши слабые шлепки мокроступов.

11

– Он что, с ума сошёл? – недоумевал Богомоллов. – Интересно, какая муха его укусила?
– Золотая, – процедил сквозь зубы, пряча пистолет, Фролов. А потом, вновь принимая командование на себя, приказал: – Без паники. Пока совсем не стемнело, надо дровишек сухих для костра собрать. И насчёт пропитания побеспокоиться. У вас, товарищ писатель, я так предполагаю, этот гад патроны к ружью тоже стибрил?

Богомоллов, ощупав карманы, покаянно кивнул.

– Значит, охота за мной, – продолжил милиционер. – Пуля, конечно, не дробь, но авось какая дичь попадётся! Вы, товарищ писатель, занимайтесь костром. А вы, журналист, обследуйте ту часть, – указал он рукой в сторону, – нашего необитаемого острова. Я пойду в противоположном направлении. Проведём рекогносцировку на местности. Только далеко не удаляйтесь!

Богомоллов понуро принялся подбирать валежник. Студейкин, с сомнением посмотрев на пистолет капитана, который тот опять извлёк бережно и заботливо отёр рукавом стёганки, заявил вдруг с воодушевлением:

– К вашему сведению, друзья, именно собирательство, а не охота стало первым, древнейшим, занятием человечества! Прежде чем научиться убивать птиц, доисторические люди собирали яйца из гнёзд...

– Птичьи яйца... В сентябре... Это вы, товарищ следопыт, серьёзно? – с любопытством взглянул на журналиста Фролов.

– Я говорю «например», – взорвался негодованием тот. – Я лучше вас знаю, когда птицы в дикой природе высиживают птенцов! Но я, в отличие от вас, знаю ещё и о том, что в нашей стране насчитывается свыше двух тысяч растений, пригодных в пищу!

– Ага, только крестьянских огородов, судя по заявлению покинувшего нас егеря, ближе сотни километров отсюда не наблюдается, – с сожалением подметил нянчивший охапку веток, показавшихся ему сухими, писатель.

– Имеются в виду дикорастущие, годные к употреблению в пищу растения – кипятился Студейкин. – Например, сосна, которой здесь завались, может снабдить наш стол цветочными почками, молодыми побегами, шишками, витаминным настоем хвои. Чукчи, к вашему сведению, из листьев и молодых веточек ивы готовят одно из любимых блюд, которое заменяет этому народу хлеб. Для его приготовления набивают ивой мешки из тюленьих шкур и оставляют так киснуть в течение всего лета. Поздней осенью перекишая масса замерзает, её режут ломтями и едят. Съедобны также стебли и корневища камыша...

– Хорошо, хорошо, – согласился, чтоб отвязаться, милиционер. – Грибов каких-нибудь поищи, корешков. Мы тебя заставим их первым поесть. Если хвоста не нарежешь – присоединимся...

Ещё до того, как ночь навалилась на болото, Богомоллов услышал, как в отдалении щёлкнул сухо пистолетный выстрел. А ещё через четверть часа вернулся перемазанный грязью Фролов, волоча за длинные лапы мёртвую цаплю.

Писатель с сомнением посмотрел на неаппетитную, воняющую тинной птицу с вытянутой по-змеиному шеей.

– Сожрём, – буркнул капитан. – Мы, судя по всему, на острове. В той стороне, где я был, сплошные болота.

В это время сквозь кусты, запалённо дыша, продрался Студейкин.

– Прошёл метров сто, дальше пути нет – трясина. Вот, с голоду не умрём, – с гордостью вытряхнул он из рюкзака кучку грязных корней, зелёных стеблей и листьев.

Костерок трещал, дымил нещадно, сырые дрова горели плохо, но в котелке варилась, задрав красные лапы, цапля, приправленная толстыми, вроде спаржи, стеблями только журналисту известного растения.

Уже в кромешной тьме птицу из кипятка извлекли, разделили по-братски, а потом долго жевали жёсткое, отдающее рыбой и болотом, плохо проваренное мясо. Журналист отважно чавкал ещё и зелёными стеблями, заедал цаплю листьями, и Фролов, скептически глядя на него, изрёк пророчески:

– Пронесёт вас, гражданин следопыт, с этого подножного корма!

Студейкин улыбался упрямо, изображая восхищение вкусом горьких, как хина, стеблей, и шевелил между делом палочкой угольки костерка, в которых запекал ещё и старательно очищенные от грязи корни.

– И всё-таки я не пойму, почему эта сволочь нас в топь завела и на погибель оставила? – задумчиво глядя на обглоданную дочиста бедренную косточку птицы, вздохнул Богомоллов. – Что мы ему такого сделали?

– Вы – ничего, – оскалился, ковыряя в зубах веточкой, милиционер. – А я его, суку, накрыл. Думал, он по мелочи шакалит. Да, видать, дельце у этого егеря широко поставлено, раз он, не терзаясь совестью, нас троих в расход задумал пустить...

– Что за дельце? – напрягся писатель.

– Вот это... – Фролов залез в карман и вытянул оттуда перевязанный тесёмкой холщовый мешочек размером с кулак. – На-ка, глянь!

И бросил писателю. Тот подхватил на лету мешочек и тут же уронил – он оказался неожиданно тяжёл. Торопливо развязав горловину, Богомоллов запустил туда пальцы и извлёк горсть коричневого крупнозернистого песка. В свете костра крупинки блеснули жёлтым.

– Золото? – удивлённо догадался писатель.

– Оно самое, мать его, – выругался, сплюнув, капитан. – Это я в избушке егеря, под половицей, нашёл. Ну и прихватил как вещдок. Наверняка, если в этой хате пошарить, ещё много чего интересного отыскать можно.

– Когда ж ты успел обыск у него учинить? – поинтересовался Богомоллов.

– Рано утром. Вы дрыхли ещё. Пимыч этот из избы по какой-то нужде вышел. А я ещё раньше заметил: когда мы пришли, у него шкура косули на полу возле кровати лежала. А он нам те, что в сарае были, принёс. А на эту, возле койки, ещё и табурет поставил. Ну, я и приподнял шкурку-то. Доски половые там щелястые, одна короче других. Я её ножичком ковырнул – отошла. Сунул руку и нащупал мешочков несколько. Один, не глядя, взял. Думал, не хватит. А он, гад, видать, сообразил, что к чему. Они, должно быть, у него считанные. Я, честно говоря, лопухнулся. Думал, доведёт он нас до просеки, как обещал, тут я его и повяжу. Доставлю на Большую землю вместе с золотишком, а там уж расколоть, где оно добыто да кем – дело техники. Да он, сволочь, меня раньше раскусил. И принял... превентивные меры.

Студейкин обличающе ткнул в милиционера пальцем:

– Выходит, всё из-за вас!

Его сердито поддержал Богомоллов:

– Значит, это вам, капитан, мы обязаны своим нынешним незавидным положением! Болотом вокруг, цаплей вонючей вместо нормальной еды и тем, что жить нам, возможно, осталось день или два и мы помрём на этом богом проклятом острове!

– Ш-ш-ш! – предостерегающе прижал вдруг палец к губам журналист. – Тихо. Кажется, идёт кто-то.

Непроглядная ночь клубилась, сгущаясь вокруг мерцающего света догоравшего костерка. Из болота напознал на островок, стлался по сырой траве зябкий туман. И оттуда, со стороны непролазной трясины, донеслось всё более отчетливо слышное чавканье ног по воде, хруст и шелест сминаемых стеблей камыша.

– Большой зверь, однако, – прошептал писатель, прижимаясь в страхе к милиционеру. Студейкин выхватил из костра головёшку, помахал ею в воздухе:

– Эй, ты... кто там? Брысь! Пошёл вон! – и, обернувшись к Фролову, лязгнул зубами. – Хорошо, если лось... А вдруг медведь?

Капитан выхватил пистолет, решительно клацнул затвором, процедил сквозь зубы:

– Зверь на костёр не пойдёт... Уж не подельники ли это нашего егеря? А то и сам Пимыч пожаловал, чтоб от свидетелей наверняка избавиться... Отойдите от костра! – И Студейкину: – Брось факел! А то первым от них пулю схлопочешь!

Журналист испуганно швырнул головёшку. И в наступившей мгновенно тьме из кустов шагнуло к путешественникам что-то огромное, чёрное.

– Стой! Стрелять буду! Руки в гору! – рявкнул, вскинув пистолет, капитан.

Плохо различимый в ночи человек – высокий, на голову выше любого из путников, – остановился, переминаясь с ноги на ногу, и дышал громко, сопел, не предпринимая, впрочем, попыток напасть.

– Ой! – взвизгнул вдруг, приседая от ужаса на корточки, Студейкин.

Потому что стало видно в тусклом свете костра, что глаза незнакомца горят алым отсветом пламени, а весь он с головы до ног порос густым чёрным мехом.

Существо сделало ещё шаг и, протянув длинную, как у гориллы, и тоже сплошь волосатую лапу, проревело вдруг внятно:

– Хр-р-леп... Са-ха-р-р...

А затем гулко ударило себя по могучей груди, уточнив:

– Мне!

– Из-з-звините... – пролепетал жалко из-за спины милиционера Богомолов. – Н-не понял... Чего изволите?

– Хлеба он просит... И сахара... – прошептал скорчившийся на земле журналист.

Капитан застыл незыблемо, недрогнувшей рукой направляя ствол «Макарова» в грудь незваного гостя. А Студейкин, поднимаясь медленно с четверенек и заворожённо глядя на существо, первым сообразил и выдавил хриплым от волнения голосом:

– Человек... снежный... Йети... Да ещё говорящий...

– Хр-р-леп дай! С-с-ахыр-р! – повторил с рыком и подвыванием человекообразный.

– У нас нету... – жалко улыбнувшись, покачал головой писатель и для убедительности развёл руками. – Нету ням-ням! Тю-тю...

– Господи, да при чём здесь ням-ням! – с отчаяньем схватился за голову журналист. – Это же йети! Бигфут! Как вы не понимаете! И мы его нашли! Именно мы! Я был прав! Моя гипотеза подтвердилась! Это же... Это же сенсация мирового значения!

Милиционер скептически осмотрел с ног до головы гостя, хмыкнул пренебрежительно:

– Да бросьте вы! Какой-нибудь дебил местный, в лесу обитающий. Или алкаш. Мы ещё в школе, помнится, проходили про это: волосатый мальчик Андриан Евстихеев... – И, качнув угрожающе стволом пистолета, спросил властно: – Имя, фамилия? Где проживаете?

Костерок, словно осознав важность момента, вспыхнул вдруг ярче, лучше осветив таинственного пришельца.

Внешне он действительно напоминал человека. Вернее, человекообразную обезьяну вроде гориллы, если допустить, что в сибирской тайге могут водиться такие приматы. К тому же обладающие способностью к членораздельной речи.

Росту в нём было далеко за два метра, рослый Богомолов едва доставал ему до плеча. Мощное, с выпирающими буграми мышц, как у культуриста, тело было сплошь покрыто густой, тёмно-коричневой шерстью, заляпанной болотной жижей, и лишь на низком лбу – с белёсым, вроде седины, пятном. Морда существа плоская, с широким приплюснутым носом, вывороченными ноздрями. Кожа чёрная, как у негроида. Из приоткрытой пасти ослепительно

поблёскивали клыки – по два на верхней и нижней челюстях. Близко посаженные, будто нали-тые кровью глаза пристально рассматривали путешественников.

– Ну и рожа... – скривился Фролов, а потом опять обратился к существу: – Ну-ка, отве-чай, когда спрашиваю! Откуда сюда пришёл? Дорогу обратную знаешь? Кончай мне тут дурку валять, под гоминоида косить! Шас в наручники закоцаю, сразу заговоришь!

Звероподобный пришелец перевёл взгляд на него, посмотрел внимательно, а потом вдруг объявил:

– Домой! – и, повернувшись резко, зашагал широко в кусты, к болоту.

– Стоять! Твою мать! – рявкнул Фролов, но существо уходило, не оборачиваясь.

– Вы дурак! – взвизгнул Студейкин и замахнулся на милиционера в бессильной ярости. – Бигфут пытался вступить с нами в контакт! Эй! – бросился он за гоминоидом. – Я учёный! Меня зовут Александр Яковлевич! А вас?

Но зверь удалялся, переваливаясь по-медвежьи с боку на бок. В тусклом свете костра видно было, что он, раздвинув осоку, не мешкая ни мгновенья, шагнул в топь и пошёл по ней, не слишком проваливаясь, яко Христос по воде.

– За ним! Быстро! Он знает дорогу через трясины! – нашёлся милиционер и рванул сле-дом.

Он шёл решительно за ночным гостем, утопая по колено в болотной жиже, стараясь не отставать и возбуждённо шепча поспешающим следом Студейкину с Богомолковым:

– Вперёд, не дрейфь! Кем бы ни был этот урод, он обязательно выведет нас на твёрдую землю!

Глава пятая

1

Сперва Эдуард Аркадьевич решил, что умер. Он не чувствовал своего тела, парил невесомо в пространстве, озарённом тусклым, не иначе как потусторонним, светом. Перед глазами, словно больничной марлей подёрнутыми, за серой пеленой, колыхались неторопливо мутные, безмолвные тени.

«Значит, есть он, загробный мир, – покаянно-радостно сообразил Марципанов, – куда отлетает душа и со смертью брэнного тела всё совсем не кончается!» И принялся размышлять напряжённо, взвешивая свою прожитую неровно жизнь, в рай он попал или в ад, а может быть, правы латиняне – сначала в чистилище?

А потом вдруг завоняло резко, противно, запах аммиака шибанул в нос, и он понял с ужасом, что находится, вероятнее всего, в аду!

– Ишь, скукожился от нашатырчика-то, – отчётливо произнёс надтреснутый старческий голос. – Жив, собака!

– Да куда он, падла, денется?! Ты, Трофимыч, одно учти: враг, он завсегда живучий. Я, помнится, одного такого расстреливал. Не поверишь, полдиска ППШ в контру всадил, а он всё дрыгается, копытами перебирает. Пришлось из тэтэшника в голову добивать.

– Эт чё, – охотно подхватил второй. – Мы тоже диверсанта допрашивали. Ломом. Сначала руки ему перешибли, а потом брюхо проткнули, ломом-то. Насадил, как жука на булавку. Так он потом ещё полчаса извивался...

Холодея сердцем, Эдуард Аркадьевич, окончательно очнувшись, слушал этот бредовый диалог, крепко зажмурил веки и понимая отчётливо: да, он в аду. Где расстреливают, добивая выстрелом в голову, контриков, и протыкают ломом насквозь диверсантов...

– Ну-ка, ты, морда шпионская, зенки открой! На меня смотреть! – Марципанова звонко шлёпнули по щеке ладонью.

Он послушно раскрыл глаза, но увидел перед собой всё ту же серую пелену.

– Да ты, Акимыч, повязку ему на морде поправь, – посоветовал сварливо невидимый служитель преисподней. – Она ему на буркалы налезла. Замотали ему башку, а чо бинты-то переводить? Всё равно после допроса в расход!

– Не-е, – ответил Акимыч. – Ноне с людишками туго. Он, как особо опасный элемент, в шахту пойдёт. Пушай поработает на общую пользу. Поэтому ку-клуц-клан предупреждал: при проведении дознания иголки под ногти подследственному не вгонять, руки не портить. Почки тоже не отбивать. И вообще, с внутренними органами бережнее обращаться. Нам рабсила нужна. Это тебе не прежние времена, когда контра дуром в лагерь валила.

– Но по морде-то можно? – с надеждой в голосе любопытствовал собеседник.

– Да сколько угодно, Трофимыч! И по мордасам, и поддых. По рёбрам тоже кулаком пройтись в самый раз, или дубинкой резиновой. Вон он какой у нас... мясистенький!

С лица Марципанова сдёрнули наконец бинты, и он, округлив от ужаса глаза, увидел перед собой двух военных весьма преклонного возраста. В диссонанс только что слышанным от них речам морщинистые лица старичков были вполне добродушными. Они с живым интересом уставились на Эдуарда Аркадьевича, нависая с двух сторон над железной койкой, на которой лежал правозащитник.

– Оклемался, соколик? – лучась морщинами, улыбнулся один из них.

Старички были похожи друг на друга, как близнецы. Оба плюгавенькие, с ежиками коротко стриженных седых волос на темени, обряженные в военную форму. Но не в нынеш-

ною – полевую, камуфляжную и не в повседневную – кители с погонами и брюками навывпуск, а в гимнастерки х/б стародавнего образца, застёгнутые на медные пуговицы под горло, перетянутые в поясе и через плечо портулеями. На погонах у обоих кровятели полоски лычек – сержантские, что ли, Марципанов плохо разбирался в солдатских званиях.

Правозащитник тоже растянул губы в заискивающей улыбке, хотел было подняться с кровати, но, дёрнув руками, обнаружил, что крепко пристёгнут к пружинной сетке наручниками.

От возмущения Эдуард Аркадьевич забыл про страх. Никакой это, конечно, не ад, понял он, осмотревшись мимолётно, а заурядная камера... в отделении милиции, должно быть. А эти старые замухрышки, выжившие из ума и по этой причине нёсшие только что полную чушь, – провинциальные блюстители порядка. Которые даже не представляют себе, с кем они, дураки, связались. Да он всю правозащитную общественность на них натравит, прокуратуру! Да они со службы за такие дела в два счёта вылетят, во главе с начальником райотдела!

– Эт-то что такое?! – вновь обретя уверенность, грозно нахмурился Марципанов. – Ну-ка, освободите меня немедленно! Адвоката ко мне, быстро! Я вам, держимордам, гарантирую серьёзные неприятности!

Старички глянули друг на друга и рассмеялись – залиvisto, искренне:

– Их-хи-хи... Не... неприятности, – давясь от смеха, веселился один. – Он... нам... неприятности... Их-хи-хи...

– А мы ему... ха-ха... приятности доставим, – вторил другой. – Сапогом в печень... Ух-ха-ха-ха... Ой, уморил, гад!

– Смеётся тот, кто смеётся последним, – не теряя присутствия духа, назидательно предупредил Эдуард Аркадьевич, хотя сердечко ёкнуло, чуя недоброе.

Судя по окружающей обстановке – маленькой комнатке с оштукатуренными цементными наплёпками – «под шубу», стенами, малюсеньким окошком, забранном толстой решёткой, столом и единственным табуретом посередине, лампочкой, утопленной в нише над окованной железными полосами дверью со смотровым глазком, его поместили в камеру ИВС – изолятора временного содержания. Подобрали в беспамятстве после падения с вертолётa, приняли за пьяного – и сюда.

– Устрою я вам, негодяи, когда выйду отсюда! – пообещал мучителям Марципанов. – Вы у меня вылетите из органов без пенсии и выходного пособия! Это вам, сатрапы, не тридцать седьмой год!

– Тридцать седьмой? – недоумённо переспросил один из старичков. – А что у нас было в тридцать седьмом году? – обратился он к напарнику.

Тот растерянно пожал плечами:

– Я в тридцать девятом родился... А ты, Акимыч, на годок млачше, стал быть, в сороковом... – А потом, склонившись над правозащитником, посуровел лицом, спросил, пристально глядя в глаза: – С какой целью заброшен? К кому шёл? Явки, пароли, имена связников, быстро! – И вдруг заорал, брызжа слюной и дохнув на Марципанова крепким запахом табака и нечищенных зубов: – Говори, падла! В молчанку играть бесполезно. Предупреждаю, мразь: у меня и не такие раскалывались! Будешь, тварь, по полу ползать и мне сапоги целовать! Кровью умоешься!

Он схватил Эдуарда Аркадьевича за горло. Тот захрипел, забился в судорогах на кровати, лязгая металлом наручников. Старик сдавливал ему шею неожиданно сильно, яростно и всерьёз, перекрыл дыхание, и Марципанов закатил глаза, теряя сознание.

Неожиданная помощь подоспела в лице второго служивого. Сказав: «Да будет тебе!», он отстранил товарища, пошлёпал правозащитника по щекам и, увидя, что тот пришёл в себя, налил из стоящего на столике графина стакан воды, поднёс к губам Эдуарда Аркадьевича:

– На-ка, выпей, милоч... – и пока тот пил жадно, захлёбываясь, тёплую воду, чуть солоноватую от слёз, обильно заструившихся вдруг из глаз, толковал сочувственно Марципанову: –

Ну зачем же ты так, родной? Сразу в несознанку... угрожать... Ты нас тоже должен понять. Мы люди служивые. У нас приказ допросить тебя по всей строгости и получить интересующие нас сведения – значит, допросим. И всё, что нам нужно, выясним. Но лучше тихо, мирно, без ругани и рукоприкладства. Отпираться попусту бесполезно. Мы знаем, что ты, мил человек, диверсант, заброшенный к нам с вертолётa. Ты не первый и не последний такой. Вражеские лазутчики постоянно пытаются проникнуть за наши рубежи и с земли, и с воздуха. Но у нас граница на крепком замке! И мы тебя, шпиона, обезвредили вовремя. Ничего серьёзного ты натворить пока не успел. А потому, я уверен, суд сочтёт возможным сохранить тебе жизнь. Несмотря на расстрельную статью – за шпионаж, диверсии и вредительство. Если будешь добросовестно сотрудничать со следствием, расскаешься в содеянном, то отделаешься и вовсе пустячным наказанием. Получишь лет пятнадцать каторжных работ. Как наши зеки говорят, такой детский срок на одной ноге простоять можно...

– К-каких каторжных работ? П-почему... на одной ноге? – лязгнув зубами о край стакана, поперхнулся правозащитник. – Вы... вы с ума сошли?

Старик отнял от губ Марципанова стакан, отошёл, покачав с сожалением головой:

– Не хочет по-доброму... Давай ты, Трофимыч.

– Я ж говорю: матёрый вражина! – насупился тот. И, ринувшись к Эдуарду Аркадьевичу, принялся наотмашь хлестать его по щекам: – Колись, тварь! Будешь молчать – устроим допрос третьей степени. Всё равно признаешься! А потом как собаку пристрелим – именем трудового народа!

– Я... я ничего не знаю... – костенея от страха и с ужасом глядя на сатанеющего от ярости старика, лепетал правозащитник. – Я, если б знал, о чём вы, сразу бы всё рассказал... – И чувствуя, что обмочился, добавил, рыдая: – Гражданин начальник...

– Имя! Фамилия! Быстро! – орал, распаяя себя, старик.

– М-марципанов... Эдуард Аркадьевич...

– Он издевается, гад, – обернулся дед к напарнику. – Давай-ка клещи. Начнём зубы по одному выдирать... Задание! К кому шёл! Быстро!

– Н-нет! – подскочил на жёсткой койке правозащитник и забормотал, захлёбываясь слюной и слезами: – З-значит, так... з-задание... Рассыпать, то есть развеять прах академика Великанова. Над лагерем, где он сидел... А там не прах был, в урне, то есть, а соль. Я её с вертолётa сыпал...

– Та-ак, – удовлетворённо кивнул злобный старик, – уже кое-что. – И прикрикнул напарнику, усевшемуся тем временем за стол: – А ты пиши, не зевай!

– Пишу, пишу, – сварливо отозвался тот и, помусоля во рту не иначе как химический карандаш, из тех, канувших в небытие в связи с прогрессом в незапамятные ещё времена, зачиркал им по листку серой бумаги, шевеля губами и диктуя себе: – На допросе диверсант показал... что имел задание рассыпать соль над территорией лагеря... Какую соль?

– Какую соль? – рывкнув, продублировал вопрос второй старик.

– Об-быкновенную... П-поваренную... – чувствуя, что сходит с ума от жуткой нелепости происходящего, заикаясь, уточнил Марципанов.

– Рассыпал соль поваренную с целью совершить химическую диверсию, – с удовлетворением вывел на бумаге, слюнявя беспрестанно карандаш, старик. – А теперь, отравитель, назови сообщников.

– Сообщники! Кто? – рыкнул, нависая над Эдуардом Аркадьевичем, злобный дед.

– Э-э... – заблеял замороженный Марципанов. – С-соколовский, профессор. И этот, как его... студент, короче. Он соль давал. И ещё краевед, Семагин...

– Помедленнее, я же записываю! – упрекнул его старик за столом. – Всё ты, оказывается, знаешь! Но о твоих зарубежных хозяевах мы позже поговорим подробнее. А сейчас: к кому шёл? Кого знаешь в лагере?

– В лагере? – не понимал Марципанов.

– В нашем лагере, – зарычал, хватая его за грудки, злобный дед. – В который десантировался со шпионскими и террористическими целями! К кому ты шёл?

– Ни к кому, – шалея, замотал отчаянно головой Эдуард Аркадьевич. – Богом клянусь! Никого здесь не знаю. – И добавил, выдавив из себя заискивающую улыбку: – А знал бы – обязательно вам рассказал. Как на духу!

– А ты и расскажешь, – многообещающе оскалил жёлтые, прокуренные зубы старик, тот, что писал за столом. А потом обратился к напарнику: – Ладно, Трофимыч. Предлагаю пока закруглиться на этом. Майор приказал нам первичный допрос провести, мы и провели. Пусть теперь за него оперативники берутся.

Трофимыч ещё раз посмотрел на правозащитника, цокнул с сожалением языком.

– Сдается мне, не знает он ни хрена. Чёрная кость, рядовой диверсант, таких вслепую используют. – И замахнулся угрожающе на Эдуарда Аркадьевича: – У-у, шпионская морда! Из-за таких, как вы, мы никак коммунизм не достроим!

Старики, одёрнув гимнастёрки под портупьями, прихватив со стола графин со стаканом и коричневую картонную папочку, где хранились показания допрошенного, вышли из камеры, захлопнув за собой дверь. А через секунду Марципанов услышал, как скрежетнул ржаво замок – его заперли.

2

Оставшись в одиночестве, Эдуард Аркадьевич пребывал в полуобморочном состоянии. Последнее, что помнил он из предшествующих беспамятству событий: было падение с вертолёта в зелёную бездну и свист ветра в ушах. И сразу после этого – ужасное пробуждение, повязка на глазах и злобные, пещерные какие-то, нелепые старики, и от этого ещё более страшные в своей нелепости...

Что с ним? Где он?

Марципанов опять оглядел помещение. Типичная камера для одиночного содержания преступников. Присмотревшись, определил, что и стол, и массивный деревянный табурет крепко прихвачены скобами к некрашеному дощатому полу. Кровать, на которой он лежал, была жёсткой, не иначе как с пружинной сеткой, какие и не выпускают теперь. Тощий матрац подозрительно похрустывал при каждом движении тела – соломой он набит, что ли?

Эдуард Аркадьевич осторожно пошевелил конечностями. Ноги свободны, движения в коленях безболезненные. Руки примкнуты за запястья наручниками к лежаку, но тоже вроде целы. А вот спину ломит, и поясницу. Видать, ими он о землю и приложился. Удивительно, что вообще жив остался, не переломал ничего. Вертолёт хотя и завис над деревьями, но всё равно оставался на высоте девятиэтажного дома, не меньше...

Замок в двери – специальный, тюремного типа, открываемый огромным двадцатисантиметровым ключом, он видел такие раньше в следственных изоляторах, – скрежетнул ржаво.

Марципанов напрягся: неужто вернулись эти жуткие старики бериевской выучки? Слава богу, нет. В камеру вошёл строгий и подтянутый, тоже перепоясанный португесей, молодой человек. На погонах его полушерстяной гимнастёрки алело по одной лычке. Эмблемы в тёмно-синих петлицах тоже ни о чём не говорили – звезда в окружении овала из колосьев пшеницы. У стариков, помнится, петлиц и вовсе не было.

Стремительно шагнув к лежащему правозащитнику, военный пошарил в кармане галифе, извлёк маленький ключик и поочередно отомкнул им наручники.

– Извините, вы не объясните мне, где я, собственно говоря, нахожусь? – попытался получить хоть какую-то информацию Эдуард Аркадьевич, но вошедший пролаял сурово:

– Молчать! Не разговаривать! Встать! Руки назад! Лицом к стене!

Марципанов поспешно подчинился, встал, как велели, упершись лбом в шершавую стену, испуганно подняв плечи: вдруг опять начнут бить по незащитной, наболевшей спине?

Но его не тронули в этот раз.

– Приступить к раздаче пищи! – рявкнул военный.

Скосив глаза в сторону, Эдуард Аркадьевич увидел, как в камеру, толкая перед собой низкую тележку на колёсиках, вошёл пожилой мужик. Одет он был по-иному: в куртку и штаны, напоминающие пижаму в серую и чёрную вертикальную полоску, в такой же полосатой матерчатой кепке со сломанным ровно посередине козырьком. Слева на груди, на кармане куртки, у него был аккуратно пришит квадрат белой материи с буквой и цифрами.

«Заключённый!» – догадался правозащитник и сразу вспомнил, как зовут в зонах таких зеков из хозобслуги – баландёр!

Заключённый загремел посудой и черпаком, склоняясь над тележкой с солдатскими термосами. Через минуту он управился и поволок прочь из камеры свою дребезжащую повозку.

– Повернись! – скомандовал Марципанову надзиратель.

Эдуард Аркадьевич с готовностью обернулся. Держа руки за спиной, как велели, он вновь обратился было к военному:

– Товарищ... э-э... командир... Будьте любезны...

– Молчать! – гаркнул, багровея лицом, надзиратель. – Тамбовский волк тебе товарищ, морда шпионская! – И, взяв себя в руки, приказал уже спокойно: – Приступить к приёму пищи!

– Обуться можно? – с заискивающей улыбкой спросил Марципанов, неуютно чувствуя себя в носках.

– Валяй! – кивнул тюремщик.

Правозащитник проворно нырнул под кровать, извлёк ботинки – растерзанные, без шнурков, с разрезанной поперёк подошвой, из которой, он знал это давно, у арестантов выдерживали металлическую пластину-супинатор.

Понаблюдав минуту, как нерешительно, горбясь, пристраивается за столом заключённый под стражу, надзиратель вышел из камеры, заперев за собою дверь.

Эдуард Аркадьевич, плохо соображая, тупо обзрел скудно сервированный баландёром стол. В одной алюминиевой миске – какое-то мутное хлёбово. В другой комок склеенных зёрен вроде перловки – каша. Кусок чёрного хлеба. Глиняная кружка с тёмной жидкостью. Деревянная ложка с обгрызенными краями. Всё.

Есть не хотелось. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота. Марципанов с отвращением помешал грубо выточенной из деревянной чурки ложкой содержимое миски. Напоминает клейстер, которым клеила обои в комнате когда-то давно бабушка. Каша, похоже, была тоже мало съедобна. С любопытством взял хлеб, понюхал. Пахнет кислыми дрожжами. Отщипнул кусочек. Липнет к пальцам, словно оконная замазка. Пожевал. На вкус примерно такой же. Глина в него подмешена, что ли? Или толчёная кора древесная? В любом случае употреблять в пищу это определённо нельзя...

Он отодвинул миски и в задумчивости подпёр подбородок обеими кулаками. Несмотря на очевидную реальность происходящего, казалось, что ему снится страшный и затянувшийся неимоверно сон.

Куда он попал? В сумасшедший дом, где власть захватили буйнопомешанные, одержимые бредовыми идеями сталинизма? А может быть, он на съёмочной площадке какого-то кинофильма из прошлой жизни? По произведениям Солженицына или Шаламова... Вполне вероятно. Сейчас это модная тема – репрессии, ГУЛАГ, невинные жертвы. Ну, конечно, кино! А снимающиеся в нём актёры так увлеклись, вжились в образ, что разыгрывают сцены со случайно попавшим сюда, ни о чём не подозревающим зрителем... «Или нет! – осенило вдруг Марципанова. – Это какая-то телепередача. Реалити-шоу, дурацкий розыгрыш. Над ним поиздеваются вволю, выставляя в нелепом свете, а в конце войдёт телеведущий и сообщит торжественно: улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой!» Ну, конечно, как же он сразу не догадался, досадовал на себя Эдуард Аркадьевич, купился на такую примитивную шутку. Вроде говорящей головы на тарелке, которую подсовывают в подобных передачах посетителям ресторана. И всякий раз они визжат в ужасе вместо того, чтобы сообразить спокойно и трезво, что такого всерьёз просто не может быть. Кто подаст вам на блюде отрезанную человеческую голову в точке общепита? Как отчленённая голова может заговорить? Да никак, естественно, ни при каких обстоятельствах! Но мы всё равно иррационально пугаемся, вскрикиваем...

Точно так же и здесь, думал, испытывая огромное облегчение от своей догадки Марципанов. Какой может быть сталинский лагерь в двадцать первом веке? Это же очевидная чушь! Но он поверил, стушевался. Да и как не стушеваться, если перед тем шмякнулся из летящего вертолётa и, по всем прикидкам, должен был расшибиться в лепёшку! Тут не то что в действующий ГУЛАГ – в чёрта поверишь!

«Где, кстати, может быть эта скрытая камера?» – озаботился Эдуард Аркадьевич. – И сам же ответил: да где угодно. При нынешних технологиях объектив размером с горошину не различишь ни в складках цемента под потолком, ни за решёткой окна, ни в нише с электрической лампочкой...

Осознав, что сейчас на него, возможно, смотрят миллионы любопытных глаз телезрителей, Марципанов приосанился, выпрямился за столом, принял независимую позу, насколько это возможно, и даже принялся с кривой ухмылкой барабанить кончиками пальцев по доскам столешницы – я в норме, не сломлен, мол!

В принципе, конечно, здорово придумали эти гады-телевизионщики. В другой ситуации и сам Эдуард Аркадьевич вволю поохотал бы над ошалевшим от неожиданности современником, попавшим в лагерный ад. Правда, розыгрыш относится к разряду жестоких, на грани фола. А если вспомнить удары по лицу, наручники, то, пожалуй, устроителей шоу и засудить можно будет. Стребовав приличную сумму за моральный и физический ущерб. Тем более что в свидетелях недостатка не будет. Речь вести надо, пожалуй, о миллионе долларов. Или евро... Ладно, об этом потом подумаем. А сейчас подыграем пока. Ведь в наше время любая известность, даже скандальная, дорогого стоит. Слава богу, не при сталинизме живём...

В этот момент как раз кстати скрежетнул замок на двери.

Эдуард Аркадьевич физически ощутил, как впился в него, наверняка взяв крупным планом, объектив скрытой камеры. А потому он повернулся лицом к вошедшим, закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди, откинулся гордо и, независимо подрагивая носком ботинка, скривил губы в многообещающей злорадной усмешке.

Давешний молодой надзиратель, перешагнув порог, посмотрел на арестанта, на миски с нетронутой баландой и кашей, нахмурился, спросил официальным тоном:

– Та-ак, гражданин заключенный... Почему не приступаем к приёму пищи?

Марципанов представил, как задохнулись сейчас от волнения, взирая на эту сцену, телезрители, заявил с пафосом:

– Я отказываюсь употреблять то дерьмо, которое вы называете пищей!

И величественным жестом смахнул рукой миски со стола на пол.

Он ликовал в душе, понимая, что выглядит сейчас со стороны эффектно – гордым, независимым, неустрашимым...

Надзиратель угрюмо посмотрел на сброшенную посуду, на лужицу баланды, растёкшуюся по полу, и покачал головой:

– Ну-ну... В бараке бы тебя за это придушили... Ну ничо-о... Через пару недель чужую блевотину языком с пола будешь готов слизать, лишь бы с голоду не подохнуть.

– Я... я объявляю голодовку! – вскинулся правозащитник. – Пока мне не пригласят адвоката и не предъявят обвинения!

Надзиратель, с трудом сдерживаясь, предупредил официальным тоном:

– Голодовка является злостным нарушением режима содержания. И наказывается водворением в карцер... Впрочем, – он пристально всмотрелся в Марципанова, – в отношении подсудимых, пытающихся путём голодовки уклониться от дачи показаний, может быть применено принудительное кормление! – и вышел.

Эдуард Аркадьевич самодовольно приготовился к тому, что именно сейчас, судя по всему, и наступит кульминация шоу. В эту бутафорскую кутузку войдут наконец его устроители и на их предложение улыбнуться в скрытую камеру, он не будет прыгать от счастья, рыдать от радости и с облегчением хвататься за сердце, а поведёт себя сдержанно, с достоинством, усмехнётся снисходительно на нелепый розыгрыш – дескать, кого напугать вздумали... Ну, право, как дети малые!

Дверь с визгом и скрежетом распахнулась. Но покаянных телевизионщиков за ней не оказалось. В камеру вошли всё те же, уже знакомые ему, садисты-маньяки – Акимыч и Трофимыч, а с ними молодой надзиратель. Стариканы на этот раз почему-то были облачены в белые медицинские халаты, завязанные тесёмками на спине. За ними маячил, топчась, баландёр с цинковым ведром в руках и какими-то гибкими шлангами.

Затянутый в портупею молодой охранник шагнул вперёд.

3

На этот раз Марципанов не был прикован к койке и мог свободно ходить по камере. Он и ходил, предаваясь извечному занятию всех арестантов – счёту шагов. Правда, считать-то особенно нечего оказалось – пять в ширину, десять – в длину. Измерить расстояние по диагонали не получалось – мешали кровать и привинченный к полу стол.

Услышав лёгкий шорох за дверью, Эдуард Аркадьевич оглянулся. Сквозь застеклённый смотровой глазок за ним наблюдал надзиратель.

– Я требую адвоката! – без прежнего задора и пафоса сообщил правозащитник глазку.

Глаз в застеколье мигнул и продолжал взирать – недружелюбно и пристально.

– У меня есть право на телефонный звонок! – опять обратился к недреманному оку Марципанов. – И вообще... в туалет хочу.

Глаз исчез, дверь камеры вновь отворилась. В неё молча протиснулся полосатый зек. Он, пыхтя, внёс деревянную лохань на верёвочной ручке, от которой исходил тошнотворный запах аммиака.

– Параша, – буркнул он и, водрузив посудину в углу камеры, торопливо, не глядя на узника, вышел.

Марципанов опять покосился на глазок. Он темнел беспристрастно, и зрачка надзирателя за ним уже не просматривалось.

Конфузясь и старательно повернувшись к нему спиной, правозащитник справил малую нужду в зловонную лохань. Стало чуть легче, и он вновь принялся ходить взад-вперёд, чувствуя, как при каждом шаге урчит и бултыхается в животе тошнотворная баланда.

Эдуард Аркадьевич терялся в догадках. Он не понимал, где находится, день сейчас на дворе или ночь. Не знал, сколько времени пробыл без сознания – часы или сутки и, в конце концов, сомневался, в сознании ли он вообще, в здравом ли уме – слишком чудовищным и нелепым было его пробуждение, а всё происходящее отчётливо напоминало галлюцинации или бред.

А может быть, он и впрямь в бреду? Находится, например, в реанимации, и доктора, борясь за его такую нужную прогрессивной общественности жизнь, вкатили ему дозу обезболивающего наркотика, вследствие чего и чудятся всякие несуразности – камера, тюремщики-упыри... А тема галлюцинаций навеяна известием о пропавшем дедушке, оказавшемся бериевским опричником, полётом над тайгой, местом, где отбывал срок в сталинском лагере Великанов. И никакой мистики – одна гольная химия...

Только вот галлюцинации какие-то... слишком реальные. Челюсти, например, от разжимавшего зубы роторасширителя до сих пор болят, и в желудке какая-то мерзость после принудительного кормления булькает. Опять же – стены камеры, вот они. Шершавые, грязные, с налётом цементной пыли. Как их можно с чистой реанимацией спутать? С прохладным и гладким кафелем, с белоснежным унитазом, в конце концов, вместо удушливо смердящей параша...

А может быть, он провалился в хронологическую дыру? Подобные факты наука не отрицает категорично, а относит пока к разряду необъяснимых. Если кто-то попал в будущее, то почему бы не вернуться в прошлое? В тридцать седьмой год, например... В мире столько всего неизученного!

Но если так, напряжённо размышлял Марципанов, то вполне вероятно, он и впрямь попал в сталинский лагерь, как в фильме... как бишь его?.. А, «Зеркало для героя». Там два наших современника попадают в сорок шестой год. То, конечно, литературный приём автора. Но здесь-то всё вполне натурально...

Шторка смотрового глазка вновь отодвинулась в сторону, блеснул за стёклышком зрачок надзирателя, и голос из-за двери строго распорядился:

– Отбой по каземату!

А потом заученной скороговоркой проинструктировал:

– После объявления команды «отбой» заключённому запрещается сидеть, ходить, разговаривать, принимать пищу. Естественные надобности разрешается справлять только при крайней нужде. За нарушение распорядка дня налагается дисциплинарное взыскание в виде водворения в карцер на срок до пяти суток. От-бо-о-ой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.